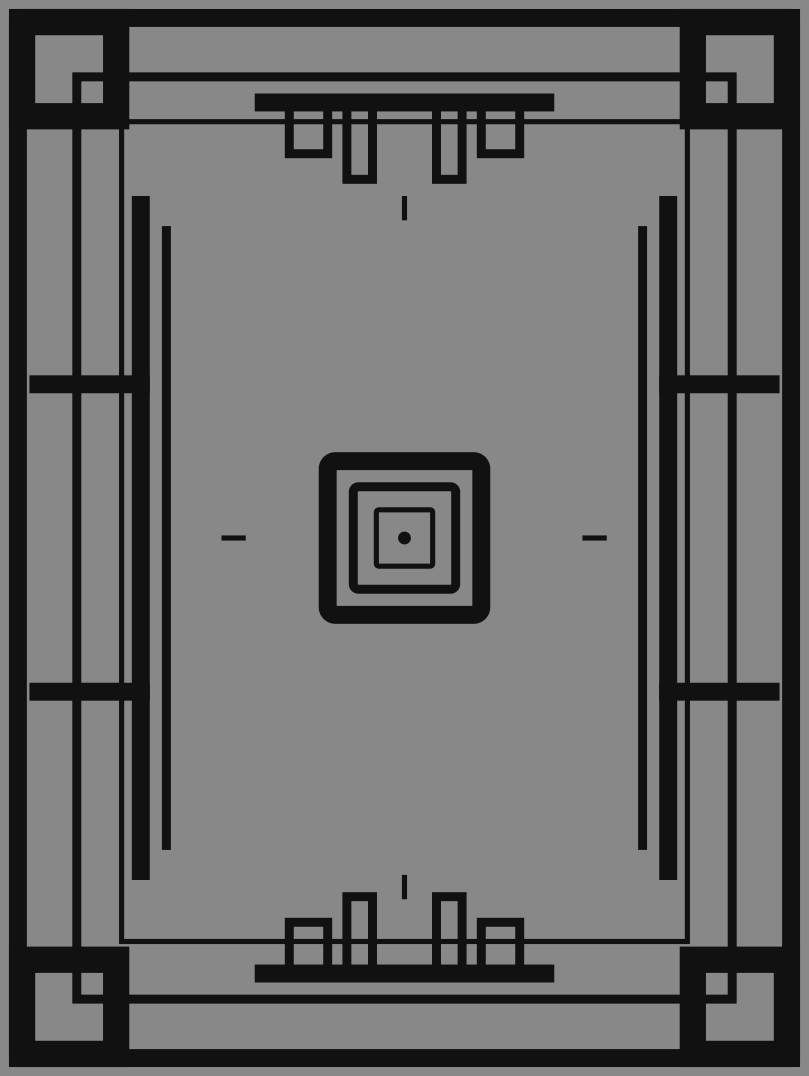

Кот Бегемот. Христианство и Мировое Бабство. Наброски.Кот Бегемот

ХРИСТИАНСТВО И МИРОВОЕ БАБСТВО (НАБРОСКИ)

Все чередой идет определенной,

Всему пора, всему свой миг;

Смешон и ветреный старик,

Смешон и юноша степенный.

Пока живется нам, живи,

Гуляй в мое воспоминанье;

Молись и Вакху и любви

И черни презирай ревнивое роптанье;

Она не ведает, что дружно можно жить

С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;

Что ум высокий можно скрыть

Безумной шалости под легким покрывалом.

Пушкин

Сейчас вы узнаете о том пласте мирового бабства, о котором, окромя меня,

никто, может, и не напишет. Упаси вас Бог испытать такое, когда жена ваша

слушается в первую очередь не вас, но своего духовника (или учителя, или как там

они в данной "конторе" называются). Я через эти ужасы лично прошёл, и сделал

интересный вывод. Женщина, слушающаяся в первую очередь своего духовника, на
самом деле просто использует его как ширму для прикрытия собственного бабского
своеволия. Она не хочет что-то делать, что предлагает совершить её муж, и теперь
у неё есть другой, "альтернативный" авторитет - причём его образ освящён
тысячелетней традицией послушания духовнику, да и Церкви в целом - в то время,
как законный муж оказывается ничем не освящён - кроме разве что многочисленных
пороков. . . . И теперь она начинает брать своего духовника измором - мол,
батюшка, вот просто не могу сделать то, что мне муж говорит, и всё тут.

Духовник, опасаясь, что прихожанка "соблазнится" (то есть вконец обозлится на
его непреклонность и вовсе перестанет ходить в церковь), в конце-концов
благословляет всё, ею просимое. Зрелище, как женщины вертят священнослужителями,
причём совершенно неосознанно для этих последних, производит на внешнего
наблюдателя впечатление самое сильное. Разумеется, чтобы отследить весь порочный

этот механизм, нужно глубоко погрузиться в благочестивую христианскую жизнь, а потом оттуда ещё и вынырнуть. . .

Но всё же самое тошнотворное - это торжествующая физиономия бабы (бабское торжество почему-то всегда очень тошнотворно выглядит), когда она смело и решительно посылает вас теперь нафиг, ссылаясь на волю своего духовника, который зачастую (если речь идёт о иеромонахе), и женат-то никогда не был, а стало быть, не вполне "владеет темой" - не понимает некоторых тонкостей взаимоотношений с тёщей, зависимости от тестя, "бывших друзей" жены, проблему выбора подарка, разделения семейных обязанностей, и так далее и тому подобное. В этой сложной и запутанной области монашескому смирению вообще нечего делать, и автору пришлось убедиться в этом на собственном горьком опыте. . . В дальнейшем во всех спорных ситуациях жена, тем не менее, сразу же обещает сначала выспросить разрешение у него. Здесь мужик начинает ощущать себя никем, а духовника - всем.

"Святой" же "отец" так и не осознаёт, что оказы-

вается пешкой в грязной
бабской игре (бабская игра, как правило, всегда исключительно грязная, иной они
и не ведут). И это так потому, что во многих случаях он - иеромонах, который с
женщиной никогда не жил (живут монахи, как правило, с мужчинами;). Эх, говорил
же мне диакон о. Борис: "Кот, семейному человеку ни в коем случае нельзя
исповедоваться у иеромонаха. Разве он что понимает в нашей жизни? Разве у него
была тёща?". . . А Бегемот тогда его не послушался, будучи уверенным, что
иеромонах "всё понимает" в силу его "духовной чистоты". Как же, понимает!
Благословивши меня на законное венчание (и даже на нём настояв) этот умник
первым же и устранился, когда у нас начались проблемы. Не сделал ни единого
шага, чтобы повлиять на мою "благоверную". Да и вообще молчаливо потворствовал
всё более распоясывавшейся бабе. . .
Женщине вообще духовных наставников не следует иметь. Самым главным
наставником её должен быть муж: "Потому что муж есть глава жены" (Еф. 5,23).

Именно он является "посредником" между женою и Богом. И нужно найти себе такого мужчину, чтобы признавать его быть достойным наставничества, и, приняв однажды решение быть с ним, не ударяться потом во всякие там "сумления". Так вот, по поводу нашей монашки: обязательно нужно повыспросить, есть ли у неё постоянный духовник? Может, она ходит в церковь исключительно за кампанию со своей мамочкой или подругой (что ни говори, у женщин так чаще всего и бывает).

Если вы на такой женитесь , то гарантированно никогда не найдёте общего языка и в плане воспитания детей. Тут вы услышите полную чушь: типа учебный год нужно начинать не со своевременного прихода в школу и занятия там места за первой партой, но с чтения молитв и пения тропарей (с чем вплотную столкнулся мой ребёнок в начале этого года, когда из-за длинных молитв он опоздал и занял самое плохое место в классе). Далее. Лучшее лекарство от болезни - это причастие, да и вообще нужно причащать самых юных младенцев, дабы в них не "прорастали грехи".

Почему-то исторический опыт не учит этих людей, что сколько прежних поколений ни
причащало своих младенцев - даже самое элементарное любостяжание так и не
удалось искоренить (все "воцерковленные" православные по своей натуре отличаются
прижимистостью исключительной). . . Не удалось искоренить даже и пошлое
обрядоверие. А значит, методология была неверна, и нужно было что-то
модифицировать. Например, вместо буквы переключиться на дух. . .

Впрочем, до детей в моём случае не доходило. Все православные начинали
разговор с одного и того же вопроса: состоял ли я в венчанном браке? Разумеется,
я ответствовал, что да, причём не в одном, а сразу в четырёх. На недоуменный
вопрос - а как это возможно? - отвечал, что это потому, что по натуре я
гетеросексуал и одновременно являюсь миньоном одного влиятельного архиерея.

Здесь Кот обыкновенно сразу чувствовал себя гоголевским Ноздрёвым, и подобно
ему, начинал "нести такую околесину, которая не только не имела никакого подобия

правды, но даже просто ни на что не имела подобия". Как правило, тут будущие
матушки и вешали трубку.

Обычно же с такой тёткой общаться исключительно трудно даже вначале -
сознание её полностью заполнено специфической кашей, состоящей из отрывков
богословских и философских идей, отдельных фраз, слышанных ею от духовника, и
самое главное - тем, что "говорили женщины в храме", ею посещаемом (Чехов
помирал над этим женским вывертом - "одна баба сказала"). Заквашено всё это на
простонародных традициях и идущих от Византийской эпохи предрассудков, гордо
преподносимых христианским сообществом в виде "Священного Предания". Одно
освящение самых разных предметов - воды, яблок, мёда, орехов, свечек, масла,
яиц, пирожков, просфорок, автомобилей, полотна, и даже соли чего стоит! Слышали
ль вы про "четверговую соль"? Ну, ещё услышите. . .

В большом требнике есть даже особая "молитва, еже благословити сыр и яица". А
крошечные пирамидки из творога, которые

называют "пасхами" - видели бы вы, с
каким серьёзным видом все христианки их освящают! Вам не попадалась в метро
верующая тётка, старательно крестящая место, прежде чем сесть? - Между тем, вся
христианская церковь и есть такая тётка.

Ещё нам предстоит услышать, что все иноверные - еретики, обреченные геенне
огненной, поскольку в своей жестоковыйности не желают примыкать к истинной вере.

Самое трогательное во всём этом то, что подлинного следования заповедям Христа
мы здесь так и не увидим. Да мы и нигде не увидим его. . . Никто не собирается
отдавать вторую рубашку неимущему. Совсем наоборот. Если, например, у
православной матушки трое детей, то ей просто необходим автомобиль в семье -
возить детишек в воскресенье на службу, а также к родителям (слова Христа, что
нужно оставить отца и мать, и что "враги человеку домашние его" давно позабыты).

Одно, изволите видеть, вытекает из другого и нестяжание тут вообще ни при чём.

Это, видите ли, жизненная необходимость.

Натурально, тут же "благочестивая матушка"

начинает пилить мужа, чтобы
подзаработал на семейное авто. Но чем тогда христианская жена отличается от
какой-либо другой? Вроде как христианство предполагает, что уж по этому-то
поводу пилить не следует.
Бывает и так, что во имя пущего своего комфорта православные начинают сдирать
с неимущего и последнюю рубашку (как, к примеру, поступала моя некогда "бывшая",
"любовь до гроба" в самые тяжёлые для меня годы после развода). Нетрудно видеть,
что эти добрые по своему люди попросту выбирают из вероучения то, что им удобнее
всего выполнять, а именно - ритуалы, никого и ни к чему не обязывающие, и
личного благосостояния нисколько не умаляющие. При этом заявляется, что
благодать Божия (она, впрочем, и на самом деле существует - это проверено)
постепенно, эволюционным путём, сама по себе и причём без каких-либо
сознательно-волевых усилий со стороны индивида "преодолеет чин его падшего
естества" (столь же наивно предполагать, что и само христианство постепенно

преобразует человечество). Типа, достаточно просто соблюдать обряды - освящать

воду и вербу, помазываться на всенощной, соборовaться в пост и прочее, прочее,

прочее. . . Ну, ещё причащаться и исповедоваться, причём на общей исповеди,

"оптом". Как правило, женщины не понимают религию в более глубоком смысле.

Скорее всего, именно они вдохновили христиан на типично гальперинскую идею,

что регулярно повторяемая одними устами молитва постепенно "интериоризуется"

(употребляя терминологию П.Я.Гальперина) в самое сердце, где постепенно и начнёт

совершаться сама собою, станет типа умной, полностью человека преобразит. . .

Да, это правда - но лишь для немногих избранных; тех, кому уже дано - "Кто

имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то,

что он имеет" (Мф., 13, 12). Этот опыт, годный лишь для единиц, тем не менее,

был неправомерно перенесён на самые широкие массы рядовых христиан, живущих

одним потреблением, и жизненно нуждающихся в оправдании, успокоении совести и

вообще освящении такого образа жизни. Угадайте, как массы восприняли и
интерпретировали этот высокий опыт?
Кроме того, Иисус говорил, что "от избытка сердца глаголят уста" (Лк. 6, 45),
и понятиями советской психологии почему-то не оперировал. . . Но зато какова
схема-то, схема! Ведь насколько она удобна, чёрт возьми! Ибо на 100% обслуживает
она потребность и в поверхностной вере, и в успокоительном повторении освящённых
опытом мам и бабушек ритуалов. . . Ну и, заодно, в органически присущей нам всем
поверхностности, любви к букве, но не духу. С духом-то ведь всё очень трудно. .
. Иными словами, достаточно регулярно исповедываться, причащаться, читать пару
молитв в день (пардон - теперь это называется "вычитывать"), тянуть перед
завтраком святую воду - и можно смело именовать себя христианином. И всё
перечисленное воспринимать как чуть ли не подвиг.
В вербное воскресение веточки вербы освящают, причём совершенно непонятно
зачем; заодно кропят святой водою и их вла-

дельцев (можно подумать, что Крещения
как такового недостаточно, чтобы по-настоящему быть христианином). Натурально,
те веточки, которые во время самого чина освящения стоят в ведре у алтаря, в
Царских Вратах, почитаются прихожанками как-то по-особенному святыми. И наш
настоятель однажды благословил раздать после службы эти вербочки прихожанам.
. . .Их было, наверное, несколько тысяч, и про себя я решил, что нужно давать
не более одной ветки в руки. Я стоял на солее в роскошном, шитом золотом
облачении, а внизу, передо мною, колыхалась нетерпеливая бабская толпа. Они
злобно толкались и отпихивали друг друга; они рвали эту вербу у соседей из рук.
Они ожесточённо дрались, и - к пущему моему удивлению - громко, в голос,
матерились. Они заявляли, что лучшую вербу Кот забрал себе. Они требовали "ещё
одну веточку для больной соседки". Они пытались утащить у меня всё ведро. И даже
тогда, 15 лет назад, будучи правоверным христианином, глядя на эти
обезображенные злобою лица, я думал про себя:

"И это есть христианство? Нет, не
может быть. Что-то здесь не так. . . Христианская вера тут ни при чём, Спаситель
принёс на Землю что-то другое".

Хотите, я сейчас расскажу вам, в чём подлинный, инновационный смысл
христианства? Один чёрт всё равно отклонился от главной темы. Один чёрт, всё
равно в отзывах обольёте меня грязью. . . Истинный смысл христианства - не в
молитвах и причастии, но в _о_т_ н_о_ш_е_н_и_и_ к другим людям. И, конкретизируя
этот момент, - в том, что _н_е__с_у_щ_е_с_т_в_у_е_т__ч_у_ж_и_х_. Нет иноверцев.

Нет врагов. Кем бы другой ни был - с любой другой верой, с любым языком, с
любыми традициями, с любым цветом кожи - он _с_в_о_й_. Вспомним притчу о добром
самарянине. . . И вспомним уже приводившуюся фразу "Кто будет исполнять волю
Божию, тот мне брат, и сестра, и матерь" (Мк., 3, 35). Иисус призывал к
духовному родству всех и вся. И всевозможные обряды и ритуалы - не самое
главное, но лишь "технология", чтобы поддержать эту главную цель. Они изначально

вторичны, что бы ни говорили на сей счёт реакционные попы и контрреволюционные
церковники. Именно эти последние поставили обрядовую сторону веры во главу угла,
поскольку с этого кое-что имеют - тоже, типа, обеспечивают свои семьи, своих
любимых жёнушек с материнскими их инстинктами. . . Но парадоксальность любого
развития в том, что вторичное всегда стремиться стать первичным. Sic transit
gloria mundi - с той лишь разницей, что теперь всего mundi, и что она теперь
окончательно и бесповоротно transit. . . И пусть докажут мне, что регулярно и
добросовестно исполняемые ритуалы реально меняют это
_о_т_н_о_ш_е_н_и_е__к__д_р_у_г_и_м_. Пусть докажут, используя хотя бы
элементарный богословский и психологический аппарат, ибо исторический опыт вовсе
этого не доказывает. . .

А ведь с этой потрясающе красивой и глубокой идеологией - учением Христа -
человечество впервые смогло бы окончательно порвать с животным миром и пойти по
совершенно иному пути. Ибо каждый зверь

только и делит других по принципу
"свой-чужой", "враг - не враг", прям как система распознавания у ракет
"земля-воздух". . . Однако всё пошло кувырком. Нам был дан шанс окончательно
порвать с животным миром и перестать считать себя во всём правыми и всегда
хорошими. В каком-то смысле целью христианства и было преодоление этого "тяжкого
наследия" животности, переход на новый эволюционный уровень. И - вместе с этим и
одновременно с этим - объединение человечества в единое творческое целое.
Почитайте-то под этим углом зрения все притчи Христа.
Но этим шансом не воспользовались. Человечество по своей слабости
переработало в "зверином" смысле и самое учение Христово. Мол, коли в Христа не
веруешь - то ты уже "не наш". Или веруешь не так, как мы. Или крестишься не теми
пальцами и не в том направлении. . . Уже первые ученики апостолов только и
грызлись между собою, у кого из них самая правильная вера. И грызлись весьма
бурно - иначе какого лешего апостол Павел

писал в одном из посланий: "Сделалось
мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. . . " Ну и так
далее, аще заинтересуетесь - найдёте в самом начале Первого послания к
Коринфянам. Просто так апостолы послания писать не будут - стало быть, проблема
уже наболела. Показательно, что сейчас дело обстоит ничуть не лучше - сходите на
любой христианский форум, и убедитесь, что так и продолжают "наследники" Христа
грызться, у кого какая вера, и чья более правильна, и кто там хороший, а кто -
плохой. Обещаю, что вас стошнит уже при чтении второго-третьего постинга. . . Ну
куда как деятельный подход.

А кто у нас больше всего любит группы, кружки да классы? Про кого Гоголь
сказал, что где они, там сразу явится деление на партии? Вы подумали правильно,
о внимательный мой читатель. Это всё из-за баб (поскольку нормальная женщина
воспринимает веру только своего избранника). А распустили их мы, мужчины. И всё
из-за нашей дебильной сексуальной от них зависимости. . .

Как подумаешь, что самая высокая мистерия во Вселенной - пошлейшее распятие
ни много ни мало целой Ипостаси её Творца - свелась этими дурами-бабами к
освящению идиотских вербочек. . . Да ещё к унижению своих мужей. . . Иными
словами, это лукавое бабское мировоззрение использует одну из самых высоких
религий в мировой истории (точнее, самую высокую) просто как ширму для прикрытия
своего тривиально-общечеловеческого стремления к благополучной и сытой жизни...
Но это ещё не всё. В своей работе "Из седой древности" (опубликованной в
сборнике "В мире неясного и нерешённого") В.Розанов убедительно доказывает, что
древние верования так или иначе связаны с физическим размножением. В частности и
те, где принято обрезание. Это последнее является типа обещанием продолжить свой
род, плодиться и размножаться: "в браке из обещания завет переходит в
исполнение, "слово" обручения переходит в дело мужа". В тех религиях жизнь
мужчины также если и не была напрямую подчинена женщине, то, тем не менее,

определялась чисто женскими ценностями. Но, собственно, почему женскими? Разве
размножение - не удел животных? Таким образом, мужчина во все эпохи был подчинён
женщине. От себя добавлю, что религия, ставящая размножение во главу угла, может
быть сколь угодно жизнеспособной - но немногого стоит.

В одной из лучших книг Фробениуса ("Der Kopf als Schicksal") абиссинская
женщина произносит следующие слова: ". . . Мать - останется ею, даже если её
ребёнок умрёт, даже если умрут все её дети. Это чувство никогда не покидает её
душу. . . Всего этого мужчина не знает; он ничего не знает. Он не знает, как
меняет женщину познание любви, как её меняет материнство. Он и не может ничего
этого знать. Только женщина может знать это и говорить об этом. Вот почему мы не
можем позволить нашим мужьям руководить нами. . ."

Если копнуть проблему поглубже, то мы увидим, что в мире давным-давно
господствуют женщины с их грёбанным материнством. Но это не самое ужасное. Они

сделали так, что мы с этим смирились (кстати - им в достижении этой цели сами мы
и помогли). Они преподнесли нам своё материнство как нечто бесценное, стоящее
выше всего на земле. Они обставили дело так, что и они сами, и их тело, и
возможность быть с ними вместе воспринимаются теперь как некое сокровище,
которого нужно как-то по-особому домогаться, за обладание которым неизбежно
нужно платить. Мы оказались всюду им обязанными; наше собственное, мужское дело
воспринимается как нечто второстепенное и малоценное - если только не приносит
оно денег, которые могут заинтересовать женщину с имманентным её стремлением к
материнству и обеспеченной жизни. Занятно, что мужчины и сами незаметно
уверовали в нечто подобное. Это хорошо видно по многочисленным отзывам на данную
работу - как на "штатной" странице комментариев
(http://zhurnal.lib.ru/comment/k/kot_b/
acquaintance), так и в полном собрании
всевозможных мнений об этом тексте (их можно найти по адресу

http://guestbook.userline.ru/book5166/) Неужто я открою великий секрет, если

сообщу, что сокровищем может быть вовсе не тело, но только женская душа?

И вообще поразительно, до чего мы, мужики, не умеем ценить сами себя. После

грехопадения женщина стала госпожой - тогда как ранее была всего лишь

помощницей. Найдите это место в Библии - книга Бытия, глава 2, строфы 18 и 20. И

христианство должно было, кроме всего прочего (разных там богословских штучек, о

которых в этой работе распространятся не стоит), в частности изменить и это

положение вещей. Однако женщины "прибрали к рукам" и его, превратив христианскую

веру в обоснование "благочестивого" деторождения. . . Обратите внимание, кто

больше всего посещает храмы? Причём женщина не просто стала госпожой - это было

бы ещё пол-беды. Всё мировое развитие оказалось подчинено интересам женщины. Вся

наша система ценностей буквально пропитана ею. И ведь так будет всегда.

В. Геодакян разработал чрезвычайно красивую и убедительную теорию, что самки

всегда отстают в своём развитии от самцов ровно на одну ступень. Типа природа
оберегает женских особей, они гораздо важнее для сохранения вида в целом. А на
мужчинах она опробует новые, рискованные варианты развития. Так вот, применяя
это рассуждение к области нашего сознания, мы получим следующее: если мужская
половина человечества сумела в той или иной мере воспринять некоторые из тех
духовных ценностей, которое привнесло в мир христианство - чувство
ответственности за своё дело, умение великодушно прощать да и просто быть
великодушным, способность глубоко раскаиваться в согрешённом, и, наконец,
благородную аристократичную созерцательность, когда "не заботишься о завтрашнем
дне", то женщинам в их основной массе всё это до сих пор неведомо. И по сей день
малодушные их сердца переполняют следование сиюминутным эмоциям, страстное
желание любой ценой отомстить, мелочная злопамятность, самодовольное желание
иметь гарантированное благосостояние. . .
Женщина так и осталась по сути своей закон-

ченной язычницей. Обратите
внимания, на кого ориентированы в первую очередь салоны по всяким там
отворотам-приворотам? Даже реклама их составляется соответствующим образом:
"верну любимого", "помогу избавиться от соперницы". . . Если мужчине
патологически не везёт в личной жизни, то он либо тихо спивается, либо начинает
анализировать ситуацию, мучительно ища, где же он неправ, и в конце-концов,
что-то изменяет в ситуации или в себе. Он читает книги, ходит на лекции по НЛП,
штудирует сайты по пикапу. Если не везёт женщине, то она приходит к выводу, что
"ей сделали".
На сайте Woman.ru шла дискуссия по поводу "венца безбрачия" Начала её некто
Марина. Она писала: "Однажды одна женщина, которой я в общем-то доверяю,
сказала, что некая завистница, дабы увести у меня любимого мужчину да и вообще
жизнь попортить чуть-чуть (а то я больно счастливо выгляжу) навела на меня
порчу. Кроме резкого и необъяснимого разрыва с молодым человеком и некоторого

недомогания (что, наверное, вполне понятно, сердце-то не камень и кровь не вода)

ничего страшного тогда не произошло. Кстати, парень так и не смог мне объяснить

что же все-таки произошло? С истерическими нотками в голосе он сказал, что не

может больше со мной встречаться, а на вопрос "Почему?" все время твердил "Не

знаю, я не знаю. Не могу и все. Ты мне так нравишься, но я не могу. Мне плохо".

С тех пор прошло достаточно много времени, все (тьфу-тьфу) хорошо, но замуж я

так и не вышла. Много поклонников, я нравлюсь, мне нравятся, но что-то не

клеится. Что-то, что я не могу объяснить..." Марина заявила, что подобная

петрушка продолжается уже несколько лет.

Затем на сайте началась бурная дискуссия (длилась она около двух недель).

Большинство участниц сошлись во мнении, что "венец безбрачия", натурально,

существует, причём каждый раз приводились одни и те же аргументы: "Одна знающая

женщина сказала мне..." Натурально, Марине рекомендовали обратиться к знающей,

"настоящей бабке" ("такой, которая денег не

берёт"). Видимо, "знающая бабка" -
высший пункт развития "знающей женщины"... Между тем, уже через несколько дней
после начала дискуссии Марина успела познакомиться с одним юристом (через
Интернет), встретилась с ним, они влюбились друг в дружку и даже стали жить
вместе... И тут, в самом конце дискуссии ваш автор не выдержал, и разразился
тирадой: а как же "венец безбрачия"? Ведь он так и оказался неснятым? Как же
Марина ухитрилась познакомиться и даже начала жить со своим кавалером? Куда,
чёрт возьми, подевался венец?
Женщина - язычница. Самоанализ и самосознание заменены у неё тайною верой в
могущество сверхъестественных сил. Нет, не совсем точно: женщины так устроены,
что какие бы недостатки у них ни были, они должны всегда чувствовать себя
хорошими. И одним из проявлений этого свойства является вера в потусторонние
силы. Одно является дополнением другого, оно как бы занимается его
"обслуживанием". Ну как удобно списать своё одиночество на чьи-то злые чары, а

тривиальное непостоянство молодого человека, и ту лапшу, которую он при
расставании понавешал - действием "отворота". И как, видимо, трудно женскому
менталитету объяснить собственные недомогания обычной психосоматикой!

Собственно, и мужчины такие встречаются, но тем не менее в общей массе они,
пусть и в различной мере, но умеют относиться критически к самим себе. Женщинам
же свойственно постоянно оправдывать самих себя (в их массе - оговариваю это
специально, так как изредка встречаются и исключения) и искать причину своих бед
в чём-то стороннем и внешнем. Женщина мыслит категориями "свой-чужой",
"дикий-ручной", "любит-не любит". Причем для неё "свой", "ручной" и "тот, кто
любит" - одно и то же. И наоборот.

Посмотрите, как женщина разговаривает с бездушными вещами, как присваивает
своему автомобилю (а также и многим другим предметам) ласковые имена, как
искренне обижается на тот предмет, который её "не слушается". Кстати: если
застукать женщину в этот момент, так сказать,

настигнуть её врасплох, и сказать ей: "да этот предмет тебя вообще не любит!", то она тут же охотно согласится.

Женщина ожидает любви от всего материального мира, она наделяет всё сущее живою душой. Что это, если не оставшийся от первобытного состояния политеизм? И всё сущее должно не просто слушаться её, женщину - но именно любить. А в первую очередь - мы сами. Обратите внимание, с каким пафосом недовольная женщина произносит одно-единственное слово "вообще!" Прямо как кошка шипит. А ведь тут имеет место самая настоящая, крутейшая генерализация: тот, кем недовольна женщина не просто не угодил ей в каком-то одном отношении, но не любит её в целом. Это "вообще" более всего свидетельствует о базовом отношении женщины к миру: раз её "вообще" не любит данный объект, то не любит и весь мир; самое существование женщины начинает терять всякий смысл. Ибо этот последний у неё всегда вторичен. . .

А вытекает из всего сказанного вот что. Женщина принципиально не умеет

по-настоящему чувствовать себя грешной, то есть, в конечном счёте, плохой. Об
этом, кстати, пишут почти все исследователи. Со своей стороны добавлю, что
слёзки, которые они (женщины, а не исследователи) льют в церкви на исповеди -
это не проявление подлинного раскаяния, как воображают иные священники. Женщина
всего лишь умиляется, да ещё - жалеет саму себя. Мол, как это вдруг оказалась
она плохой? Но зато её духовник такой хороший, и теперь у неё всё будет хорошо,
то есть она тоже типа хорошая. . .
Кроме того, каждая женщина - прирождённая актриса, и всегда прекрасно
чувствует, какой физиономии от неё ждут - дабы понравиться (в данном случае -
исповеднику). И она прекрасно умеет совершенно искренне делать у себя эту
физиономию. И даже глубоко уверовать в то, что эта физиономия искренна. Да ещё и
посмеяться над теми, кто не имеет такой физиономии. . . Всё это органически
необходимо ей, чтобы постоянно ощущать себя хорошей, а эта особенность, в свою
очередь, необходима психофизически, дабы

эффективно воспитывать детей. Быть самкой и всё время чувствовать себя хорошей - по сути дела, синонимы. Риск самораскаяния да и подлинного самоанализа вообще могут позволить себе лишь мужчины. Поскольку самопознание вообще есть риск.

Такой психологический выверт (полностью, замечу, обойдённый вниманием не только всех современных исследователей христианства, но даже и св. Отцов Церкви), принципиально лишает женщину подлинного чувства раскаяния. Она всегда найдёт нечто, какую-то точку в душе, чтобы ощущать себя хорошей. Женщина никогда не поверит глубоко (то есть на уровне ощущения, а не на уровне фразеологии), что прародительница Ева согрешила. Куда там! Ведь у Евы потом родились дети, а дети всегда есть благо, каким бы способом они ни завелись. . . А попробуйте-ка покритиковать женщину! В ответ будет стандартная реакция "сам дурак" - в той или иной форме, соответствующей культурному уровню данной особы. Но реакция эта будет обязательно, она неизбежна, как восход

и заход солнца. Занятно, что и в
отзывах, приходящих на эту работу, звучит та же самая "солнечная" нотка: мол,
что ты за герой, чтобы нас классифицировать да судить? Да все эти 99 признаков
применимы и к тебе самому, да и ко всем мужчинам! Тоже, типа, "сам дурак".

Так вот: сия женская особенность является ключевой для дальнейшего нашего
анализа. Это женщины с их убогой поверхностностью выбрали из христианства
внешнюю, ритуальную составляющую, сделав её основой христианской жизни, этакой
ширмой, прикрывающей и оправдывающей неизменную женскую суть - желание
господствовать любой ценой, но лучше всего незаметно, дабы не нарваться на
неприятности. Впрочем, если христианство не ведёт за собой, если ради него не
отказываются от своего имущества, от своих родственников, от своего "я" - то в
любом случае оказывается оно лишь ширмою для прикрытия собственных, так сказать,
имманентных, потребностей.

Скажу более. Это именно женщины создали культ Божией Матери, возвеличив её до

уровня божества. Нетрудно видеть, что христианки поклоняются не божеству Девы

Марии, но, скорее, её материнству, её принадлежности к женскому полу. Так они и

заявляют: она сама была матерью, значит тоже страдала, она тоже женщина, она нас

поймёт. Иными словами, поклоняясь Деве Марии, христианки поклоняются. . . сами

себе.

Между тем Сам Иисус Христос относился к Своей матери несколько иначе: "Когда

же Он ещё говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить

с Ним. И некто сказал Ему: вот Мать твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить

с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? И кто братья Мои? И,

указав рукою Своею на учеников своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои"

(Евангелие от Матфея, глава 12, строфы 46-49). И ещё: "Кто будет исполнять волю

Божию, тот мне брат, и сестра, и матерь" (Мк., 3, 35). Более того. Он даже не

обращался к ней со словом "мать": "Что Мне и Тебе, Жено?" (Ин., 2, 3). В итоге

мы не найдём как в словах, так и поведении и

в учении Христа

_н_и___е_д_и_н_о_г_о__м_о_м_е_н_т_а_, возвеличивающего Его мать до уровня

отдельного, самостоятельного культа. Но тогда зачем было это сделано?

Христианство, религия Триединого, распятого и страдающего Бога, слишком

многого требует от человека: не заботиться о завтрашнем дне, отдавать вторую

рубашку (да и всё своё имущество) неимущему, никогда не разводиться, прощать

злейших врагов, воспринимать чужаков как своих, да и вообще быть совершенными,

"как Отец небесный". . . Кто всё это потянет? Я, например, не отдам нищим свой

ноутбук и дорогущий велик "KONA". . . Как не собираюсь прощать и свою

"единственную избранницу" - ну как клялась, как божилась быть вместе до гроба и

разделить все трудности, а стоило им начаться. . . Сама же первая, "молитвенная

христианка", и подала на развод. . .

Натурально, христианство слишком многого требует и от женщины. И тогда

женская психика ищет и находит посредника между нею и Богом, - посредника,

который может понять и оправдать её женские интересы. Существование образа

Матери Бога уже само по себе до известной степени оправдывает женское

материнство, отстаивая его "status quo" перед лицом высоких духовных проблем.

В.В.Розанов очень интересно пишет, что "в Божией Матери человек искал защиты,

своего рода исторического "заступи и помилуй", от всегда пугавшего строгостью и

суровостью Лика Спаса". Однако не указал он и ещё одной немаловажной причины

возникновения этого культа: для пущего обоснования деторождения. Типа, раз мать

Христа родила Божьего Сына, то и любое деторождение тоже как бы отсвечивает

чем-то божественным, и теперь вы, мужики, ни к чему подобному не способные,

должны перед всем этим смиренно склониться. . .

Однако и это ещё не всё. Деву Марию выдали замуж за немощного старика,

который к ней вообще не прикасался, но жил с нею как брат и только обеспечивал.

То есть замужем в нашем понимании она вообще-то и не была, и своего Сына родила

вовсе не от мужа. Угадайте, каким образом этот момент повлиял на мировоззрение

женщин христианского мира? Вы догадались правильно. Они вовсе не стали

копировать идеалы непорочности и чистоты, поскольку это несколько

затруднительно, но зато хорошо усвоили тот факт, что муж - это тот, кто просто

обеспечивает, и которого не обязательно воспринимать всерьёз. Обратной стороной

этой "низовой мариологии" было то, что она укрепила в женщинах своего рода

центробежные силы, доставшиеся ещё от животного мира - когда самка, опасаясь за

своих детёнышей, не подпускает к себе самца, а то и вовсе от него уходит

(прекрасная, очень показательная иллюстрация к этому идёт по адресу

http://www.onlife.ru/family.phtml?id=73).

Никто так и не осознал, что "медаль" христианства, повешенная на шею

человечества, имела и свою обратную, явно негативную сторону. Ибо, будучи

непонятым, или понятым неверно, или понятым недостаточно, или понятым

фрагментарно, христианская вера начинает

лишь развращать человечество, выступая
своего рода "змием-искусителем", и действуя при этом опять через всё тот же
самый "немощный сосуд". Утверждают, что только христианство, мол, возвысило
женщину, вытащило её из того жалкого состояния, в котором была она у иудеев и
язычников. Щаззз. Если использовать красивую и качественную "методологию"
Христа, что о дереве лучше всего судить по его плодам, то и о данных предметах
следует судить, глядя на христианок - причём без разницы, современных, или
дореволюционных. Здесь - феминизм, там - чистое язычество. Выбирайте: либо
христианство было полностью извращено бабами, либо "Христос напрасно распят". А
третьего, кстати, и не дано. . .
Дева Мария родила Бога (точнее, Божьего Сына), то есть божество, которому
сама и поклонялась (что замечательно видно в православной иконописи). Это очень
хорошо накладывается на желание каждой женщины не только поклоняться
собственному чаду как божеству, но и заставить делать это всех близких. И одно

здесь обуславливает другое: женское материнство обусловило культ Божией Матери,

а этот культ - обусловил возвышение женщины (и материнства) в её глазах. Я лишь

хочу сказать, что все христианские истины, будучи восприняты не глубоко, но

поверхностно, ведут к последствиям весьма плачевным. Таким, что и позабылось

уже, зачем всё затевалось. . .

И самый корень бабства - здесь. Не в меркантильности, истеричности,

мелочности, изворотливости, слезливости и хитрости - а в этой грёбанной сфере

женского бессознательного, возводящего тривиальную функцию деторождения на

сакральный, космический уровень, делающий его предметом поклонения: мол,

материнство - это святое. Ибо из этого неизбежно следует, что всё остальное

(например, призвание мужчины, его способности, его талант, который, кстати,

Иисус Христос категорически не советовал зарывать в землю - Мф., 25, 14 - 29) -

суть профанное, низменное, что может обрести некую относительную ценность лишь

тогда, когда всячески это "святое" обслуживает.

. . И когда Иисус говорит, что

"враги человеку домашние его" - то под человеком Он подразумевает мужчину и

_т_о_л_ь_к_о_ мужчину (в древнем мире по другому и не было). Враги - те, кто

тянет человека "вниз", требуют от него стать просто "кормильцем". Христианство

так и не привило человечеству творческий дух, так и не стало оно обоснованием

мужской системы ценностей, и в первую очередь - творчества. Но об этом потом.

Культ Божией Матери - это разновидность феминизма древнего мира; сейчас

феминизм не нуждается уже в религиозном прикрытии. А мужики, в своей душевной и

духовной простоте, не сумели противопоставить этой идеологии ничего (в конце

главы "Философия бабства" будет объяснено, что именно могли бы мы

противопоставить). Тем самым христианство было изначально низведено до уровня

идеологии, обслуживающей чисто женские потребности, а на самом деле - животные,

так как рожают и ухаживают за своими детёнышами вообще-то все позвоночные.

Принято считать, что христианство возвысило

женщин как таковых, так как одна
из них родила Божьего Сына, и всё такое. Однако отметим во всём этом другой
момент. Дева Мария зачала Иисуса без какого-либо участия мужчины. Таким образом
женщина продемонстрировала мужчине не только свою автономию от него, но и
полноценную связь с Богом. Ранее именно в этом смысле женщины считались
неполноценными. Причём менструации рассматривались в древнем мире как
богоустановленный способ регулярного очищения женщины от первоначальной
нечистоты (точнее - от нечистоты, обретённой вследствие грехопадения). Иными
словами, наличие месячных почему-то интерпретировалось как доказательство
сугубой падшести женщин. Кстати, в православии до сих пор считают так, и в
"критические дни" женщинам запрещают не только причащаться, но и прикладываться
к иконам. Хотелось бы знать, какие такие грехи усмотрели бы эти умники в течке у
самок млекопитающих. . .

Истинный же прикол в том, что слона так и не заметили. Обратив внимание на

форму, частенько пренебрегаешь содержанием. Служа букве, поневоле забываешь про
дух. Христианство в его историческом варианте вовсе не возвысило женщину по
сравнению с прошедшими временами, "plusquamperfectum"; оно не уравняло её с
мужчиною. Напротив, оно дало женщине мощнейшее оружие подавления этого
последнего. Сакрализация образа Божией Матери сказалась разрушительно на
характере женщин христианского мира потому, что ей, этой сакрализации,
своевременно не было создано своего рода "идеологического противовеса".

Возвышение женщины в какой-то мере и в каком-то отношении означало принижение
мужчины. Именно здесь коренится основная проблема нашего мира. Джин женской
самодостаточности, дух независимости её от мужчины, выпущен был из тесной
бутылки и начал разрушительную свою работу. Христианская цивилизация, начав с
предельной зацикленности на облике Христа (Которого, согласитесь, довольно
трудно назвать мужчиной в обыденном нашем понимании) и Девы Марии, оказалась

обречена идти только по этому пути. И это так потому, что наш мир полностью

забыл о мужчине-Адаме: когда и Кем был он сотворён, с какой целью, и в чём было

его мужское призвание. . . Без некоторой мужской составляющей наша идеология

вечно будет - как бы сказать это? - разбалансирована в сторону женского

господства в самом своём сердце, так сказать, в базисе.

И теперь имеем мы следующую "святую троицу", которой, по сути дела и

поклоняются христиане на святой Руси, так как именно этот набор икон чаще всего

присутствует в домах: Божию Матерь, Николу-угодника и Христа, Который

воспринимается как своего рода "заместитель" Перуна-громовержца, и одновременно

- как "оберег" от детских болезней, ибо именно с этой целью женщины детей и

крестят. . . Стало быть и самая "актуальная" Ипостась Бога тоже используется

чисто по-бабски. Кстати, любопытства ради ознакомьтесь-ка с житием святителя

Николая-Чудотворца (в простонародье - "Никола-Угодник"). Одним из основных

чудесных эпизодов его биографии было то, что он подкидывал мешки с золотом

сёстрам-бесприданницам, которые никак не могли выйти замуж. Именно ему-то и

молятся об удачном замужестве молодые романтические девушки. . . Тоже, стало

быть, "бабский" святой, образ которого, кстати, эволюционировал на Западе в

фигуру глэмурного "мешочника", новогоднего Санта-Клауса. . . Но тогда из кого же

состоит вся эта, наиболее популярная троица? Кому она служит? Кто её составил?

Кто ей поклоняется?

Безусловно, не следует столь прямолинейно думать, что это некие злокозненные

тётки, феминистки древнего мира, намеренно произвели все эти изменения и создали

наш современный, полный законченного бабства, культ. Создают мужчины; закрепляют

женщины. Но постепенное возвышение почитания Божией Матери происходило благодаря

этим последним, и, самое главное, в их интересах. В интересах этой типично

бабской потребности в пошло-слезливом умилении, потребности в трогательных

веточках, свечках и просфорочках, во всём этом

живом, тёплом, душевном - таком
приятном и потому мгновенно растапливающем душу, волю и мозги. И не только
женщинам - но и мужчинам (автор лично через всё это прошёл). Почитайте-ка
Розанова. Хотя бы его работу "Об адогматизме христианства" (в сборнике "Около
церковных стен"). Вот одна из тряпок-мужиков, изобретавших для баб культ,
полностью исчерпывающийся просфорками, "кайфом" от причастия, праздничными
куличами да святой водичкой. Христианство в понимании его Розановым полностью
лишено каких-либо мужских черт. Кстати, христианство реальное - тоже.

Догадайтесь-ка, почему мужики столь редко посещают храмы? Да нюхом они чуют,
что от тех за версту несёт тупым и скучным бабством с его мелочными страхами,
вульгарным суеверием и пошлым самодовольством. Но натура мужчины сохранила ещё
некоторый инстинкт здравого смысла, твёрдой воли и потребности в позитивной
деятельности, направленной вовне, - а не в своеобразном приходском эмоциональном
онанизме, от которого хорошо только получа-

ющему. . .

Один из самых красивых и убедительных софизмов, слышанных мною в храме - "я

исполняю то, что могу по немощи". То есть - не могу раздать своё имущество,

реально возлюбить ближнего, "быть как Отец небесный", не способен я на такие

подвиги. И потому я искренне стараюсь делать то, что у меня получается - читать

молитвы, ходить в храм, исповедываться, причащаться. . .

"Искренность" эта не стоит ломанного гроша. Мы имеем здесь дело с типичным,

хорошо завуалированным самообманом, поскольку реальным смыслом этой фразы будет:

"я выбираю из христианства то, что мне _у_д_о_б_н_е_е_ всего делать". И всё это

для того, чтобы продолжать считать себя христианином, то есть возвышаться в

собственных глазах. Священники говорят то же самое: пусть, мол, делает, то, что

может, всё-таки хоть будет оставаться "воцерковленным" человеком.

И, наконец, самый красивый "пируэт" христианской мысли: ну да, этот человек

грешит. Но лучше пусть уж он грешит, посещая

храм, чем просто грешит. Авось,
благодать как-то его исправит. Тем самым посещение храма низводится до уровня
оправдания греха. Ибо всегда можно сказать: ну да, я грешу, но ведь потом каюсь.
Христианские иереи, архиереи, да и просто чернь почему-то никогда не учитывали
работу механизмов бессознательной мотивации, способных всё что угодно поставить
с ног на голову. А потому можно и просто ощущать это на глубинном уровне. А
можно и сознательно использовать. А ещё - эта универсальная "схема оправдания
греха" начинает пронизывать как низовой менталитет, так и всю культуру данного
христианского народа. Она разлита в воздухе; она впитывается с молоком матери;
она живёт и побеждает даже в другие эпохи - атеистические, реформационные. Но
все продолжают делать вид, что ничего не происходит.
При этом никто не хочет также замечать, что в действительности эта спорная
интерпретация лишь вооружает человека дополнительным средством для осуждения
других и самовозношения: ну как же, ведь они-

то в храм не ходят, а я хожу. Типа,
я лучше. Именно здесь причина того, что самые что ни на есть воцерковленные
христиане оказываются совершенно невыносимы для окружающих и скорее отталкивают
других - и от себя, и от Церкви. Однако, вместо того, чтобы осознать суть
проблемы, наш "христианин", почувствовав, что его сторонятся все "нецерковные"
люди, начинает полагать, что связано это со святостью его веры: мол, Христос же
говорил, что "наше Царство не от мира сего", что нас не будут понимать, что
будут гнать. . . Сей "воин Христов" преисполняется дополнительной гордостью от
сознания собственной причастности к сообществу непонятых и избранных; это, в
свою очередь, ещё более от него отталкивает. Психологически наш верующий
становится сектантом - это ощущение собственной незыблемой правоты, острова
свободы в море вселенского зла.
Круг, таким образом, замыкается. И в сложившейся ситуации выхода из него нет.
Христианство оказывается отрезано от человеческого сообщества, от реальной жизни

людей именно в том отношении, которое по учению Христа было самым главным - в плане взаимоотношений людей. Или, выражаясь более резко, описанный порочный круг прямо противоположен учению Христа.

В результате, попав в храм, любой здравомыслящий человек начинает чувствовать, что погружается в какую-то мутную и вязкую пучину сложного самообмана, полностью парализующего человеческие мозги. Он оказывается окружён не христианами, но людьми, называющими себя таковыми, живущими точно так же, как он сам, но считающих себя самыми необыкновенными. Ещё бы! У них и вера крутая, и самая настоящая благодать. . . И он либо покинет храм, либо станет точно таким же. Кот прошёл через всё это лично.

Желание хорошо жить присуще решительно всем людям. Однако способность жить точно так же как все, и считать себя при этом чем-то необыкновенным присуще женщинам исключительно (нет, вру - ещё подросткам обоего пола). Существующая идеология Церкви идеально удовлетворяет потребностям _б_а_б_ в самообмане и

самовозвеличивании. Именно поэтому церковные христианки - нечто совершенно отвратительное. Мужики-то ещё ничего. . . Им как-то удаётся сохранить некий здравый смысл.

В результате между мужчиной и женщиной возникает некоторое недопонимание - в дополнение к легиону недопониманий всех прочих. И разрешается оно только одним путём - смирением мужчины (как и в большинстве других случаев). Смирением перед женщиной. А потому христианство _в_ _к_а_к_о_м - т_о_ _с_м_ы_с_л_е_ не только не способствует соединению мужчины и женщины в прочный и гармоничный союз (о чём так хорошо пишет Розанов в своих статьях - например, "По поводу доклада о.Михаила о браке"), но и непрерывно генерирует тот тип семьи, где заведомо доминирует женщина. У нас на Руси все знают, что самые лучшие, самые прочные и самые дружные семьи - где верховодит женщина, а мужчина об этом не догадывается.

И у Пушкина в "Евгении Онегине" мы читаем о старшей Ларине, попавшей из Москвы в глухую деревню, "где она рвалась и плакала

сначала", но потом "открытие большое
вскоре её утешило совсем: она меж делом и досугом открыла тайну, как супругом
самодержавно управлять, и всё тогда пошло на стать" (глава 2, строфы XXX -
XXXI). Но так только ли у нас в России?
. . .Прочный и гармоничный союз _х_о_т_я__б_ы_ равноправных личностей, говорю
я. О том, чтобы женщина была помощницей мужчины и твёрдо осознавала своё место в
мире, речи теперь вообще не идёт. Махина двухтысячелетней христианской истории
толкает нашу героиню вперёд, ко всё большему самоутверждению.
Но сознаёт ли и мужчина это своё место? . . И помогает ли ему в этом
сложившаяся ситуация - в Церкви, в обществе, в литературе, в семье? . .
С христианской идеологией женщина получила мощное орудие воздействия на
мужчину. Ибо, как всякая религия, христианство неверифицируемо (то есть любое
его утверждение невозможно проверить, можно лишь сравнивать с эталонным учением
"Отцов Церкви"). Другими словами, христианскими догматами можно оправдать

решительно любой поступок - в силу своей бесконечной глубины они подвержены
самому различному, самому произвольному истолкованию.

Вот как это выглядело на личном моём примере. Когда я предлагал нечто своей
"законной половине", она ответствовала: "нет, так как ты мой законный венчанный
муж, а потому обязан делать то-то и то-то". Когда же она надумала развестись, то
я припомнил ей как эти слова, так и высказывание Христа о недопустимости
развода. Тут-то и пришлось мне столкнуться с исключительной гибкостью как
женского мышления, так и христианских догм. Поверьте: одно идеально подходит к
другому. А именно - мне было заявлено, что "преподобный Серафим Саровский
говорил, что часто причащаются в храме, на небе же остаются непричащёнными. И
таинство нашего венчания было действительно только на земле, но не на небе". Как
вам этот изящный пируэт мысли?

Итак, в трясине всех этих выкрутасов вынуждены мы барахтаться, закрутив роман
с православной девушкой. Не говоря уже о том,

что связываясь с православной мы

тем самым лишь как бы закрепляем и утверждаем это её нечестие.

Вообще-то критике всё изложенное в принципе не подвержено - их (христиан)

царствие не от мира сего, и раз мы не начинаем слепо исполнять обряды, то и

своим падшим разумом не в состоянии постичь всех требуемых вероучительных высот.

И это при том, что один из авторов (а именно - Тертуллиан) заявлял, что наша

душа по сути христианка. Из чего, кстати, следует, что мы, "люди внешние", прямо

так, душою, можем "отделить зёрна от плевел".

Или, формулируя более прямолинейно, для исторических христиан мы - никто,

люди второго сорта, и не имеем права их даже критиковать. Так мало-помалу, и

совершенно незаметно для своих адептов, христианство обернулось полной своей

противоположностью. . . Просто умора, что христиане не в состоянии

отрефлексировать как всё произошедшее, так и своё типично языческое отношение к

другим. Кстати, любую, самую доброжелательную и позитивную критику воспринимают

они чисто по-бабски, как повод для пущего самооправдания: типа, у нас самая

"крутая" вера, и потому-то "падший мир" на неё и ополчается.

Врёте, теплохладные! Слишком много чести - ополчаться на вас! Скажите

спасибо, что вас ещё критикуют, то есть обращают на вас хоть какое-то внимание,

чего-то ещё ждут от вас. . . Тоже мне, отцы-пустынники. . . Луг, блин, духовный.

. .

Одною из самых важных проблем является то, что христианство лишь на словах,

поверхностно переосмыслило Ветхий Завет. Вообще-то все мы существуем "внутри"

парадигмы христианства; наше сознание укоренено в ней, является неотъемлемой его

частью. И поэтому мы не видим, не можем видеть, что само христианство является

ничем иным, как диалектическим отрицанием иудаизма с его Ветхим Заветом.

Христианство само появилось и развивается по тем же самым законам гегелевской

диалектики, отражающих реальности мира падшего, то есть бабского.

Так вот. В своём пафосе отрицания всего "вет-

хого" (что вообще хорошо видно по
любым словам Христа), а равно и в дальнейшем своём развитии, оно выбрало из
Ветхого Завета только то, что связано с пророчествами о Мессии, начисто позабыв
о первых главах Книги Бытия: зачем был создан Адам, зачем была дана ему Ева. . .
В своём увлечении Спасителем (и, соответственно, спасением) христиане даже не
соизволили создать учение, каким образом Адам и Ева должны были непорочно
"плодиться и размножаться" в раю - хотя ответ то лежит на поверхности. Из
великолепной, глубокой, убедительной картины мира было выбрано лишь одно
поверхностное высказывание: женщина "спасётся через чадородие" (1 Тим. 2, 15).
Сообществу мужиков-подкаблучников так и не удалось понять, что Священное
Писание, взятое в целом, понятое как нечто единое, предлагает иной тип жизни,
иной тип семьи, иной тип отношений, иной тип деторождения - чем тот, который
удобен сообществу женщин. Как никому и не пришло в голову, что Новый Завет без
Ветхого не имеет _н_и_к_а_к_о_й_ ценности.

Первый даёт способ жизни; второй -
смысл. . .

Почему-то так сложилось, что в христианстве вообще не существует понятия
"ответственности" - не только в богословии, но даже и в менталитете, и это не
только потому, что общественным сознанием христианских народов управляют
женщины, но и оттого, что, объятые страхом смерти наши "герои" только и думают о
том, как бы в индивидуальном порядке избегнуть смерти, как бы самим "спастись".

Христианство - полностью бабская религия. Церковь с самого начала своего
существования именовала себя "Невестой Христовой", то есть признала себя
_б_а_б_о_й_ по отношению к Христу. Сейчас я немного отступлю от темы и поведаю
вам следующее.

Существует мужское и женское отношение к делу. Мужчина чаще всего
ассоциирует себя с любимым делом, за которое во многих случаях готов отдать свою
жизнь (ну или потратить - это всё равно). Каждый отец потому и мечтает о сыне,
что бессознательно надеется, что сын это дело

продолжит. Тем самым сын
оказывается как бы продолжением отца, прообразом его бессмертия. Вот у него
родился сын, и он, отец, как бы теперь не умрёт, но в его любимом деле будет
продолжать существовать дальше. Возможно также, что сын даже превзойдёт в этом
отца - это будет совсем хорошо. Любой нормальный отец будет такие вещи лишь
приветствовать. Всё же редко встречаются извращенцы, рассматривающие сына как
конкурента в своём деле.

Но и отношение сына таково, что он готов отвечать за дело своего отца, и даже
его продолжать. Слушайте, не ругайтесь, это ведь всего лишь общая модель. Ну
разумеется, бывает и куча исключений. Я же говорю не о жёсткой закономерности, а
о бессознательной мотивации. Так вот - отношение дочери к образу отца совершенно
другое. Дочь психологически не настроена на то, чтобы дело отца продолжать - она
может лишь попробовать найти себе _ж_е_н_и_х_а_, похожего на родителя. Например,
занимающегося тем же самым делом (всё это давным-давно стало общим местом в

психоанализе). С другой стороны, дочь может найти себе и кого-нибудь другого,

сменить фамилию, забыть о родном отце - и в этом смысле в своём стремлении к

личному частью она ни за что не отвечает. И это так потому, что для женщины

истина -прежде всего, в счастье, а для мужчины счастье - в истине.

Итак: сын готов нести ответственность за отца и его дело; дочь - практически

нет, и это так потому, что сыну уподобиться отцу проще. И опять же, будучи

готовым нести ответственность за отца и его дело, сын ему очень часто

уподобляется. Дочь же отождествить себя с отцом не может, и за его дело отвечать

по определению не готова. Собственно, вот к чему я клоню. Христиане с самого

начала не стали отождествлять себя с их Отцом - Богом. Христианская Церковь не

стала называть себя "Сыном Христа", но - "Невестой".

Употребление Церковью выражения, что она - "Невеста Христова" не является

вовсе случайным, оно выстрадано, оно весьма содержательно, скажу более - оно

знаковое. То есть суть проблемы, разумеется, не в самом названии, а в тех

реалиях, которые в нём зафиксированы. Христиане сняли с себя всю ответственность

за дело Творца Вселенной, каким бы оно ни было. Никто из них даже так и не

поинтересовался: зачем? Провозгласив себя "Невестой Христовой" Церковь пошла по

женскому пути, то есть по пути _б_а_б_с_т_в_а_. Она нашла себе жениха, похожего

на Отца, и это было совсем нетрудно, так как Бог имеет три Ипостаси, одна из

которых - Его Сын. Молодой, красивый. . . В него-то и влюбилась наша древняя

Церковь, ставшая теперь законченной _б_а_б_о_й_. Выразилось это в том, что

Церковь стала по-бабски "плодиться и размножаться", увеличивая общую массу

христиан, заинтересованных в спасении. Все эти рассуждения дополнительно

подтверждаются тем, что сын всегда заинтересован в продолжении дела, а вот

невеста, став "законной женой" более всего беспокоиться об имуществе, о

богатстве, о сытой и беззаботной жизни как для себя, так и для своего потомства.

Копните тему, и увидите, сколь рьяно отстаивала церковь - как наша, так и
католическая - свои земельные и прочие владения; как искренне стремилась
всячески их расширить. В России с октября 2004 года она ухитрилась сделать так,
чтобы даже налоги со своего имущества не платить - то есть встала как бы выше
закона. А что ещё могли бы предложить христианству бабы? Твёрдое, мужское
осознание своей ответственности? Формулирование богословских постулатов?
Глубокое осознание своей греховности? Или хотя бы прощение своих врагов? Бабство
победило христианство. Оно победило Самого Христа.
Кроме всего прочего, невеста, как вы прекрасно и без меня знаете, обыкновенно
вся погружена в специфически-девичьи переживания: любят её или нет? И насколько
любят? А вдруг разлюбят? Будет ли она счастлива в браке и родятся ли у неё
здоровые детки? Будет ли дом "полной чашей" да и вообще будет ли у них всё
хорошо? - переживания, замечу, к _д_е_л_у_ ровно никакого отношения не имеющие.

К делу её _о_т_ц_а_, разумеется.

Скажу более. Состряпав последний абзац, ваш автор решил проверить сам себя и

кинулся выяснять об этих переживаниях у самих женщин. Типа, представьте себе,

что вас посватали совершенно невинной за парня, который всегда страшно нравился,

но с которым ещё ничего не было. "Каковы ваши переживания, когда за сватами

закроется дверь? Что самое главное приходит в голову? Какова, так сказать,

иерархия переживаний?" Результат превзошёл все самые смелые предположения. Проще

говоря, оказался автор полностью неправ. Невинная, романтичная, неглупая

девушка, как выяснилось, и не помышляет в этой ситуации о столь высоких

материях, как совместное счастье. . .

Мужики, замрите. Мне сообщили, что самое первое, что приходит "Ей" в голову,

это - в каком платье она будет на свадьбе; как будет выглядеть; что вообще

оденет. Также мне поведали, что мысли в голове девушки, как правило, лихорадочно

сменяют друг друга и выстроить из них строгую иерархию попросту невозможно.

Скорее всего, девушка будет думать, как именно "Он" к ней первый раз прикоснётся
и что она почувствует. Ещё - что она расскажет обо всём подругам, и как те
отреагируют. Также и о том, как она выглядела в момент сватовства, всё ли с ней
было в порядке, и что "Он" сейчас о ней думает - да и вообще, вдруг "Он"
передумает на ней жениться?
Сюда же следует добавить и удовольствие от мысли, что она, что ни говори,
заарканила мужика. "Как, - говорю, - заарканила? Ведь это он берёт её в жёны? И
может, мне вставить в текст другое слово? "Нет, раз он пришёл свататься, значит
именно она заарканила его. И она будет про себя использовать примерно такое
слово". Ещё она будет думать о женихе: как он ест, как ходит, как смотрит, как
говорит. . . Будет думать и о том, как пройдёт первая брачная ночь. . . Также
будет она довольно много переживать по поводу ухода из семьи родителей: типа,
страх, что это навсегда, что уже нельзя "отыграть назад". . .
"Впрочем, - добавили мне, - сами женщины

никогда в этом честно не признаются,

и если всё это будет вставлено в текст, то в отзывах они все будут писать: какая

дура консультировала автора?"

Как видите, продолжением _д_е_л_а__о_т_ц_а_ здесь и не пахнет. Стоил ли

говорить, что об этом _д_е_л_е_ никто не будет вспоминать и в последующей

семейной жизни? Да и знала ли наша невеста, каково оно было - это самое дело её

родителя?

Для того, чтобы увидеть, понять и продолжить дело отца, нужно уметь смотреть

на родителя как бы со стороны. Нужно вырваться из семьи и на него посмотреть.

Девушка вырывается из семьи лишь тогда, когда выходит замуж. Когда она живет с

родителями, то составляет единое целое с отцом. И она не есть продолжатель, в

лучшем случае - помощница. Сын же вырывается из семьи (психологически) куда

ранее, ещё в переходном возрасте, когда осознаёт себя как личность. Для того,

чтобы понять отца и его дело, нужно быть мужчиной, сыном, но никак не женщиной.

И уж тем более не невестой, которая извечно

тяготеет к тому, чтобы стать
постоянно плодящейся тёткой. Кстати, в браке такие частенько становятся
меркантильными, заземлёнными и похотливыми. . .
Человечество с самого начала своего существования не понимало и не
осознавало, что такое мужская ответственность. Оно всегда вело себя как типичная
баба по отношению к Богу-Творцу. То _д_е_л_о_, которое начал Отец, было всеми
забыто. Христианство так и не смогло понять и себя, и своего Отца, да и вообще -
окружающий мир. Ему не удалось нарисовать целостной картины мироздания - от
сотворения Вселенной, деятельности Адама и Евы, до рождения Мессии и событий
последующих (вавилонские башни, вавилонские блудницы и всё такое прочее).
Но вернёмся к нашему рассуждению о детях. Итак, наш отец рассматривает сына
как (возможного и желательного) продолжателя своего дела, а это последнее - как
проекцию собственного бессмертия. Женское существо не в меньшей степени, чем
мужчина, стремится преодолеть собственную

смерть. Однако в силу самых разных
причин для женщины не остаётся ничего, кроме деторождения. И здесь, казалось бы,
базовые, психологические "интересы" мужчины и женщины совпадают. Однако на
практике чаще всего они оказываются на каком-то уровне взаимоисключающими.

Отношение матери и отца к ребёнку весьма различно - при условии, конечно, что
отец - не патологическая "тряпка" (такие, увы, не редкость). И если мужчина
сосредоточен на том, чем станет его сын как личность, то мать менее всего
помышляет о каких-то ещё отцовских делах и всяких там бессмертиях и
продолжениях. Для неё главное - чтобы у ребёнка "всё было хорошо".

Итак, расставим точки над "i": мужчина нуждается в наследнике как
продолжателе дела его жизни; женщина же заботится о наследовании её материальных
накоплений. Собственно, это ещё не есть как-то там плохо, или, допустим, вредно.

Эволюционно как-то даже выгодно, что мужчина и женщина в этом смысле не
повторяют, но дополняют друг друга. Однако

весь этот "расклад" мы должны
понимать. Именно мы.

И ещё одно. Женщина заботится о том, чтобы ребёнок её вёл счастливое,
спокойное, обеспеченное и беспроблемное существование. Иными словами, чтобы он
был как бы. . . женщиной. Именно так стремится она построить свою семейную
жизнь; ради этого готова даже заставить мужа изменить своему делу, изменить
самому себе. И, что ни говори, женщине это зачастую удаётся - по собственному
опыту знаю.

Это трусливая женская натура выбрала из всего христианского учения лишь то,
что эмоционально было ей ближе - провозвестие о воскрешении в другом, лучшем
мире (что весьма эффективно успокаивало бабский страх перед смертью). Да ещё и
воспроизведение себе подобных - это удовлетворяло животную потребность в
продолжении рода, опять-таки вытекающую из этого страха. После чего христианство
полностью переключилось на проблемы личного спасения и слепого размножения.

Это развязало войну всех против всех, bellum

omnes contra omnes. Христиане,

так и не начав заниматься делом, начали выяснять, у кого из них вера "круче" и

благодатнее, то есть более "спасительна". Выбрав из целостной картины мира

именно этот жалкий фрагмент (наличие Божией благодати и момент персонального

спасения), христианство само утратило целостность, оно оказалось

фрагментированным. Христиане атомизировались. Они распались на мелкие

переругивающиеся кучки, собранные не "во имя Моё", но во имя спасения, которое в

действительности и стало "богом" христиан.

Да, чёрт подери. Христиане поклоняются не Богу-Творцу Вселенной, вложившего в

сотворённое Им определённый смысл и вполне конкретные цели. То есть на словах

этот момент безусловно ими признаётся. Однако мышление христиан не доходит до

бердяевской идеи о том, что человек призван к творчеству, что образ Божий в нас

- это в первую очередь творческая способность, и что творчество и есть

продолжение миротворения.

Вместо всего этого христиане поклоняются

Богу-Спасителю. Мир, который был
сотворён со вполне определённой целью, стал рассматриваться нашими героями как
своего рода "трамплин" в Царствие Небесное. Соответственно, и Творец этого мира
стал восприниматься как послушный агент, механически обслуживающий процесс
такого "прыжка". Реальный мир стал неинтересен для исторического христианства,
ведь он должен "сгореть". Христиане зажили в виртуальном мире собственного
спасения. И, вместе с этим стало невозможно творчество и неактуальны всякие
позитивные знания об этом мире. Все науки, да и сам человеческий разум были
объявлены "падшими". А угадайте, зачем ещё в раю приводил Бог Адаму зверей? А
угадайте, в чём истинный смысл притчи о неверном управителе? И о чём была самая
последняя молитва Иисуса Христа на Елеонской горе? "Да будут они (ученики)
едины, и да познает Меня мир". Типа: если они рассорятся, то мир и не познает
Его вовсе. Познает, например, что-то другое. . .
Нельзя не заметить, что со временем в христианстве воцарилось

классически-бабское понимание благодати: как некоей (единственно) спасительной силы, передаваемой подобно электрическому току правильным людям при правильных действиях. Вообще, всё это отдаёт то ли магией, то ли дремучим антропоморфизмом.

Этот взгляд неверен не только потому, что напрочь отсекает тех, до кого не дотянулась "электропроводка". Это понимание в корне неверно, так как, во-первых, судить о том, у кого есть благодать, а у кого - нет, может только Бог. Он, по своей милости, может послать её кому угодно, и не нам размышлять об этом.

Во-вторых, с этим пониманием расходится фраза Христа: "Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них (Мф., 18, 20).

В самом деле. Получается, без благодати, без причащения человек не может реализовывать заповеданное Христом отношение к другим людям? Да для такого отношения можно вообще ничего не знать о Христе, и слушаться лишь своего сердца.

В-третьих, получается, что какие-нибудь африканские племена, к которым ещё не проникли католические миссионеры, реши-

тельно не в состоянии "спастись". И

вообще, нетрудно заметить, что такое "благодатное" рассмотрение других людей и

других конфессий ведёт лишь к их разобщению, к невозможности объединения, а

значит - в конечном счёте, и неправомерно.

В-четвёртых (и это, возможно, самое главное), не стоит забывать, что каждая

новая церковь, отделяясь в своё время от митрополии, делала это типично

раскольничьим путём. Горе-православные Святой Руси и не догадываются, что в своё

время откололись от Византийской кафедры точно так же, как в 90-х годах от них

отделилась "филаретовская" украинская церковь. Нашими предками был даже

изобретён "самопальный" чин для поставления митрополита - через новую, повторную

хиротонию (сейчас об этом тщательно умалчивают, а между тем это идёт вразрез с

14-м апостольским правилом). Б.Успенский сообщает по этому поводу следующее: "С

учреждением патриаршества в России была принята особая хиротония патриарха; это

специфически русский обычай, которого нет ни в одной другой православной церкви.

Эта традиция восходит, по-видимому, к поставлению митрополита Ионы, которое, как известно, произошло без санкции Константинополя и фактически положила начало автокефалии русской церкви. . . Поставление Ионы было делом отнюдь не бесспорным с канонической точки зрения, поскольку Иона - вопреки принятой практике - был поставлен не патриархом, а епископами. . . Впоследствии Максим Грек заявлял, что "непотребно есть поставлятися митрополиту на Руси своими епископы" и отказывался на этом основании признавать автокефалию русской церкви. . ." И далее: на Руси "вопреки каноническим правилам митрополиты назначали себе преемника. . . По словам Никона, патриарх Иов был рукоположен трижды; он указывает далее, что дважды были рукоположены патриархи Гермоген, Филарет и Иоасаф, и если считать, что их поставление в патриархи недействительно, то следовало бы отрешить от сана всех архиереев, которых они посвятили, то есть практически всю русскую церковь" ("Царь и Патриарх". Избранные труды, М. 1996, т. 1 стр. 185 - 204). Видите: не

один, не два, и не три раза нарушались канонические правила в Русской церкви. .

.

Отсюда получаем, что благодати у Русской Церкви - ничуть не более, чем у

"филаретовцев". Занятно, что греки (те самые, которые в Афинах и

Константинополе) именно так и считают, просто вслух об этом не говорят. Кстати:

у "филаретовцев" ведь тоже есть каноническое преемство, не так ли? Но чем же мы

тогда лучше их? Однако спросите-ка у наших верующих, ощущают ли они благодать?

Что же тогда получается, что все они - в глубокой прелести? Ну уж нет, дудки,

оставьте такие вещи для вашего автора. . . Впрочем, автор тоже признаёт наличие

благодати у русской церкви. Лично ощущал-с. Ну так ведь и "филаретовцы" тоже её

ощущают. И прочие тому подобные до-халкидонские конфессии. . .

"Не здоровые имеют нужду во враче, но больные" (Мф., 9, 12. Для того,

чтобы наше отношение к другим (прежде всего - иноверным) соответствовало

учению Христа, мы должны считать всех

здоровыми, а себя - "больными". Любить -
не в убогом понимании любви современных христиан, но так, чтобы чувствовать себя
со всеми единым развивающимся целым - можно лишь в том случае, если не
оцениваешь всех с точки зрения наличия благодати, - их, так сказать,
"правильности". Искусственная проблема благодати и не менее искусственная
проблема спасения, взятые воедино, автоматически делят людей на "своих" и
"чужих", "правильных" и "неправильных", "избранных" и "профанных". Едва только
данная конфессия начинает делить всех по этому животному признаку - "своих" и
"чужих", как она сразу же становится замкнутой, изолированной от всех иных
системой - со всеми вытекающими. Тем самым она противопоставляет себя другим,
делает единство с ними невозможным. И если в христианстве расколом считается
"обособление от состава церковного общества верующих" (определение из
"Православной богословской энциклопедии"), то само христианство, поддерживая
упомянутое деление, также является расколь-

ником - но теперь по отношению ко
всему человечеству; оно раскалывает это последнее, так как лишь христианство
могло бы его объединить.

Но считать (даже, скорее, ощущать) себя хорошим, а остальных - плохими, есть
не что иное, как классическое бабство. Типа, "одна я хорошая". . . Да, да, чёрт
вас возьми - возможно, что насчёт спасения я могу оказаться и неправ. Тем не
менее, в соединении с благодатью (то есть с пониманием благодати, её
специфической у нас интерпретацией) это воистину гремучая смесь.

Понятие благодати было совершенно неправомерно соединено с понятием
"спасения". Именно этот "диполь" и стал наиболее разобщающим в христианстве. С
ним единство христианского мира стало принципиально невозможным. Ибо теперь
всегда может возникнуть подленькая мыслишка: а есть ли благодать у таких-то и
таких-то? Да и спасутся ли они? А с кем быть, чтобы гарантированно спастись?

Отсюда начинается перетряхивание чужого грязного белья: да вот эти с безбожной

властью сотрудничали - у них благодати стопудово нет. А другие - вообще
раскольники, у них такой дух - как пить дать не спасутся. А третьи. . . О том,
что при этом было потеряно самое главное - любовь и единство - говорить не
приходится.
"Бог совсем, совсем не то, что о Нём думают". Перефразируя это высказывание
Николая Бердяева, можно заявить, что и благодать - совсем не то, что думают о
ней. Благодать полностью автономна и посылается. . . кому надо, тому она и
посылается. Не нам об этом судить. Ибо, в-пятых, начиная рассуждать об этом, мы
впадаем не только в осуждение, но и в самовозвеличивание: вот, мол, у нас-то всё
в ажуре, а они, заблудшие, гибнут. . . Типа, мы тысячелетиями стойко храним эту
"правильную веру" - так пусть они сами к нам примкнут. И докажите мне, таковое
отношение - не самовозвеличивание, но объективный анализ.
Единство христианского человечества "рассматривалось" Христом как
необходимейшая предпосылка для продолже-

ния дела Творца. Скажу точнее: как
необходимое условие для понимания того, в чём же состоит это
_м_у_ж_с_к_о_е__д_е_л_о_. Оно было залогом дальнейшего развития человечества как
своего рода "соборного Адама", который должен был, будучи единым, понять Творца,
и продолжить Его дело.
Но о необходимости сохранения единства тут же все позабыли. Ещё ученики
Христа предавались жарким выяснениям, кто из них "круче": "И когда (Иисус) был в
доме, спросил их: о чём дорогою вы рассуждали между собою? Они же молчали;
потому, что дорогою рассуждали между собою, кто больше" (Мк. 9, 33). И ещё:
"Пришла же им мысль: кто бы из них был больше?" (Лк. 9, 46). В один прекрасный
день пара учеников втихомолку начала проситься сесть на самых почётных местах -
справа и слева от Христа (Мк. 10, 41). Остальные ученики, услышав это, "начали
негодовать", отчего Иисусу пришлось урезонивать их: "Кто хочет быть первым между
вами, да будет всем рабом" (Мк. 10, 44). Натурально, сама фраза эта доказывает,

что никакой "изначальной братской любви" между апостолами не было. А ведь это

были ближайшие ученики Христа, 24 часа в сутки находившиеся рядом с Ним,

трапезничающие за одним столом, спящие под одной крышей, и купавшиеся, так

сказать, в волнах Его благодати - что нам, грешным, и не снилось. Так почему же

благодатное присутствие Сына Божия не избавило Его учеников и последователей от

мелочных амбиций, от всевозможных заблуждений, и даже - от полного недопонимания

как отдельных слов, так и даже целых притч Христа? Почему благодать в самой

непосредственной её форме не "преодолела чин их естества"? Стоит ли после этого

преувеличивать воздействие храмовой благодати как своего рода "динамического

фактора"? Что тогда можно сказать о прочей новоначальной христианской черни? Той

убогой толпе, наполняющей храмы и предопределяющей менталитет всей Церкви (так

как менталитет любого сообщества определяют по большей части женщины). . .

Ещё примеры приводить? Могу-с. . . Например, учеников Христа угораздило

начать выяснять это даже на самой последней с Ним трапезе, после слов Христа о

том, что Его предадут, что Его вот-вот "повяжут": "Был же и спор между ними, кто

из них должен почитаться большим" (Лк. 22, 24). Нашли, блин, время. . .

Итак, с самого начала христианство пошло по пути мелких амбиций и выяснений

отношений. Об этом почему-то не любят распространятся придворные церковные

историки, рисуя нам убедительнейшую по своей благостности картину всеобщей

апостольской любви, благородного нестяжания, длительных ночных бдений. . . И всё

время хочется этих историков спросить: господа, а зачем вы это делаете? Кому от

вашей лжи хорошо? Кто от этого выигрывает? Чьим интересам служит такая история?

Точно ли Церкви Христовой в целом? А может, только иерархии? Тут поневоле

вспоминаешь "Легенду о Великом Инквизиторе". Кстати: а ведь не-придворных

историков на свете и нет. . .

"Созижду Церковь мою..." Мессия употреблял выражение не "Церковь" (этого

понятия тогда и в помине не было), но "кагал".

Спрашивается: какого хрена
используется неверный перевод? И можно привести аналогичных примеров искажения
текста чуть не десяток. Например, в нашем Евангелии Иисус требует "не гневаться
напрасно" (Мф. 5, 22). Между тем в древних рукописях идёт совсем другое - вместо
"не гневайтесь напрасно" там было "не гневайтесь никогда". Но византийская
поповская контра, понимая, что не гневаться вообще невозможно, подменила этот
текст. Так-то относятся они к слову Божьему! Русские их коллеги, впрочем, ничуть
не лучше. Одно "лукавство" змея чего стоит! А ежели к самому Евангелию такое
отношение - то чего же можно ожидать от них в других вопросах веры? Ведь
"неверный в малом неверен и во многом" (Лк. 16, 10). Ну как ожидать от них
конструктивного и ответственного подхода к такой фундаментальной проблеме, как
единство христианского мира?

Попытка любого другого объединения людей (вне реального следования учению
Христа) - в империи, сообщества, блоки, союзы и прочие "золотые миллиарды" -

неминуемо окажется новой Вавилонской башней.

Для нормального существования мир должен иметь как минимум биполярное

строение. Само бытие предполагает своею формой не только кантовские пространство

и время, но и деление на мужское и женское, причём в самом широком смысле. Речь

идёт не столько о распределении ролей, сколько о разделении структурном.

Нетрудно видеть, что столичный град по отношению ко всей стране - то же самое,

что и мужчина по отношению к женщине. И взаимоотношения между ними до

чрезвычайности похожи на супружеские - начиная от потребности друг в друге, и

кончая до конфликтов, перетягивания власти и взаимных обвинений в безделии.

Подобным же "гендерным" образом соотносятся между собою правительство и его

народ, Запад и Восток, Бог и сотворённая им Вселенная. . . Читатель, искушенный

во взаимоотношениях, прекрасно знает, что как "женская составляющая" этой

универсальной бытийной структуры, так и мужская, имеют свои особенности. Каждый

стремится занять главенствующее положение, а затем и полностью, предельно
подчинить себе другого.

Так вот: каждая из существующих цивилизаций стремится расшириться до размеров
всего человечества, захватить собою всё - Запад хотел бы, чтобы все превратились
в демократии, Восток - чтобы жили ещё как-то по-другому. И в этом смысле любая
_и_н_а_я_ цивилизация оказывается по отношению к нашей развивающейся своего рода
удерживающим фактором. И в великолепной фразе апостола Павла, что "тайна
беззакония. . . не совершиться до тех пор, пока не будет взят от среды
удерживающий" (2 Фес., 2, 7), этот самый "удерживающий" есть _и_н_о_е_, не
позволяющее _л_ю_б_о_м_у_ явлению безгранично и бесконтрольно расширяться,
согласно этому грёбанному "закону экспансии информации". Восток удерживает
Запад, а Запад - Восток. Женщина удерживает мужчину, а мужчина - женщину. Ну и
так далее. Всё это препятствует построению новой Вавилонской башни, и в истории
о "смешении языков" имелся в виду именно

этот аспект.

Это "иное" есть удерживающий, а вовсе не царь-батюшка, как учат нас

православные патриоты. Дело в том, что тотальное объединение всех в одно ровное

изоморфное целое приведёт не просто к потере, так сказать, "стереоскопического

зрения", возможности взглянуть на себя со стороны. И не к болезненным

уклонениям, но к подлинной катастрофе - к новой попытке построения Вавилонской

башни. Причём, чем массивнее империя, тем более "вавилонскими" задачами она

задаётся, и тем меньше у неё оказывается ограничивающих, то есть удерживающих

факторов, и тем быстрее она рассыпается.

Нетрудно видеть, что Вавилонская башня, описываемая в Библии (Быт. 11, 4)

была не более реальной, чем 24-х часовая длительность первых дней творения. Этот

образ башни имел, скорее, идеологический характер. Речь шла о построении

цивилизации определённого типа. И мы можем теперь её реконструировать. Это было

общество, в котором женские ценности полностью возобладали над мужскими. Где

начала во всех смыслах доминировать женщина. Общество, полностью превратившееся
не просто в бабу, но в неуправляемую стерву. Общество, восставшее против мужчины
во всех его проявлениях - как правителя, как мужа, как свободной творческой
личности, как Бога, наконец. Восстание против мужчины приводит и к восстанию
против Бога.

Замечу, что Бог, смешивая языки строителей первого её варианта, в
действительности произвёл благотворную для всех нас дифференциацию народов.

Каждый из них стал преследовать какие-то свои цели, возникли непримиримые
противоречия. . . Тем самым Библия показывает нам модель позитивного
общемирового устройства. Многополярный мир, так сказать.

Полное растворение одного типа цивилизации в другом, даже более высоком и
более прогрессивном, всегда губительно. Точно так же как и полное подчинение
одного из супругов другому. Кстати, одна симпатичная такая "бабёнка", украшенная
"золотом, драгоценными камнями и жемчу-

гом", в Апокалипсисе именуется почему-то
"Вавилон великий". Нельзя чтобы случайно! Так вот, этот "город-баба" должен
неминуемо пасть из-за своей любви к разврату и роскоши (Откровение Иоанна, главы
17-18). "Город-баба" потребительской цивилизации. Цивилизации
_м_и_р_о_в_о_г_о__б_а_б_с_т_в_а_.
В Апокалипсисе написано: ". . . Суд над великою блудницею, сидящею на водах
многих; С нею блудодействовали цари земные, и вином её блудодеяния упивались
живущие на земле. . . И я увидел жену, сидящую на звере багряном. . . И на челе
её написано имя, тайна: Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. . ."
(Откр. 17, 1-5). Нетрудно заметить, что речь идёт о не о половой распущенности
как таковой, но о цивилизации, густо замешанной на потребительских ценностях.
Так Вавилон и _м_и_р_о_в_о_е__б_а_б_с_т_в_о_ предопределяют друг друга, они
сливаются воедино в конце времён. . . Стремление к "миру и безопасности", к
обеспеченности и внешней праведности всегда заканчивается крахом. И это касается

не только всеобщего конца человечества, описанного в Откровении Иоанна

Богослова, но и крахов поменьше. Это универсальная модель падения любых

цивилизаций - и прошлых, и будущих, и настоящих.

Мне вот тут подсказывают с мест, что деление всех на "своих" и "чужих" - это

уже есть начало "вавилонского строительства". Ясно, что следующим шагом будет -

"для достижения благой цели все средства хороши". . . Являются таким началом и

выяснения, у кого есть благодать, а у кого её нет, а также и то, чья вера более

спасительна.

Итак, с самого начала христианство переключилось на самые что ни на есть

разделяющие вещи - спасение и наличие благодати. Мол, мир лежит во грехе, и без

благодати не будет спасения от царящей повсюду пагубы.

По-настоящему, христианская часть человечества в целом так и не стала "в

натуре" христианской, однако продолжает свято в это веровать. Христианство

используется народами, скорее, в знаковом

смысле - дабы отличить себя от "чужих"

- иудеев, буддистов, мусульман. . .

Между тем, даже произносить словосочетание "наша вера" - не только глупо, но

как-то даже и аморально. Это то же самое, что говорить "наши облака", "наши

снежинки", "наше небо". Вера - если она истинна - не может принадлежать кому-то

конкретно. Она неизбежно будет всеобщей. И заявляя: "наша православная русская

вера" мы тем самым сознаёмся, что в действительности имеем христианство,

адаптированное русскими и для русских. То есть христианство, в чём-то урезанное,

кастрированное и несколько изменённое. И, в конечном счёте, не истинное. Не

подходящее для всех, но зато настолько удобное для нас, что нам кажется прямо

противоположное: что именно наша "вариация" христианства - самая правильная.

Занятно, что это чувство охватывает решительно все христианские народы. . .

Ещё раз для тех, кто "не в танке": вера (истинная) может и должна быть

явлением всеобщего, космического порядка, и признаком этой универсальности и

всеобщности окажется то, что данный народ будет как бы "напрягаться", чтобы не
только её принять, но даже по ней и жить. Религия, идеально "сидящая по фигуре"
данного народа уже самим этим фактом доказывает свою, мягко выражаясь,
адаптированность к (просто)народным традициям. Настоящая вера - это трудно
всегда, но никогда "влёгкую".

Так что фраза: "наша вера - христианская" выказывает одно из двух: либо это
не настоящий христианин, либо - не настоящее христианство, И если вам говорят:
смотрите, как всё просто - делайте то-то, то-то и то-то, и спасётесь - не
верьте. Вам лгут. Вас успокаивают. Всё настоящее всегда трудно. И, заканчивая
это рассуждение, скажу: всё лёгкое, приятное и удобное любят только женщины. Мы
имеем историческую форму христианства, адаптированную для женщин - их
восприятия, их потребностей, их способа и целей жизни. Ибо в массовом (низовом)
сознании женщина господствует повсеместно.

Это в первую очередь женщинам свойственно любить и иметь "своё". Это женщины

придумали и приучили своих мужиков называть религию "своей". Женщины и

собственность - одно и то же. Задумывались ли вы, что фразу "Не заботьтесь для

души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться" - мог сказать только

Мужчина? И что всё иное привнесено в христианство женщинами? И что самый факт

этот до сих пор никем не осознаётся? Кстати, Пушкин писал жене: "Вы, бабы, не

понимаете счастья независимости".

То же самое касается и понимания Церкви. Церковь, если она истинная, если

тесно связана она с Богом, если является типа представителем Его "интересов" на

Земле, да и вообще продолжателем Его дела - эта Церковь есть явление

космического, всемирного порядка. Она охватывает собою всё в мире, так же, как и

Бог, сотворивший весь этот мир, и как единственный на всю Вселенную Его Сын. Вне

_э_т_о_й_ Церкви нет и не может быть ничего, и любой человек, в том числе и

отрицающий эту самую Церковь, Бога, и всё что угодно, тем не менее принадлежит к

ней, и Церковь продолжает нести за него ответ-

ственность - ведь ответственность
за него несёт и Бог. . . Это касается кого угодно - и Л.Толстого, и Люцифера, и
последнего людоеда из Африки. Считать Церковь "своей" - бабство. Как и Бог,
"интересы" которого она представляет, истинная, всеобщая, небесная Церковь также
не может быть "своей" и "чужой", она не может кого-либо извергать и
анафематствовать. Для чего, наконец, была она создана? Для кого именно приходил
Иисус? Для толпы самодовольных чистоплюев? "Не здоровые имеют нужду во враче, но
больные" (Лк. 5, 31). И всякие там байки про отрезаемый больной орган -
пошлейшая софистика, сгенерированная в угоду несмысленной толпе, управляемой. .
. Ну ладно, ладно, не буду.
И земная церковная иерархия есть лишь слабое, неточное, и даже падшее
отражение Церкви истинной, небесной, если угодно даже - виртуальной, коль скоро
реальное земное выражение её столь убого. Падшее же потому, что ведь и сами
иерархи также были зачаты во грехе, также носят в себе зачала властолюбия и

гордости, да и вообще - рукоположение уж никак не "преодолевает естества чин".

Между тем, любая земная церковь строит из себя чёрт знает что - почитает себя и

единственной, и истинной. . .

Вообще же бороться с этой изысканной формой лукавства и скрытой гордости

решительно невозможно - супротив нас стоит теперь вся двухтысячелетняя махина

"христианской" истории человечества - которое, как уже было указано,

христианским никогда не было и даже не будет (по сути, а не по названию). Иначе

Откровение Иоанна сразу потеряло бы всякий смысл. . . А равно, кстати, и слова

Иисуса Христа о духе и букве, о грядущем оскудении в вере, о втором пришествии

"во славе". . .

Объявив мир "падшим", а главной целью жизни - спасение, христианство тем

самым самолично "выключило" рациональность у своих адептов. Христианство

мгновенно утратило всякую цельность и единство, всякую способность к

саморазвитию, и последующее его многократное "деление", всякие реформации да

расколы развивались именно из этого первичного "зерна". И само христианство
перестало быть "открытой системой" - то есть открытым для всех. Оно замкнулось в
узком мирке своей всё более ужесточающейся догматики. Оно стало ненавидеть всех
инакомыслящих. Уже самые первые апостолы предлагали сжечь огнём село, не
принявшее Иисуса (Лк. 9, 52 - 54).

Будучи принципиально антиэвристичным, христианство тут же закрылось для
всякой новой мысли и творчества - и, соответственно, для всякого иного человека.

Любые успехи иноверцев, даже самая духовность их воспринимаются историческим
христианством как порождение дьявольского, демонического начала. Раз "не наш" -
значит от дьявола, стало быть, он враг. А врага, как известно, уничтожают.

Слушайте, вам ничего это не напоминает?

Тем самым Церковь противопоставила себя как всему комплексу позитивных наук,
так и всем прочим религиям, да и общественному развитию в целом. А потому науки
и общество, двинувшись вперёд, были вынуждены противопоставить себя

христианскому вероучению. Таким образом, было погублено ещё одно единство -

между нашим рацио и духовностью; единство, необходимое для полноценного

общественного развития. Уже изначально, утратив понимание универсальной проблемы

единства (а точнее - никогда и не делая из этого проблемы), сообщество христиан

не смогло "встроиться" во всё более стремительно развивающееся общество. И тогда

общество начало убогие и бесплодные попытки реформирования христианства. . .

Начав делить людей на "своих" и "чужих", христианство тут же забыло, что в

неразделении их и был основной его смысл, предпосылка полноценного существования

христианского человечества. Уже в самом начале своей истории изменило

христианство самому себе. . . Окончательно впав в снобизм и самодовольство, оно

- это, может быть, самое главное - перестало быть привлекательным. В сущности,

христианство с самого начала само копало себе могилу. Копало, громогласно

заявляя: "Наша Церковь - самая крутая, и врата ада не одолеют нас". Ну

разумеется, не одолеют. Поскольку христианство атомизированное, распавшееся на
части, урезанное со всех краёв, оказалось частью этих самых врат.
В силу всего изложенного, христианство сформировало классический облик
христианина - жалкого, немощного, трусливого раба, вечно трясущегося пред
всемогущим Господином, вечно думающего, как бы получить лишнюю "пайку"
благодати, дабы вследствие этого гарантированно спастись, вечно живущего по
оглядке, вечно боящегося реализовать себя как-то иначе, в плане земном. Типа, "я
знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не
рассыпал, и, убоявшись, пошёл и скрыл талант твой в землю" (Мф. 24, 25). Зайдите
в любой храм и присмотритесь к литературе, которая там продаётся. Это будет на
100% так называемое "спасительное", "назидательное чтение", которое обожают
"благочестивые прихожанки". Поскольку и написано всё это в 1 очередь для них. Да
и указанные в этом абзаце свойства, как вы заметили, присуще именно женщинам.

Ну что можно ожидать от крыс, бегущих с тонущего корабля? Какой любви? Какого

дела? Очевидно, что боящийся скорее закопает свой талант, чем отдаст его

торгующим.

Одной из самых поганых вещей, доставшейся нашему менталитету от седой

древности, является признание Бога всемогущим господином мира: "Я знал, что ты

человек жестокий. . ." Типа, вседержитель, и всё такое. Да никакой Он не

вседержитель! Ибо, полагая так, Бога неосознанно включают в структуру

сотворённого мира, в иерархию всего творения. Но как тогда быть с

трансцендентностью? Со свободой? Именование Бога господином мира философски

некорректно, так как в Боге, по определению, сходятся воедино все антиномии:

"раб - господин", "муж - жена". . . Человек не только и не столько раб Бога, но

- одновременно - и Его сотрудник, соучастник в творении мира.

И сама сотворенная Вселенная равночестна её Творцу. Не мог Бог создать нечто

низшее себя! Это было бы странно для Него как

для творческой Личности. Любой творческий человек стремится к абсолютности своих творений. Он никогда не бывает доволен "конечным продуктом". Но у Бога нет ограниченности и несовершенства, как у человека. Из этого следует, что сотворённая Вселенная, выражаясь образно, как минимум стоит с Ним "на одной ступени".

"Вертикаль" и "горизонталь" в Боге совпадают, как совпадают, к примеру, материя и энергия, пространство и время, надежда и знание, возможность и необходимость. Понять и ощутить всё это можно на самом высоком уровне умозрения и абстрагирования. И выделение какой-либо одной такой стороны может быть обусловлено только собственными индивидуальными предпочтениями, собственной, так сказать, "испорченностью".

Восприятие Бога как господина, а простого индивида как его раба - ни что иное, как проявление _б_а_б_с_т_в_а_. Ибо только бабство мыслит в категориях господства и подчинения. Такое восприятие в корне противоречит духу Христовой веры. Рабом должен быть лишь тот, кто хочет

быть первым (МФ. 20, 26). Да и
вообще: "Посему ты уже не раб, но сын" (Гал. 4, 7). Кстати: рабский труд никогда
не был эффективным. Раб трудился лишь из-под палки за ежедневную пайку и никогда
не видел перспективы своего труда. Раб не несёт подлинной ответственности за
свою работу. Картину в целом может ухватить не раб, но преемник достойный и
ответственный - сын.

Иисус Христос сознательно, в самой явной форме, разделяет две эти категории -
властно-царскую и божественную, когда Его спрашивают, "позволительно ли давать
подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня,
лицемеры? Покажите мне монету, которою платится подать. . . Чьё это изображение
и надпись? Говорят ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево
кесарю, а Божие Богу" (Мф., 22, 17-21).

Совмещение в сознании власти и религии идёт с глубокой древности, даже ещё из
животного мира. Если бы волки могли сформулировать свою "религию", то вожак их
стопудово оказался бы "святым". Карл Юнг пи-

шет, что религия и власть вообще
занимают в нашей душе одно "психическое помещение". Речь идёт об одном из самых
древних пережитков, с которыми должно было бы покончить человечество. И то
разделение властного и духовного начала, о котором говорит Христос - было ещё
одним, если можно так выразится, "эвристическим достижением" христианства.
Однако мы видим, что уже апостол Павел возглашает: "Нет власти не от Бога;
существующие же власти от Бога установлены" (Рим., 13, 1). Ну разумеется, коль
скоро Бог есть Господин и Вседержитель. Попробовал бы он продолжить это
мировоззрение до его логического завершения. . . А дальше идут целые тысячелетия
пошлейшего раболепства перед властью, и даже рабочие из провинции, мечтавшие
высказать Ельцину "всё, что они о нём думают", при реальной встрече почему-то
проглатывали язык. . . Короче, так и оказалась эта "идея" нереализованной.
Всё это, кстати, распространяется и на рабскую любовь. Смехотворно
предполагать, что Бог может ожидать любви от

всех этих нравственных уродцев.

Имеет ценность лишь любовь свободного существа, осознающего себя, свой долг

перед Отцом, думающего над общим "семейным" делом. И наоборот - не имеет никакой

ценности любовь трусливого раба к могущественному господину, которого панически

боятся, и бесплодный страх перед которым стремятся всячески возгреть постом и

молитвою. То душевное переживание, которое именуют "любовью к Богу", в

действительности есть умиление перед могуществом, то есть - оборотная сторона

ощущения собственного ничтожества. Но ведь наше ничтожество тут же порочит и

создавшего нас, на правда ли? Энергия образа переходит на первообраз. . .

Основной эмоцией христианина, по мнению Церкви, является страх Божий. Типа,

он-то и является "спасительным". И это несмотря на то, что Иисус Христос гораздо

чаще говорил "не бойтесь", чем "бойтесь", а слово "страх" употребил всего лишь

один раз, да и то при описании конца света. А кого у нас характеризует страх,

всякие опасения, тотальная боязнь за себя и

близких - догадайтесь-ка с первой
попытки? Боится Бога лишь тот, кто не в состоянии признать Его Отцом. Это ли не
доказательство сугубого _б_а_б_с_т_в_а_ Церкви? И переворот от "сыновства" её к
_б_а_б_с_т_в_у_ произошёл мгновенно, сразу же, ещё при первых поколениях древних
христиан. Уже Апостол Павел только и трубит о страхе, хотя и у него ещё
встречаются слова: "Ты уже не раб, но сын". Но ведь такое положение вещей
подавляет в человеке личность - скажете вы. Ну и что? Ведь культивировать
личность - есть гордость, говорит нам Церковь. А гордость - "неспасительна". . .
Христианство "выключило" в человеке смелость душевную и интеллектуальную, то
есть и ум, и талант, тем самым превратив его в _б_а_б_у_. Оно не смогло
инкорпорировать в себя самых сильных, самых умных и самых творческих. А
впоследствии, получив власть, наше трансформированное временем и человеческими
немощами христианство анафематствовало их, изгоняло, жгло и вешало. Не сумев
реализовать в себе _м_у_ж_с_к_у_ю_, творче-

скую составляющую человеческой жизни,
оно стремительно, с самого начала, стало вырождаться в маргинальную группу. И
тогда вымирающее христианство призвало на помощь государственную власть - дабы
развиваться не вглубь, но вширь. Церковь отдалась императору. Путём всевозможных
интриг проникла она на царский трон и начала проводить выгодные лишь для себя
законопроекты.
С "воцерковлением" императора Церковь, её иерархия, да и просто христиане
приобрели статус "партии власти". С 416 года язычники были лишены права занимать
государственные должности. Церковь стала чем-то вроде нашей недавней КПСС. Быть
христианином стало выгодно - и, как следствие, в Церковь хлынули всякие
проходимцы да карьеристы. Они начали созывать соборы, проводить удобную для себя
церковную политику, причислять выгодных для себя людей к лику святых. Об этом
очень хорошо повествует Карлхайнц Дешнер в своём фундаментальном труде
"Криминальная история христианства" (М., "Терра", 1999). Ознакомьтесь-ка на

досуге. Вот уж воистину "христианство, которого не было". . .

Христианская Церковь никогда не была той, за которую себя выдаёт. Подобно любой _б_а_б_е_, вечно она всё приукрашивала, вечно выдумывала саму себя - как одинокая тётка в анкете для знакомства. Чтобы её, типа, все любили. Но, может быть, эта "тётка" и впрямь одинока? Начав с "невесты" Агнца, стала она Его вдовой. . .

В то же время, в католичестве папа, вместо того чтобы (как учил Иисус Христос) быть странствующем бомжом-проповедником и постоянно курсировать между двумя частями империи, тем самым духовно их соединяя, как бы "осел" в Риме, со временем обрастя связями с римским истеблишментом. Статус христианского центра утратил он практически мгновенно - так как эта структурная точка объединения и роста, этот центр духовный, уж конечно не мог быть в каком-то одном постоянном месте. Иначе он сразу перестал бы восприниматься всеми как именно духовный центр. "Всеобщий Папа" должен был быть чем-

то вроде старца, к которому все
прислушиваются: "Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов
господствуют над вами, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так:
а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою" (Мф., 20, 25-26).

Коль скоро духовное противоположно земному (Лк. 20, 25), то и центр христиан
не должен был выглядеть как центр власти любой империи. Опять же: христиане (по
крайней мере, лучшие из них) изначально "мыслились" Христом как бродячие
проповедники; натурально, и ихний центр тоже должен был типа бродить. Церкви ни
в коем случае нельзя было копировать государственное устройство. Чем она тогда
будет лучше государства? Где гарантия, что Церковь не начнёт с ним
конкурировать? Да и вообще, государственная "структурность" есть отражение
падшего мира, наследие этого самого грехопадения.

В итоге, "осёдлому папе" сразу же пришлось принять самое активное участие в
политической жизни, где вообще нет идеалов

и нравственности, но есть лишь цели и
средства. Полагаю, вы не раз читали в Интернете изречения, что у женщин дело
обстоит точно так же. Так вот: в этом смысле политика есть _б_а_б_с_т_в_о_, и
отдавшийся политике глава Церкви становится - угадайте, чем?
Кроме того, нетрудно догадаться, что оседание папы на одном постоянном месте
неизбежно начнёт как минимум вызывать зависть на других местах, в остальных
поместных церквах. Начнут возникать всякие бунтарские настроения, и подавлять их
придётся именно ему. . . Допустим, начнёт возвышаться какой-нить там
Константинополь - и начинай доказывать ему своё "первородство". Постепенно
борьба за место переродится в борьбу за власть и за отстаивание своих, всё более
мелких амбиций. Спустя несколько столетий церковь стала одним из крупнейших
землевладельцев - в том числе и папа, "наместник Христа на земле". Это не менее
смешно, как если бы землевладельцем стал Сам Иисус. Уж коли ты "наместник
Христа", то будь любезен соответствовать, а

если стремишься к власти, выбираешь

"Кесарево" - то будь любезен, откажись от Божьего. Есессно, столь влиятельную

силу всякие там враждующие группировки феодалов старались перетянуть на свою

сторону - путём, например, богатейших дарений.

Папству ни в коем случае нельзя было "играть на том же самом поле", что и

политики - поскольку пришлось принимать существующие в политике "правила игры",

а значит, и забывать про свои собственные. Следующие 15 веков святой престол

только и делал, что "тянул одеяло на себя" (в смысле власти, разумеется).

Уж коли уподобляться Христу, коли продолжать Его дело, то церкви как

институту не следовало иметь вообще ничего: ни собственности, ни власти. Пойдя

по пути накопления имущества она превратилась в типичную бабу. Стремясь к власти

и могуществу на земле, церковь уподобилась. . . вы сами уже догадались, кому.

Кроме того, нужно вспомнить, сколь амбициозны (и - в этом смысле - даже

мелки) оказались ученики Иисуса. В этих усло-

виях о воспроизведении изначальной
модели христианства даже речи не шло. Собственно, все эти добрые люди,
полностью, до фанатизма увлечённые как новым учением, так и противостоянием не
менее фанатичным иудеям с их властолюбивыми первосвященниками (интересно: были
ли и эти последние тоже "голубыми"?) - все эти добрые люди ни о каких
конструктивных моделях общемирового развития и не помышляли. Не делают этого и
сейчас.

Итак, уже в первом столетии преемники апостола Петра благополучно
вогнездились в Риме, создав институт "папства". Постепенно папы - решительно
непонятно, каким макаром - отождествили Христову идею органического единства
христиан с чисто языческой, римской идеей персонального владычества. Идеи,
казалось бы, ничем друг с другом не связанные и взаимоисключающие. И потому одна
из них, более очевидная, более жизнеспособная и более простая - должна была
подчинить себе другую, совсем уж духовную и широким массам непонятную. Типа,

если уж единство - так под чьим-нибудь господством. Нет, недалеко ушли мы от
животного мира.

Между тем Иисус прекрасно знал, что этим кончится. Властная, государственная
составляющая жизни общества должна быть дистанцирована от духовной. Христос
недвусмысленно провозглашал принцип разделения Божьего и кесарева. В Евангелии
даже особый эпизод на сей счёт имеется, когда Его спросили: "Позволительно ли
нам давать подать кесарю, или нет? . . Он сказал им: отдавайте кесарево кесарю,
а Божие - Богу" (Лк., 20, 25). Римский Папа не должен был иметь какую-либо -
хоть духовную, хоть государственную - власть. Он должен был быть фигурой,
скорее, символической.

Итак, в самом конце процесса своего вырождения, Папа, наш носитель важнейшей,
принципиальнейшей идеи духовного единства христианского мира (так как никакое
единство невозможно без некоторого центра), а вместе с ним - и весь католический
мир, полностью зациклился на внешней, формальной составляющей этого единства -

то есть идее централизации. Самой же главной, чуть не единственной своей задачей

святой престол стал видеть политические интриги, направленные на объединении

всех христиан - под собственной властью, разумеется. Как видим, и здесь

изначальные, стратегические задачи человечества были вконец похерены, и

полностью замещены на достижение тактических их предпосылок. Кстати, вполне

возможно, что Православие своею "схизмой" и выразило этакий бессознательный

протест против этой "осёдлости" папы, и типично имперских его амбиций. . .

Восточное христианство, оно ведь у нас как женщина - всё чувствует, а выразить

толком не умеет. . . Чуть что - истерика. Недовольна - сразу развод. . .

Человечество вновь наступило на те же грабли _б_а_б_с_к_о_г_о_ стремления к

спокойствию, сытости, осёдлости, удобства и уверенности в завтрашнем дне.

Довольно быстро наследник апостола Петра превратился в своего рода

"псевдо-императора" и начал качать права, понемногу прибирать к рукам церковное

"бабло", и, самое главное, лезть в амбиции, что, как известно, является лучшим
доказательством утраты первоначальной харизмы. Восточная Церковь, эта "баба
внутри бабы", начала завидовать, что "центр христианства" достался не ей,
обозлилась из-за собственной "вторичности", и в конце-концов подала на развод. .
. О том, что этот "центр" и не должен был быть территориально дислоцированным,
не пришло в голову тогда никому. Кстати: не приходит и теперь. И православные, и
католики воспринимают это как данность. Первые - как враждебную, вторые - как
необходимую. Да когда же все они думать-то начнут, чёрт возьми?!
Почему-то Христос не посчитал возможным обосноваться в тогдашней столице
Израиля со всеми вытекающими отсюда возможностями: создание постоянной группы
единомышленников, церкви, школы, и так далее. Он - если можно так выразиться -
"умышленно" был бродягой, не привязанным к одному конкретному месту. Ибо такое
"привязывание", возвышение одной церкви (или кафедры) над остальными сразу же

создаёт земную, падшую иерархию, то есть погружает Христову Церковь в пучину
того самого мирового детерминизма, который был в животном мире до Адамова
грехопадения, а после - перешёл и на род людской. Единство иное, духовное, когда
сорганизуют свой внутренний мир, свою систему ценностей, свою мораль, свои
поступки, своё "я" со странствующим где-то учителем - наверное отличается от
приходской системы устройства, когда в храм приходят как в лавку, и с гордым
видом принимают причастие. И топают, самодовольные, домой. Да ещё жалеют всех
встречных, несчастных: они-то не причащались. Взгляните-ка на нынешнюю
иерархическую церковь и признайтесь: вас туда очень тянет?

Церковь, существующая вне государственной власти, вне влияния правительства и
вне материальной жизни общества, без сомнения очень быстро оказывается
маргинальной структурой, не имеющей никакого реального политического влияния. Но
в этом случае она оставляет своему народу шанс придти к вере свободно, без

лоббирования интересов, без вымученного преподавания Закона Божия в школах...

Она предоставляет нам шанс изменить себя, преодолеть наше исходное бабство.

Церковь же, являющаяся частью государственного аппарата на первый взгляд

является куда более значимой общественной силой. Но такого шанса не

предоставляет никогда.

Упаси Бог, я не призываю что-то там реформировать и менять! Но понять, что с

нами произошло, должны мы, или нет? Или нужно по-бабски уверять себя, что "всё

хорошо"?

Дело Отца окончательно было предано. "Если дом разделится сам в себе, не

может устоять дом тот" (Мк. 3, 25). Христианство давным-давно разделилось на две

составляющие его части - деятельную и созерцательную.

Собственно, такое разделение наметилось ещё при жизни Христа. Вспомним Марфу,

всецело занятую хлопотами по принятию Христа и Его (почти наверняка)

многочисленной "свиты", и Марию, "которая села у ног Иисуса и слушала слово Его"

(Лк. 10, 39)? Не случайно, ох не случайно введён этот эпизод в Евангелие! Да и

вообще ничего случайного там нет. . . Например - отнюдь не случайно в этом

эпизоде фигурируют _д_в_е__ж_е_н_щ_и_н_ы_. Ведь неспроста же это. Хотя бы на

секунду вообразите себе весь специфический комплекс взаимоотношений, который

изначально существует между двумя - даже самыми лучшими, даже самыми любящими -

сёстрами. Да-да, вы подумали правильно. Там будет и зависть, и слезливое

сочувствие, и борьба за первенство, и настоящее самопожертвование, и

традиционные мелочные упрёки. . .

Священное Писание как бы намекает нам на будущие катаклизмы, на тотальное

обабивание реального христианства, на его разделение на две типа "бабские"

составляющие. . . Христианство должно было развиваться как типа единый мужчина -

настоящий, твёрдый, сильный и умный христианин. Однако он как бы разделился на

две половинки. И читатель-мужчина уже понял, какого пола они оказались. . .

Ведь что стоило Богу так повернуть события,

чтобы Иисус пришёл, скажем, ко
двум братьям, не правда ли? Или - просто к хорошей большой семье с кучей детей,
стариков и прочих родственников. Заодно они бы и благовестие потом дополнительно
среди "языков" разнесли. . .
Но намёк этот, как всегда, проглядели. . . А между тем именно на "Марфу" и
"Марию" разделилось со временем человечество. И центр деления этого прошёл,
разумеется, через христианство. Разделилось оно - и разделились с ним все,
разделилось с ним всё. На "золотой миллиард", и всяких там прочих. . .
Эти рассуждения могут показаться заумными, и потому приведу простейший
пример. Представьте себе, что злой волшебник умело разделал хороший, новый,
мощный автомобиль. Одним досталась тёплая кабина с печкой и рулём, а другим -
одна рама с колёсами и мотором. Первые довольны тем, что у них есть руль и
приборная панель, на которой отображается всё что захочешь. Они сидят в тёплой
кабине, глядят на весёлые огоньки да стрелочки, любуются красотой отделки

салона, удовлетворённо посматривают на индикаторы, да ещё греются, - при этом

искренне полагая, что владеют всею машиной. Про тёплый воздух в кабине они,

натурально, говорят: "нам досталась благодать, которая преодолевает естества

чин". Про стрелочки и индикаторы они говорят, что у них есть настоящее духовное

вИдение. Типа, уж мы-то точно спасёмся, даже и ехать никуда не нужно. Они как бы

"подсели" на удовольствии от тёплой кабины, и учат своих детей, что это

удовольствие, что поддержание этой теплоты - и есть смысл всего христианства.

Мол, эта теплота - спасительна, она гарантирует нам высокое "качество" загробной

жизни. Греться нужно как можно больше и чаще. Это и есть наш с вами христианский

Восток.

А другим досталась одна рама с мощным двигателем и колёсами. И вот, не имея

тормозов и руля , на холодном ветру, заехали они чёрт знает куда, знай только

радуясь самОй скоростной езде, мощному своему мотору. . . И скорость их такова,

что ветром снесло уже большую часть пасса-

жиров. Как вы догадались, это - Запад.

Уже давно не имеем мы целого автомобиля. И никто не хочет признать себя

виноватым. И это называется христианством! Такое у них типа смирение и покаяние;

такой у них головокружительный уровень рефлексии. Всё же интеллектуальная

трусость этих людей поистине феноменальна. А может, они просто хотят спастись?

Так ведь человеку это невозможно. . . И даже в голову никому не приходит, что

каждый воцерковляющийся в той или иной конфессии христианин сразу же получает

урезанную, кастрированную, неполноценную "версию" христианства.

"Всякое раздробление церковной организации суживает и понятие о Боге, отнимая

у Божества признак целостности" - пишет В. Шубарт ("Европа и душа Востока").

Добавлю, что раздробление это суживает и наше понятие о самих себе, о смысле и

цели человеческого существования; оно раздробляет нашу внутреннюю целостность,

нашу культуру, постепенно фрагментирует её, принижая до уровня обслуживания

простейших потребностей. . . Цельного христи-

анства уже нет. Потому-то и выглядят
одни из христиан трусливыми рабами, другие - какими-то хитроумными политиканами.
Западным христианам досталась Марфина деятельность без духовности; восточным
- Мариина духовность без деятельности. А на самом деле - каждый попросту выбрал
из целостной евангельской веры то, что было ему изначально ближе. И вот,
рекрутирует христианство всё новых и новых неполноценных христиан. Нормальные
люди в Церковь, натурально, не идут. Да и что делать им среди сплошного этого
бабства? Тертуллианья душа-то всё нюхом чует. . .
Вам ещё доведётся столкнуться с утверждениями, что только наша, православная
церковь истинна, так как у неё самые правильные обряды и самая настоящая
благодать. Что следующей церкви уже не будет; что врата ада такую правильную
церковь не одолеют. . . Кроме того, те же самые люди обязательно будут говорить
вам, что "живём мы в последние времена". ОК. Но вот что говорит в Апокалипсисе
Дух Божий, обращаясь к _п_о_с_л_е_д_н_е_й_

церкви: "Знаю твои дела; ты ни
холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не
горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: я богат,
разбогател и ни в чем не имею нужды", а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и
нищ, и слеп, и наг. . . " (Откр. 3, 15). Нетрудно догадаться, что речь идёт о
богатстве благодатью, которой так любят хвастаться в своей самоуспокоенности
православные. Ну а католики, наверное, хвастаются богатством и аутентичностью
своего "центризма". . .
"Вера без дел мертва есть". Но какие дела у наших "автомобилистов"? Восточные
христиане занимаются только тем, что беспрерывно воцерковляют друг друга;
западные - полностью отдались благотворительности (о позорных попытках Ватикана
создать внешнее, условное, ничем реально не подкрепленное единство, вообще
умалчиваю). И те, и другие при этом "спасаются". Но разве сами вы не чуете, что
во всём этом есть что-то не то? Не чувствуете нечто неуловимое, что нас всех от

христианства отталкивает? Так вот: это - отсутствие подлинного, глубинного
единства христианского мира, его не-цельность и не-целостность. Будь
христианство единым, органическим целым, то неизбежно стало бы притягательным
для всех. Оно стало бы прозрачно и понятно; оно вернуло бы нас к исконным нашим
общечеловеческим, адамовым задачам.

Потому-то и не может и христианский мир, а вместе с ним - и самое
человечество - составить верное, согласующееся с научными данными, понятие о
Боге. Потому-то человечество и не в состоянии поставить перед собою единую,
логичную, убедительную цель своего существования, в силу чего, будучи предельно
разобщённым, постепенно скатывается в пучину пошлого гедонизма. Тем, кто не
попал в круг таких "избранных", остаётся удел завистливо-героического
терроризма. Да-да, не сомневайтесь. Если нам дано настолько многое, то значит, и
отвечаем мы за всё. Даже и за "братьев наших меньших".

Христиане (в первую очередь православные)

скажут вам, что мы-де все призваны
к достижению святости, к подвигам святых. Это, однако, не вполне верно. Святость
- столь же редкий и уникальный дар, как способность писать талантливые стихи,
сочинять гениальную музыку. Поэтому правильнее было бы сказать:
_н_е_к_о_т_о_р_ы_е_ из христиан призваны к святости. Это их собственное,
индивидуальное призвание. У каждого человека свой индивидуальный творческий дар.
Наша земная задача - найти его и реализовать. Иисус намеренно посвятил этой теме
целую притчу. Вот прямо сейчас пойдите и ознакомьтесь - Евангелие от Матфея,
глава 25, начиная от строфы 18. Ключевые слова для Рамблера - "и одному он дал
пять талантов". Что же до христианских святых, то этот опыт неправомерно был
перенесён на всех людей без исключения.
Кстати, Серафим Саровский (замечу, самый любимый мой святой) по этому поводу
говорит: "Дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь;
много дает Духа Божьего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню

творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради,

рассуждайте. . . Дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых

дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении

из них большей выгоды, т.е. вящем приобретении обильнейших даров Духа Святого. .

." ("Беседа с Мотовиловым о цели христианской жизни",

http://www.reshma.com.ru/alm/vech/o_jizni.htm). Неудивительно, что издание этой

беседы было запрещено православной церковью на многие десятки лет. . .

На все приведённые рассуждения могут возразить следующее: а как же чудеса?

Как быть с благодатным Огнём, сходящем в Гробе Господнем, с мироточением икон, с

чудесными исцелениями, с благоухающими мощами святых? Ведь всё это

свидетельствует об истинности, а значит, и "спасительности" нашей веры?

Кот лично видел мироточащую икону. Обонял и чудесный запах от мощей. Запах

был и в самом деле необыкновенным, просто потрясающим - никакой Dior и рядом не

стоял. В христианстве действительно есть самая настоящая благодать - я не просто
верю в это, но твёрдо знаю. Но ведь дело не в благодати и чудесах. Не в них
следует искать суть христианства.
Кстати, в Индии сейчас вовсю идёт процесс сакрализации известного политика,
"невинно убиенной" Индиры Ганди. На развилках дорог вкапывают такие поставцы с
её портретами (на Руси в этих местах ставили кресты с иконками, а ещё раньше, до
этого - деревянных идолов). Многие индийцы, прикасаясь к этим портретам,
получают чудесное исцеление. . . Да и нетленные мощи есть у "неверных" - и у
йогов, и у буддистов. Когда в 2002 году открывали короб с телом Далай-ламы,
пролежавшем там много десятилетий, то его полностью нетленные мощи ещё как
благоухали. Даже и кровь не свернулась. И статуи языческие тоже вовсю
мироточили.
Наличие подвижников и святых, факты многочисленных исцелений, знамений и
чудес ещё не доказывает, что христианский народ (и, шире, всё христианское

человечество) движется по верному, изначально установленному Иисусом, пути.

Нужно взять и честно сознаться самим себе: да, мы не следуем заповедям

Христовым. Не отдаём вторую рубашку неимущему, не отказываемся от роскоши, не

уподобляемся Сыну Божию в образе жизни. . .

(Обратите внимание: в этом тексте не утверждается, что нужно отдавать вторую

рубашку, и что все обязаны это делать. В обществе должна быть создана такая

атмосфера, чтобы мы поняли, что это делать хорошо, что те, кто так делает - тоже

нормальные люди, и что мы этого почему-то не делаем. В обществе должна быть

поддержана и другая система ценностей, противостоящая потребительской.

Нормальное развитие нашего общества возможно только при взаимодействии двух

идеологических составляющих, а не какой-либо одной, пусть даже самой правильной.

Наличие двух идеологий не разобщает общество, если они - правильные. Именно

наличие двух глаз создаёт у нас качественное объёмное зрение. "Зрение" наших

граждан в смысле жизненных ценностей

должно быть целостным, объёмным, то есть - стереоскопическим. Однако на эту тему мы поразмыслим ниже.)

Но почему бы не пойти ещё дальше, набраться смелости, и осознать, что мы ко всему прочему уклонились и от центральной линии развития. И, кстати, те же самые мироточивые слёзы на иконах могут быть связаны не с нашей общей или индивидуальной греховностью, не с отступлением от веры в эпоху тотального коммунизма, не с убийством батюшки-царя и нынешним его губительным отсутствием, не с торжеством "нечестивой демократии" и т.д., но именно с этим уклонением от магистрального пути. Да и с чем угодно могут быть связаны. Всё остальное - наша интерпретация. И вообще: если благодать может передаваться через гомосексуалиста-архиерея, то почему чудеса не могут происходить у окончательно заблудшего народа? С чего взяли вообще, что они являются каким-то доказательством? Чудо есть просто чудо, всё остальное - наше о нём мнение. А ему случается бывать и неверным.

Замечу, что не гарантирует правильности мнений даже христианская святость.

Андрюша Кураев пишет: "Даже из уст святых и даже в XIX веке раздавались призывы

ввести смертную казнь для проповедников атеизма" ("Дары и анафема", М, "Эксмо",

2004, стр.25).

Христос говорит об отношении к чуду открытым текстом: "Блаженны не видевшие,

но уверовавшие" (Ин., 20, 29). Само по себе наличие благодати не доказывает, что

нужно обязательно освящать ту же дрянную вербу, пить святую воду, и делать

именно сорок земных поклонов в пост. Те женщины, которые вырывали тогда вербу из

моих рук - ведь они причащались за полчаса до этого. И все чудеса мира, вся

бездонная благодать ещё не доказывают, что мы, причащаясь в храме, являемся

полноценными христианами. Ну да, мы приобщаемся к полноценной благодати - но не

более того. А кому от этого хорошо? Мы что, берём после этого крест,

отказываемся от своих родных и своего имущества, следуем за Христом? Короче,

вспомните-ка пример с "разъятым" автомо-

билем. . .

Дело в том, что настоящая, подлинная, аутентичная благодать в нашем мире

существует автономно, сама по себе, а жизненные цели (аспект нашей воли, нашей

духовности), которые ставит перед собой индивид - сами по себе. Они оказались

разъединены между собою. Упрощенно говоря, можно регулярно исповедываться,

поститься, причащаться, вычитывать все молитвы - и оставаться дерьмом. Ну или -

как бы это выразиться? - быть каким-то не очень привлекательным для неверующих.

Нехорошим, что-ли. . .

Это разделение сознательной, деятельной, волевой - и духовной сторон нашего

существа - тяжкое наследие грязных Адамовых "делишек" в раю. Изначально он был

целостной личностью, однако потом всё изменилось. Человеческая натура изначально

имела возможность вот так "расслоиться", говоря языком современного

психоанализа.

Результаты грехопадения Адама оказались куда глубже, чем думают иные, не

очень дальновидные люди. Обратное восста-

новление человеческой натуры теперь не
могло идти путём духовного усовершенствования, слёзных молитв, исполнения
обрядов, да чтения всяких умных книжек. Типа сидишь себе, да молишься, а вся
твоя натура, как вагончик за паровозиком, автоматически улучшается да
улучшается. . . Так, господа только женщины могут полагать: соблюдай себе
ритуалы, да всё как-то само собой и уладится. В таком случае самый смысл
исполнения обрядов извращается и становится лишь ширмою для нашего себялюбия.

Задумывались ли вы, о искушённый читатель, что в этом смысле все женщины -
извращенки? Для подлинного духовного роста нужно изменение всей своей жизни;
нужны мощные волевые и сознательные усилия. Ибо наш дух - сам по себе, а
рассудок и воля - сами по себе. И ежели двигаться по духовной стезе, то нужно
постоянно приводить в соответствие одно с другим. За счёт этой "автономии"
задача обратного восстановления человека в прежнем достоинстве многократно
усложнялась.

Сотворивший мир и здесь подготовил нам очередную ловушку: не захотим ли мы заполучить все духовные дары христианства "влёгкую", в отрыве от жизненного подвига, то есть ничем за это не заплатив? Всегда есть соблазн выбрать из христианства одни ритуалы и по-бабски начать жить исключительно ими. И Бог как бы испытывает нас: пойдём ли мы по самому лёгкому (то есть - бабскому) пути, соблазнимся ли на этот запретный плод? Поддадимся ли соблазну профанировать самое ценное, что может у нас быть? Лёгкость получения благодати была ничем иным, как испытанием нашей духовной силы, нашего мужества. Принимая этот великий дар, человечество выбирало, кем оно будет: твёрдым, сознательным, волевым, деятельным мужем, или бабой - мелочной, слабой, лукавой и поверхностной. И угадайте с трёх раз. . .

Вплотную занимаясь этой темой, нетрудно заметить отсутствие какого-то очень важного, существенного звена, соединяющего нашу волю, наше стремление взять настоящий крест, - и благодать. В Евангелии

указаний на это звено нет;

отсутствует оно и в учении святых Отцов Церкви. Тем не менее, способ объединить

духовную и волевую, деятельную составляющую христианства существует.

Обратим внимание на содержание самой последней молитвы Иисуса Христа, только

что завершившего Тайную Вечерю и с минуты на минуту должного быть "повязанным"

римскими "мусорами". Молитва была длинная - целая евангельская глава. И

заканчивается она следующими словами: "Не о них же (Его учениках - К.Б.) только

молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во

Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, - да уверует мир, что Ты послал

Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едины, как Мы едино. Я в

них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал

Меня. . ." (Ин., 17, 20 - 24). Обратите внимание: каждым предложением Иисус

повторяет одно и то же прошение. Нельзя, чтобы случайно! Кстати, в греческом

оригинале вместо "славы" идёт "догзан", что

означает не только "славу", но ещё и
"мнение, представление".
Честно говоря, текст этой молитвы не фигурирует в других Евангелиях, но это
нормально, так как Иисус "взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна" (Мк., 14, 33). Из
всех евангелистов лишь Иоанн был с Христом на Елеонской горе, и натурально,
только он доносит до нас полный текст молитвы. А Марк, приводя эти имена,
наверняка завидует, что его не взяли. Как пить дать. В данном случае точность
является не "вежливостью королей", но свидетельством, скорее даже намёком на
подспудное отношение самого Марка к событию. Как видим, уже среди учеников
Христа появляются зависть и разделение.
Иисус молился о том, чтобы первые христиане составляли единое социальное
целое. Тем недостающим звеном, которое должно было соединить нашу волю и
духовность - было наше сознание и связанный с ним механизм социального
наследования. Грубо говоря, в целом обществе изначально должна была воссоздаться
такая атмосфера, которая бы ориентировала

человека на духовный подвиг, на некую совместную деятельность с другими христианами и со Христом, а не на пошлое потребление. Люди должны были с молоком матери впитать идею, что они составляют между собою одно неразделимое целое; она должна была стать их базовым инстинктом, "пятым элементом" человеческого бытия:

"... дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы - тело Христово, а порознь - члены" - пишет апостол Павел (1 Кор., 12, 24 - 27).

Итак, внутреннее, сущностное, глубинное единство первой христианской "партийной ячейки" и должно было обеспечить "приток новых кадров". Эта христианская "стволовая клеточка" должна была оказаться точкой роста, из которой развилась бы целостная, органическая, единая система завтрашнего дня - всё христианское человечество. Но первые христиане своими бесконечными склоками,

амбициями да выяснениями, лишь оттолкнули большинство иноверных. Самое же
поганое, что своей грубой и неумелой пропагандой они оттолкнули от себя и
большую часть иудеев.

Христианство - оно прямо как социализм. Знающие люди говорили, что невозможно
построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Типа конкуренция со стороны
мощного западного производителя не позволит. Точно так же и культивирование
подлинного, органично присущего, христианского отношения к другому человеку
возможно только тогда, когда оно принято у всех окружающих. Конечно, и у одного
человека можно попробовать это отношение развить - титаническим, волевым
усилием. Но в этом случае всё неизбежно окончится провалом (если, конечно, наш
"подопытный" - не святой).

Но не могут же все люди жить подвигом! Это утопия. Есть ещё и наши милые
женщины, и те из мужиков, что пошли бы за ними в своей любви как к сексу, так и
к богатству, сытости и уверенности в завтрашнем дне. . . Таким образом, мы можем

приблизительно представить ход "правильного" исторического развития: в обществе
(ещё том, древнем) возникли бы две социально-экономические силы - всем
известная, рыночная, и другая, с вне-экономическими, духовными механизмами
регуляции. И результирующая этих двух векторов и предопределила бы всё
дальнейшее развитие социума. В конкуренции с потребительскими ценностями
сообщество христиан всё более крепло бы, становясь всё дружнее и всё
привлекательнее. К ним бы присоединялись всё новые люди. Как любят писать в
Инете, "будь проще, и все к тебе потянутся".

Учение Христа должно было медленно, постепенно, тысячелетиями,
преобразовывать "изнутри" погрязшее в пошлом бабстве человечество. Но бабство
опять победило (грех Адама и Евы не просто был связан с нетерпеливостью, но и
обусловил развитие этого свойства у падшего человечества). Короче, христиане
предпочли "взять быка за рога", и сразу же "перескочить в дамки": действуя путём
интриг, они "воцерковили" императора, и его

руками начать давить всех
инакомыслящих. А дальше понеслось. . .

Вынужден сознаться, что всё это Кот не очень хорошо сформулировал.

Настоящая же гадость в том, что в конце-концов деятельная, волевая, сильная
сторона человеческой жизни всё более и более стала выделяться из христианства.

Сначала в виде всяких там кальвинистов да лютеран, которые, честно говоря, в
своей деятельности вполне могут обойтись и без имени Христова, - всё равно для
них есть оно ширма. А в конце-концов и вообще как бы была отдана на откуп
сатанистов. Я сказал - "как бы". Но по крайней мере, что-то очень уж много
трубят они о свободе да воле. А кто в этом, между прочим, виноват? Слабо
покаяться?. . .

"Кому много дано, с того много и спросится". Из этого следует, что с того,
кому дано _в_с_ё_ - необыкновенные духовные богатства, благодать и не знаю, что
там ещё - в свою очередь, тоже _в_с_ё_ спросится. Имея беспредельные дары,
христианство и отвечает решительно за всё и

всех. Или - не отвечает, и это
доказывает, что дары не беспредельны. Тем не менее, трогательно видеть, как
христиане скромно отворачиваются от неких негативных событий, происходящих в сей
юдоли слёз - всякие там войны, расколы, реформации, сатанинские секты (о
гонениях на иноверцев вообще умалчиваю). Мол, это не мы, мы тут ни при чём, это
они сами по себе такие плохие. . .
Чёрт подери, в христианстве есть всё что угодно - благодать, спасение, даже я
сказал бы, что и богословие (готов признать это, скорее, ради прикола) - всё,
кроме социального покаяния. То есть - покаяния целостного, единого,
интегрального. Этим единым целым, полноценным наследником Творца, ответственным
сыном Отца своего христианство не было никогда.
Всё это произошло потому, что "сынок", назвав себя "невестой", оказался
трансвеститом. Изначально утратив всякий мужской дух, церковь в дальнейшем своём
развитии пошла по пути классического _б_а_б_с_т_в_а_. Вот вам дополнительное

доказательство сугубого бабства церкви (хотя бы и православной): попробуйте-ка,

покритикуйте её! В ответ услышите: ты не смеешь судить об этом, так как ты: не

являешься церковным человеком, а наше царствие неподвластно рациональному

осмыслению; маловер; в храм ходишь недавно и не обрёл духовного опыта; ходишь не

в тот храм; неправильно исполняешь ритуалы; не имеешь "правильного" духовника;

не имеешь благословения об этом "суемудрствовать"; на тебя ополчается нечистая

сила, желающая твоей погибели; слишком горд и самонадеян, коли думаешь о чём-то

кроме спасения, и, наконец, самое главное - раз критикуешь, то значит ничего не

понимаешь (нужное подчеркнуть). Короче - "сам дурак".

И никогда-то церковь по-мужски "не зачешет себе репу" и не скажет: "Правда?

Чёрт возьми, я подумаю об этом. Может быть, ты и прав..." Она возразит: а как же

у нас тогда благодать сохранилась? А как же древние, самые правильные ритуалы?

Типа, правильно, досконально исполненный обряд гарантирует наличие благодати;

приобщение к благодати помогает в спасении. Раз у нас правильные, неизменные с
древности обряды, то дело в шляпе. Ну куда как просто. Ну куда как по-женски:
делай то, что делают все, что делали предки - и ты прав.
Да, церковь пошла по пути бабства, но суть в том, что сделано это было не
только и не столько бабами, сколько бабством нашим, мужским. И всей этой
работой, со всеми занудными рассуждениями, пытался я доказать, что самая главная
проблема человека - не женское бабство, но мужское. Женское-то ещё понятно. Оно
даже как-то простительно. . .
Человечество
никогда не было _м_у_ж_ч_и_н_о_й_. Оно всегда было _б_а_б_о_й_
по отношению к своему Отцу. Собственно, это вполне нормально: создав по
отношению к Себе _и_н_о_е_, Создатель тем самым изначально обрёк его на
мучительное ощущение своей со-творённости, своей разъединённости с Творцом,
своей как бы вторичности. Возможно, именно это имеет в виду апостол, говоря, что

"тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих". Именно этот-то "зазор бытия"

и был "гарантом роста", залогом будущего развития всего универсума. Кстати, и

направления этого развития, а именно - к Богу. А, собственно, что такое

_б_а_б_с_т_в_о_? Это в первую очередь мучение от ощущения собственной

вторичности. Эта бабская "вторичность" бытия имела и другую, чисто

"искусительную" сторону. Ибо всегда есть соблазн вернуться к "прообразу", "стать

как боги" сразу же, одним "революционным скачком". Этакое чисто бабское

нетерпение получить всё и сразу, ничем за это не заплатив. Сотворив мир, Бог тем

самым обрёк его на утомительное бабство. И мужчиною этому миру следовало либо с

самого начала быть, либо стать только потом. Но уже вряд ли станет.

И в этом смысле грехопадение первых людей было ни чем иным как переключением

их на женскую систему ценностей. Именно им оказалось подчинено развивающееся

человечество. Вспомним пример девушки, которая мечтает о сватовстве. Что первое

приходит ей в голову? - в каком будет она платье. А что самым первым сделали

Адам и Ева сразу же после вкушения запретного плода? Правильно. Они "сшили

смоковные листья, и сделали себе опоясания" (Быт., 3, 7). Не потому, что хотели

выглядеть посимпатичнее (хотя и этот момент не стоит совсем уж отрицать). Адам и

Ева стали по-бабски поверхностными. Они начали обращать внимание не на суть, но

на форму. Самым первым своим самостоятельным шагом продемонстрировали они своё

_б_а_б_с_т_в_о_ - наряды там, нагота, стыд. . . Именно по словам Адама "я наг"

Бог мгновенно "вычисляет" суть происшествия: пипец, людишки переключились на

бабскую систему ценностей, их надо кончать. . .

Бабство человечества также и в том, что так и не создало оно настоящего,

_м_у_ж_с_к_о_г_о_ богословия - прямого, сильного, смелого, поставившего во главу

угла ответственность за продолжение дела Отца. Оно даже не смогло понять ни

смысла этого дела, ни собственного места в мире, переключившись на чисто бабские

проблемы выживания, размножения и потребления (если вы умудрились дойти до этого
места, то можете и сами на эту тему поразмыслить). И до сих пор так и не
догадывается оно, что без такого осознания себя, без ответственности за
упомянутое дело, любая, самая невинная деятельность обернётся лишь новым
строительством Вавилонской башни - с известными всем последствиями.

Впрочем, в условиях, когда каждая новая идея тут же "тестируется" на
соответствие её учению святых Отцов Церкви, ибо лишь их построения однозначно
являются "спасительными" - ничего нового породить нельзя в принципе. Можно лишь
перебирать и компилировать чужие идеи, как цветные камешки в калейдоскопе. И это
так потому, что наши горе-богословы тоже, в первую очередь, стремятся спастись!

Хотят спастись - и потому не делают ничего. А может, всё же попробовать им стать
мужчинами - получив свои таланты, _у_п_о_т_р_е_б_и_т_ь_ _и_х_ _в_ _д_е_л_о_, то
есть пойти на некоторый риск? Вдруг Бог его простит. . . Вдруг Бог не будет

против того, чтобы мы стали мужчинами!

Вот вам один пример. Человечество так и не додумалось до той элементарной,

лежащей на поверхности вещи, что в грехопадении Адама и Евы виноват в первую

очередь Адам. Ведь Ева была у него всего лишь помощницей. Об этом намеренно

несколько раз упоминалось выше.

Итак, Ева была существом подчинённым. Но полную ответственность за

подчинённого несёт начальник, не так ли? Тогда и полная, окончательная

ответственность за вкушение Евой запретного плода лежит на Адаме. Ну а если

копнуть поглубже, то мы выясним, чем занимался Адам в то время, пока Ева

"дискутировала" со змеем. И в этом его занятии была полностью собственная его же

вина. Однако человечество почему-то обвинило Еву. Типа, коли не она, падла, то

Адам до сих пор процветал бы в раю. Между тем, Адам был извергнут из рая именно

за _б_а_б_с_т_в_о_ - проявившееся в том, что, не признавая своей вины, он

перенёс ответственность на Бога, сотворившего Еву: "И сказал Бог:. . . не ел ли

ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую Ты мне
дал, она дала мне от дерева, и я ел" (Быт. 3, 11-12). Часто ли встречалась вам
женщина, признающая свою вину? "И сказал Господь: что ты это сделала? Жена
сказала: змей обольстил меня, и я ела" (Быт. 3, 13). Итак, не желая признать
своей вины, стал наш Адам теперь бабой. Как до этого, так и вследствие этого.

Теперь поехали дальше. Первый человек был "начальником" не только над Евой,
но и над ангелами. И, следовательно, над их предводителем, выполнявшим в
мироздании мощную функцию "транслятора" света от Бога к творению - разумеется,
не нашего, солнечного, но его прообраза - света нетварного, Фаворского. То есть
- божественной энергии, божественной благодати. Этот "руководитель ангелов",
находясь всё время рядом с Богом, и потому ощущая своё могущество, постоянно
боролся с искушением занять в мироздании место Творца (и это, кстати, совершенно
нормально: такое искушение испытывают вообще-то все первые заместители, и чем

могущественнее руководитель, тем сильнее испытывают). Однако до поры до времени

он удерживался от соблазна, он ухитрялся держать себя в руках.

Вот Бог творит человека; наш "супер-ангел" переподчиняется теперь Адаму.

Соблазны "первого заместителя" от этого лишь усиливаются. Смею предположить, что

на момент вступления в общение с Евой, наш "ангельский генерал" ещё находится на

изначальной высоте. До последнего момента он остаётся на вершине небесной

иерархии. Его падение идёт, если можно так выразится, "синхронно" с перволюдьми

и падением их собственным (на самом деле, то один процесс, то другой "забегает

вперёд" и оба друг друга обуславливают). Когда "падает" Ева, то тут же падает и

наш "горе-руководитель". Искушая Еву, он тем самым искушал и самого себя. И если

бы Ева удержалась от искушения, то никогда бы "супер-ангел" не пал. Строгая

иерархичность "системы" бы не позволила.

Представим себе следующую картину. Идёт война; мы в гуще боя. Командир

находится в центре укрепления, так сказать, на

боевом коне, со знаменем в руках.

Солдаты бьются с противником и, разумеется, посматривают на него: как там

командир, всё ещё держится? Он высоко, он всё знает, ему-то виднее. И пока

командир сохраняет боевой дух, солдаты самоотверженно бьются.

Но вот командир проявил слабость, он чего-то испугался, бросил знамя, и

побежал. Разумеется, солдаты тут же побегут вместе с ним. И теперь давайте

зададимся вопросом: на ком лежит бОльшая вина: на солдатах, или на командире?

Точно таким командиром был первый человек, Адам; что же до "предводителя

ангелов", то он был лишь солдатом. Да, "супер-ангел" всё время бился, и всё

время хотел "побежать". Да, еле-еле хватало ему сил, чтобы удерживаться от

соблазна. Но вначале "битвы" он всё время "поглядывал" на своего "командира" -

человека. Да, и впрямь "подъехал" он к Еве. Да, он первым с ней заговорил. Но на

момент начала разговора, "падшим ангелом", то есть Сатаною, он ещё не был! С

начала общения змея с Евой это был нормаль-

ный, богопослушный и добропорядочный
ангел. Ну да, внутри у него были всякие проблемы да искушения. Но они не делают
ещё падшим. Это падение, очевидно, произошло уже после, и Книга Бытия повествуют
об этом открытым текстом, когда Бог - только потом! - говорит змею: "За то, что
ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами" (Быт. 3, 14).

Более того. Можно, конечно, вместе с традиционным богословием предположить,
что расчётливый преступник, Люцифер, заранее спланировал своё "общение" с Евой
так, чтобы "запудрить ей мозги" и достичь желаемого результата. Но давайте
взглянем на первую его фразу непредвзято. "Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни
от какого дерева в раю?" (Быт. 3, 1). Змей сам хочет разобраться в ситуации. Он
действует на основании интуиции; он произносит слова, как во сне. Он сам не
знает ещё, что дальше будет. Да полноте: имеет ли он заранее состряпанный план
потрясения основ Вселенной? Ведь ничто не мешало его остановить. Но этого не
делают, и тогда он "срывается" как собака, спу-

щенная с поводка. Подите, докажите
здесь злой умысел!

Некоторые куски этого текста я писал в течение двух февральских ночей, причем
намеренно уже под утро, сидя в огромных студийных наушниках, уже засыпая и
слушая любимую симфонию Моцарта (ми-бемоль мажор, KV 543, она у меня в
великолепном исполнении Колина Дэвиса). И при этом - будучи слегка "поддатым".

Это сочетание - сонливость, "поддатость" и громкая музыка - идеально для
раскрепощения бессознательного. Груз сознания, мысли о том, как к этому тексту
отнесутся, сбрасывается только этим путём. Ну что поделаешь? Матерьялу накоплено
было туева хуча, и вместить его в полсотни страниц почти популярного текста, да
ещё и привязать к "бабской тематике" было на трезвую голову практически
невозможно. Так вот: некоторые формулировки оказались неожиданными даже и для
самого автора. Я писал несколько абзацев, а потом останавливался и просто
офигевал: Боже, откуда это взялось? И даже не знал, что напишу дальше. Пальцы

сами летали по клавиатуре. Пьяному писать, вообще-то, очень удобно: сознание
почти отключено, и оно не тормозит стремлением найти формулировку получше. Или
ссылками на цитаты. (Делаю это откровенное признание специально для критиков).
Полагаю, нечто подобное было в самом начале и у Люцифера. Начиная, не знал он
ещё, чем кончит. Парень типа импровизировал.
Итак, Бог только потом проклинает змея. Но нас почти пять тысяч лет учили,
что змей (то есть Сатана, или Люцифер) уже был падшим к этому моменту! И тогда
получается, что Бог проклинает. . . уже проклятого змея, уже давным-давно
падшего ангела. Типа, проклинает повторно! Но ведь если змей пал раньше, то,
стало быть, был тем самым и проклят. Иначе, какое же это к чертям собачьим
падение? Что оно такое? Или первое проклятие Бога не имело никакой материальной
силы? Где здесь, спрашивается, логика? Получается, что теперь Бог произносит эту
фразу лишь для красного словца, для. . . поучения нас; никакой "онтологической

нагрузки" она решительно не несёт.

По классической, общепринятой трактовке, как Адам, так и Ева, эти "немощные

сосуды", пали вследствие грехопадения Люцифера. Здесь возникает по меньшей мере

два возражения. Первое: в какой именно момент совершил своё падение Люцифер? Нам

говорят: это произошло случайно. Но простите, полностью случайного на таком

высоком уровне ничего не бывает. За нашим "предводителем дворянства" стояли

мощные ангельские силы, космические энергии, и не знаю, что там ещё. Это была

вовсе не "мелкая сошка". Даже одно государство просто так не нападает на другое

- нужно чтобы вошли в конфликт их интересы, сферы влияния, и прочее. А здесь

даже не государства - восстал, считай, весь космос, "опухла" лучшая часть

ангелов. С чего это вдруг они все ринулись на своего Создателя? Неужто ни с

того, ни с сего? Кто предопределил это "время "Ч"?

Перекладывать на Люцифера конечную вину по меньшей мере смехотворно. Между

тем, в основных религиях, где фигурируют

Адам, рай, грехопадение, ангелы - это
делалось _в_с_е_г_д_а_. И эти умники рисуют нам схему, которая кажется им самим
совершенно логичной и более чем убедительной: сначала "падает" Люцифер, затем,
по его наущению, Ева, потом, под дурным её влиянием, Адам. . . Обратите
внимание: человеческое сознание последовательно обвинило во всех грехах сначала
змея, потом Еву, и лишь потом себя. . . И никому даже в голову не пришло
заметить, что при этом руководствуются той самой логикой переноса вины, что и у
Адама: типа, я не виноват, это всё объективные обстоятельства: жена, которую Ты
Сам же мне и дал. . .
И никто, совсем никто не захотел усомниться: а не слишком ли всё здесь
гладко? Человек по иерархии был выше всех ангелов, или нет? Разве не он был
важнейшим связующим звеном между Творцом и творением? А если человек был выше,
то, чёрт подери, кто первым побежал с поля боя? Кто выронил из рук знамя? Вот
самый главный гамлетов вопрос, который куда важнее, чем просто "быть или не

быть". Ибо, отвечая на него, постигаем мы то, _к_а_к_ быть: признавая свою вину,

или перенося её на других. И, соответственно, _к_е_м_ быть: мужиком или

_б_а_б_о_й_? Это важнее, чем просто "быть", поверьте. Бабское бытие, бытие в

бабстве - для духа на самом деле есть небытие.

Обвинение Евы во всех грехах парадоксальным образом доказывает не мужество,

но предельное бабство размышлявшего над этой проблемой человечества. Нормальный

мужик обвинил бы в первую очередь самого себя. Где был Адам в те "критические

дни", когда Ева предавалась содержательному общению? Лишь поверхностному (то

есть - бабскому) взгляду представляется, что Адама не было рядом. При том уровне

метафизической взаимосвязи, духовного единства всего со всем, что была в Эдеме,

у нашей "парочки" просто не существовало пространственных и временных

ограничений (равно как и всяких других). Иными словами - Адам и Ева всегда, в

любых ситуациях, в любое время дня и ночи, друг друга прекрасно чувствовали. И

издалека, и вблизи. И во сне, и наяву. Каждый

прекрасно чувствовал и знал, что с
другим происходит. Это ведь Эдем _д_о_ грехопадения, а не х. . .вост собачий.

Впрочем, первое нам всё равно уже не светит.

Таким образом, становится очевидно, что во время дискуссии Евы со змеем, Адам
не мог, например, спать, находится на удалении, или заниматься какими-либо
другими важными делами, которые отвлекли его от происходящего. Стало быть,
отвлёкся он от своей жены по собственной воле.

Ветхий Завет не просто говорит, он _в_о_п_и_е_т_ о том, где был Адам. И
вопиет - знаете чем? - своим умолчанием.

Третья Книга Бытия умалчивает об Адаме _н_а_м_е_р_е_н_н_о_. Ибо тем самым как
бы _г_о_в_о_р_и_т_: не удержался Адам на высоте своего положения. Не повёл себя
парень достойно. Не был на высоте поставленных задач. Он духовно _п_о_ч_и_л_. Он
расслабился; он перестал думать о серьёзности этой проблемы. Адам
_б_ы_л__р_я_д_о_м_, но занимался совершенно другим. Угадайте, чем?

А он попросту выбрал то, что было ему прият-

нее. Он, типа, находясь рядом с

Евою, забыл о ней и общался с Богом. Мол, что такое Ева? - баба она и есть баба,

а я - крутой, передо мной вся Вселенная, вся бесконечная история, да мы сейчас с

Богом в паре такого понаворочаем. . . Короче, парень, вместо того, чтобы на

секунду отвлечься и уделить своей женщине (кстати, вполне достойной - она не

подпадает ни под один из 99 признаков;) капельку внимания, _п_о_л_н_о_с_т_ь_ю_

переключился на свои мужские дела. А дальше всё пошло да поехало. . .

Но забыть о Еве, полностью пренебречь ею можно было в одном и только одном

случае: если наш Адам "вознёсся", употребляя терминологию православной аскетики.

Он возомнил себя чем-то другим. Так чем же именно? С Кого мог брать он пример -

и для подражания, и для извращения? Других людей пока ещё не было. . . Вы снова

почему-то догадались. Чёрт, какие все пошли догадливые. . . Адам захотел

уподобиться Богу.

Итак, вот новый виток понимания Адамова греха: не мог он, не имел права брать

пример с Бога. "Не по чину берёшь" - говаривал у Гоголя начальник взяточника.

Типа Бог "расслабился" на седьмой день, вроде как забыв о творении - а теперь

надумал расслабиться Адам, забыв о Еве. "Расслабившись", почив, Бог как бы

отвлекается от дел, связанных с творением - то есть с тем, что ниже Его по

иерархии. Подобным образом, и Адам отвлекается от более низкой своей

иерархической "креатуры".

Не имеет никакого значения, чем реально занимался Адам в то время. Он мог

общаться с Богом (получая очередные "вводные"), именовать очередную зверюшку

(формируя тем самым свою нарождающуюся рациональность), собирать какие-нибудь

плоды. . . Он мог вообще есть, спать, сидеть на горшке. . . Для нас

принципиально то, что Адам посчитал это своё занятие важным и "крутым", а Еву с

её "бабскими заморочками" - чем-то второстепенным. Ну мало ли с кем там базарит

его "тёлка"? Всё путём, всё под контролем. . . Адам не просто расслабился, но

отвлёкся от неё, он пренебрёг ею. И, следова-

тельно - отвлёкся от всего мира (так как для связанного с Богом Адама его Ева была своего рода персонификацией всего тварного мира). Тем самым начал он всем этим миром пренебрегать. Типа, нужно помышлять о божественном, о Царствии Небесном, а мир - это всего лишь "трамплин", всё равно он должен сгореть. Спасайся, кто может! Так пренебрежение женщиной, гнушение сотворённым миром и духовное ослабление входят друг в друга и взаимно друг друга обуславливают. А мужчину так вообще превращают в бабу...

Смысл грехопадения Евы был в пренебрежении запретами. Смысл грехопадения Адама был в пренебрежении всем сотворённым миром, в гнушении теми ценностями, которые персонифицирует собою Ева.

Тот, кто _п_о_л_н_о_с_т_ь_ю_ пренебрегает тварным миром во имя ценностей духовных, во имя собственного "спасения", совершает то же самое.

Адам пренебрёг Евой. . . Нет, не так. Он ослабил к ней духовное своё внимание, свою душевную заботу. И, как только он духовно расслабился,

_п_о_ч_и_л_ (слово это и означает "духовное расслабление"), то вся система

"Ева-Адам-Люцифер-творение" стремительно покатилась к чёртовой бабушке. Это ведь

была целостная система, как и всё вообще _в_ _т_о_м_ мире. "Страдает ли один

орган, с ним страдают все органы". Да и вообще - все мы единое тело Христово, и

потому _н_е__с_м_е_е_м_ противопоставлять себя другим. Когда расслабился Адам,

это тут же сказалось на Еве. Расслабилась Ева - и "схавала" плод. И пошлО, и

пошлО. . . Вот он, корень зла. Вот куда уходит своими корнями проблема

_м_и_р_о_в_о_г_о_ _б_а_б_с_т_в_а_: в наш, _м_у_-ж_с_к_о_й_ _э_г_о_и_з_м_. С

него-то всё и началось. Вот в чём провинились мы, мужики, перед женщинами, перед

человеческой историей, перед Богом, и перед творением в целом, так как "каждая

тварь покорилась суете не добровольно".

Ведь очевидно, что если в мире всё иерархично, то должна быть и самая

крайняя,

самая глубинная причина _б_а_б_с_т_в_а_ - как женского, так и

общечеловеческого. Так вот, повторяю: она - в мужском эгоизме. В нашем

стремлении к почиванию, к духовной расслабленности. Ибо дальше, за мужчиной,

идёт только Бог, а искать первопричину в Нём было бы уже сатанизмом. Впрочем, в

этом последнем меня всё равно не преминут обвинить. . . Вон, позавчера пришло

письмо: "чрез вас лукавый вещает не окрепшим умам, под соусом повести".

В своё время, когда я "допетрил" до этой "концепции мужского эгоизма", то

почувствовал вдруг, как что-то внутри меня перевернулось. Будто бы щёлкнул некий

выключатель. Я стал смотреть на мир совершенно другими глазами. Зрение стало

каким-то другим - стереоскопическим, что ли. . . И многие проблемы, о которых

часто говорят женщины, и которые ранее воспринимал совершенно абстрактно, вдруг

представились в новом свете. Ваш Кот стал гораздо лучше понимать женщин. Даже и

общение с ними изменилось. Но самое интересное - вот уж никак не ожидал! - что

сами женщины тоже учуяли эти изменения. На меня стали смотреть другими глазами.

И не один раз даже довелось мне услышать фразу: "Ты понимаешь меня лучше, чем самая близкая подруга". Почему-то раньше таких вещей мне никогда не говорили. .

. Но вернёмся всё же к Адаму.

Конечно, нельзя утверждать, что уже в раю Адамом обуревал классический мужской эгоизм в современном его виде, - вовсе нет. Этот последний обрёл законченные свои формы уже после грехопадения. То описываемое явление, которое имело место у Адама, было своего рода прото-эгоизмом, как бы его прообразом или зародышем. Выражаясь языком диалектики Гегеля - его пред-бытием. Эгоизм имел некое пред-бытие, он не возник из ничего. Это пред-бытие в результате грехопадения перешло, преобразовалось в бытие. То есть диалектика их взаимоотношения такова, что мужской эгоизм не есть адамов первообраз в "снятом виде" (гегелевское aufheben). Скажем так: если у Адама его "прото-эгоизм" был лишь искушением и развитие его шло классическим путём (по великолепному учению Нила Сорского - "прилог"-"сочетание"-"сложе-

ние"-"пленение"), то после
грехопадения он перешёл в другое качество и стал уже свойством, как бы
преобразовался в него, стал эгоизмом собственно. Обрёл, так сказать,
соответствующий ему "психический орган". Такова диалектика грехопадения - всё
то, что было просто преодолимым искушением, превращается отныне в свойство, как
бы онтологизируется. Теперь его просто так уже не победишь. . . Впрочем, для
начала нам самим следует в нём себе признаться, так сказать, отследить его в
себе.

Отсюда, от проблемы мужского эгоизма и райского его прообраза, кстати, было
бы небезынтересно выйти на новый виток понимания и чисто психологического
аспекта происшедшего грехопадения, и тех особенностей человеческой психики, где
духовное переходит в психологическое и наоборот. И даже - к новому, богословски
объяснённому пониманию мужского эгоизма. . . Отсюда можно было бы найти и
способ, как с ним бороться, или, на худой конец, просто его осознать. Да и

вообще - то, как стали отличаться те или иные человеческие свойства до и после

грехопадения - предмет отдельного, весьма интересного исследования. Там ведь всё

можно раскопать, в Ветхом Завете-то. Нужно просто заниматься этим, а не всецело

помышлять о спасении. Тем самым вновь повторяя адамову ошибку.

Полностью зациклившись на любимом деле, и забывая о своей подруге, мужчина

тем самым, как ни парадоксально, изменяет сам себе, становится духовно слабее.

Да, это очень просто - полностью сосредоточившись на любимом деле, никого вокруг

не замечать. А вот ты попробуй при этом не забывать и о Ней! Слабо?

Вот она, наша мужская сверхзадача. Вот что нужно нам выполнить. Вот что

некоторые из нас недопонимают. Это убого - зациклиться полностью только на своём

деле. Да, с тактической точки зрения это приятно, это греет душу - то, чего мы

достигли сейчас, или ощущение собственного могущества, что вообще можем мы

достигнуть. Мужчина начинает чувствовать себя вроде как победителем, ему, кроме

того, зачастую кажется, что тем самым он оказался лучше, чем Она. Но с точки
зрения стратегии это в корне порочно. Пытаясь быть "крутым", пренебрегая
женщиной в каждой спорной ситуации, мужчина идёт по пути наименьшего
сопротивления. Это слишком легко - каждый раз забывать обо всём, о близких и об
окружающем мире. Такая "узкая специализация", с точки зрения теории эвристики,
весьма неэффективна. Творческий, сильный и смелый человек - тот, кто идёт на
риск, умея отвлекаться от вещей глобальных, и переключаться на второстепенные. .
Каждый раз, пренебрегая женщиной, мужчина подвергает её искушениям. У женщины
возникает соблазн самой начать решать серьёзные проблемы. А отсюда недалеко и до
феминизма. Таким образом, мужчина постепенно формирует из своей подруги
самовольное и неуправляемое существо, по сути дела сам способствует превращению
её в вечно озлобленную стерву. Возникает порочный круг, когда мужчина всё более
и более перестаёт ощущать её женщиной, а оттого всё больше начинает ею

пренебрегать. А она тем временем всё более и более стервенеет.

Пренебрежение женщиной, недооценка великой её роли в развитии мироздания, в

конечном счёте ведёт нас к обабиванию и падению. Нет, не так: к падению и

последующему обабиванию. Что на самом деле и произошло. Мужики, учитесь ценить

женщин! Учитесь нормальных женщин искать! Их ведь на самом деле так мало. . .

Мужской

эгоизм есть разновидность _б_а_б_с_т_в_а_. Если мы сильнее женщин,

если нам на самом деле больше дано - то на нас лежит и большая ответственность

за превращение их в стерв. Если же такую ответственность мы не готовы нести - то

нефига и строить из себя героев. Нужно просто начать во всём их слушаться. . .

Тогда с нас и спроса никакого нет. Тот, кто сильнее - тот и отвечает.

Библия (а скорее - Вдохновивший её), тем своим умолчанием об Адаме вновь

поставила человеческий дух перед выбором; незаметно для человека ему вновь

подсунули новый "запретный плод". Ибо здесь

способом ответа на вопрос "влёгкую"
было пошлое обвинение во всём женщины. Человечество сожрало этот "плод
обвинения", "плод" переноса вины, даже его не заметив. А ведь это было почти
такое же грехопадение, но теперь в духе.
Вкушение запретного плода автоматически изменило сознание Евы и Адама - оно
приобрело черты вульгарного, тварного детерминизма. Когда причину переносят на
что-то другое; когда свою вину перекладывают на других. Нетрудно видеть, что и
классическое богословие, и христианское общественное сознание в целом сделало то
же самое, только духовно. Собственно, речь идёт об аналогичном грехопадении,
которое вновь совершило всё человечество в целом. Ведь как легко было заявить:
это всё Ева виновата, "в пополаме" со змеем. Тем самым мышление общества,
размышляющего о мире, о Боге, о рае и аде, оказалось ввергнуто в пучину
подобного же животного детерминизма. Наше сознание получило на тысячелетия
мощную инъекцию "слабости". Оно оказалось неспособно к важной роли объединяющего

звена - между духовностью и бытием.

Библия не стала давать готовых решений, она изящно умолчала о степени вины

Адама и Евы, но вновь предоставило нам свободу, то есть предложила человечеству

решить эту проблему самостоятельно, исходя из его, человеческой,

"испорченности". Ну человечество и решило. И лишний раз доказало своё

_б_а_б_с_т_в_о_. И само - вот умора! - этого так и не просекло. Тот, кто

обвиняет во всём баб, сам есть баба. А у неё, как вы знаете, с самоанализом и

самокритикой всегда были проблемы. . .

Мы станем мужчинами лишь тогда, когда сможем смело сказать: во всём виноваты

МЫ. Нам за всё и платить. А пока этого не сделано, человечество будет медленно,

но верно погружаться в пучину самого пошлого духовного _б_а_б_с_т_в_а_. Сейчас

это заметно уже невооружённым глазом. А ведь со временем духовное рискует стать

онтологическим. Каждое новое важное свойство стремится обрести свою органику. .

.

Копнув чуть-чуть поглубже, мы заметим, что (в

контексте, концептуально
связанном со всем, здесь описываемым) в Библии ещё раз встречается слово
"почивание". Один-единственный раз. Но оказалось его достаточно, чтобы очутились
мы все в глубокой ж**е. Это когда ученики Христа почили во время последней Его
молитвы. Парень конкретно попросил их пободрствовать немного - стало быть,
дело-то было важное. Во время молитвы Он плакал кровавыми слезами, и я думаю,
что это было не художественное преувеличение. И молился Он о том самом будущем
единстве своих последователей. А они задрыхли, позорные волки. . .
Но есть ещё почивание и третье. Библия снова о нём умалчивает. Она ждёт; она
предоставила нам самим свободу найти и определить: что это за почивание?
Угадайте, у кого оно?
И зададимся ещё одним вопросом: почему это человечьи мозги постоянно
перекладывали свою вину на других? Почему даже и не пытались реконструировать
всё, что было на самом деле? Почему просто принимали на веру то, что им внушали?

Почему эти мозги не проявили должной интеллектуальной смелости, должной мужской
силы? Уж не в силу ли их слабости, не в силу ли их _б_а_б_с_т_в_а_? Наши мозги,
наши. Мужские.
Между прочим, по аналогии с рассуждением об "эволюции мужского эгоизма", было
бы интересно проследить, например, как изменилась женская потребность в детях.
Ведь очевидно, что до грехопадения была она несколько другой? И очевидно также,
что, когда Ева совершает свой грех, то ведь _к_а_к__б_ы_ бессознательно
стремится она приблизить то положение вещей, когда у неё появятся детишки, когда
станет она госпожой. . . Не то, чтобы она так уж к этому осознанно стремилась,
но в её переговорах со змеем, в нарушении запрета на вкушение плода, этот момент
где-то на глубине души, безусловно, присутствовал - в виде, например, смутного
предчувствия грядущих, весьма выгодных для неё перемен. Женщины, вообще-то,
существа очень сложные. . .
Кроме того, нельзя не отметить и ещё одного момента в грехопадении Евы -

разумею здесь "общение" её со змеем. Нет, не так, иначе. То, почему Ева вступила
в это общение, какая смутная сила её подталкивала. Выше было уже указано, что
Адам в определённом смысле пренебрёг Евою, как бы зациклившись на решении задач,
показавшихся ему более важными - своё вселенское предназначение, бого-общение,
творчество, и всё такое. . . О Еве он практически позабыл. Натурально, Ева при
этом почувствовала себя несколько обделённой мужским вниманием - то есть
вниманием единственного мужчины, который имелся на тот момент:) Полагаю,
читатель догадывается уже, к чему я клоню.
Ева ревновала Адама к Богу. Разумеется, это была не наша ревность, которая
уже онтологически отягощена - как всей метафизикой грехопадения перволюдей, так
и развитием человеческой индивидуации всех последующих поколений. Или, выражаясь
проще, историческим развитием греха. Это была не ревность в узком смысле слова,
но нечто наподобие "пред-ревности", некоторое смутное недовольство, идущее не на
уровне явной эмоции, но, скорее, в глубине,

исподволь, как некое искушение.

Итак, Ева смутно чуяла, что если она со своим мужиком тяпнет запретного плода,

то впоследствии в их жизни что-то изменится таким образом, что внимание Адама

будет полностью принадлежать ей. Да и сам он тоже. По крайней мере, момент

таковых "пред-ощущений" в грехопадении Евы также имел место. Впрочем,

классическое богословие этим тоже не занимается.

Согрешая, Ева "уводила" Адама у Бога, отвлекала от его призвания, от высшего

его предназначения. Стоит ли говорить, что продолжает она делать это и сейчас?

Третья глава Книги Бытия в синодальном русском переводе начинается с фразы:

"Змей был хитрее всех зверей полевых" (Быт. 3,1). Однако, если мы взглянем на

церковно-славянский текст, то обнаружим там нечто иное: "Змий же бе мудрейший

всех зверей сущих на земли". И в оригинальном древнегреческом тексте, с которого

это переводилось, читаем: "O de ofis en fronimotatos panton", то есть тоже

"мудрейший из всех". В общем, дальше идёт

длинная история, как Кот Бегемот,

проклиная всё на свете, пытался понять, что же было в древне-еврейском

оригинале. Бедняга, что называется "в поте морды" прорыл всю свою библиотеку,

перекопал всех толкователей. . . И, прикиньте, нашёл (у Д. Щедровицкого).

Выяснилось, что в иврите к слову "змей" ("нахаш" - "шипящий") присовокуплено

прилагательное "арум", то есть одновременно "мудрый", "рассудительный", а также

и - "нагой". И, одновременно - оно восходит к глаголу "арам", который означает

"проницать" и "быть проницательным". Именно это слово применяется к Адаму и его

жене в раю, когда они были наги, "и не стыдились" (Быт. 2, 25). Были наги - то

есть, открыты для Бога. "Контаминация этих двух слов корня "арам" указывает на

мудрость первых людей, делавшую их полностью открытыми воздействию Божьему" (Д.

Щедровицкий, "Введение в ВЗ", М., Теревинф, 2001, стр. 58). То есть - и

перволюди, и змей были проницаемы Божьей благодатью. Допустимо ли это для

заведомо падшего змея? И какого чёрта в нашей

русской Библии стоит слово
"хитрый?" Да ведь это, почитай то же самое, что и "хитро*опый", и к "мудрейшему"
вообще никакого отношения не имеет! Ничего себе, опечаточка! Спрашивается:
откуда это она взялась?
А вот откуда: христиане, в своём _б_а_б_с_к_о_м_ пафосе самооправдания, не
сумели построить корректное богословие, которое призывало бы их к чему-то
высокому, ставило перед ними настоящие, обще-человеческие, космические цели.
Христианские богословы выполняли типа социальный заказ. Они тоже были люди, жили
среди людей с множеством немощей и предрассудков, - и большинство этих
предрассудков и немощей были по форме и содержанию типично бабскими. А потому и
начали наши "Отцы Церкви" под свои жалкие, немощные, непоследовательные
толкования, под свои жизненные "базовые инстинкты" подгонять даже и самый
перевод.
Но ведь наше понимание нас самих, нашей сущности, нашего происхождения сидит
в нас на уровне архетипа. Почитайте-ка, что

пишет по поводу важности архетипов

Юнг! И вот получается, что человечество уже привыкло к извращённому

представлению о самом себе. Эти представления о "вторичности" собственной

"первовины", о собственной "хорошести" вошли в нашу плоть и кровь. Другими

словами, незаметно для нас в кровь нашу и плоть вошло _б_а_б_с_т_в_о_. . .

Всё человечество, построив изначально неверную, извращённую картину мира,

тем самым не смогло понять и самого главного: самого себя, своего места в этой

картине, а стало быть - и своих задач, и главнейших своих функций. Тем самым

оказалось оно не в состоянии начать достраивать то здание, которое начал его

Творец. Изначальный замысел так никто не оценил и не понял; напротив, заявили,

что всё, созданное Богом, должно потом "сгореть". И даже чуть ли изначально ни

предназначено к этому. И, как крысы, бегущие с тонущего корабля, все начали

думать только о собственном "спасении". На самом деле, если копнуть поглубже, то

нетрудно видеть, что первичным импульсом

всего этого была вещь на самом деле

тривиальнейшая - малодушный страх смерти, желание её избегнуть и типа спастись.

Это они - слабость и страх - породили убогое, немощное, самооправдательное

богословие. Это они спровоцировали всевозможные подтасовки и обманы. На которых

любое здание - как построенное на песке.

Вернее, строить что-то начали, но нечто совершенно другое, Богом не

"предусмотренное". Любое строительство, замешанное на этом (интеллектуальном,

духовном и потребительском) _б_а_б_с_т_в_е_, которое называется ещё "современная

цивилизация", по сути ничем не отличающейся от мега-империй прошлого, неизбежно

окажется одной из Вавилонских башен. А башни эти всё рушатся, рушатся, рушатся.

. . Цивилизация _б_а_б_с_т_в_а_ сама загоняет себя в тупик. И если общий капец

произойдёт, то и связан он будет в первую очередь с нашим _б_а_б_с_т_в_о_м_,

нашей подчинённостью как женщине в частности, так и женским ценностям в целом. И

нашей собственной, бабской, духовной и интеллектуальной трусостью и слабостью.

Почему-то вспоминается Булгаковский Воланд: "трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок". Ну так вот: слабость и трусость толкают нас не только под каблук женщины. И не только делают из нас жалких и самодовольных потребителей.

Трусость и слабость мужчин определяют общее направление всего мирового развития.

Они приуготовляют всеобщий финал.

Христианство никогда не было целостной религией. Оно всегда "сидело на двух стульях", одновременно пытаясь оправдать, благословить как повседневную мирскую жизнь с её тихими бытовыми радостями, так и полный отказ от мира (монашество). И когда Розанов пишет, что в историческом христианстве господствует монашество, уход от мира, смерть, то на самом деле он не вполне прав. Христианство вечно разрывалось между монастырём и миром. В первом случае ударялось оно в бесплодный аскетизм; во втором - в безысходное бабство. Христианство не смогло объединить всё это в красивую, целостную систему, не смог-

ло оно и само стать таким единым
целым, духовной сердцевиною человечества - и в результате человечество не
сформировалось как единое христианское целое, и в этом направлении никогда не
развивалось. Ибо христианство, не будучи единым, не оказалось тою "точкой
роста", вокруг которой и начинается всякое развитие. Атомизировалось оно само -
и в результате оказалось разобщённым всё человечество.

Традиционное богословие куда немощнее, куда ничтожнее и слабее, чем можно
предположить. Оно не умеет отвечать на самые элементарные вопросы (стало быть, и
запросы тоже). Вот мы сейчас с вами вместе решим одну проблемку, а потом
посмотрим, как решается она у Святых Отцов Церкви (а равно и прочих всяких
христианских исследователей).

Ева, как вы знаете, была создана из Адамова ребра. Это означает, что и у
Адама, и у Евы был идентичный генотип - примерно такой же, как у однояйцевых
близнецов. То есть генетически они были даже ближе друг другу, чем брат и

сестра. Еву чуть ли не "клонировали" из Адама. Иначе какого хрена Библия
подчёркивает этот момент - про адамово ребро? Могла бы и промолчать. В Библии
вообще предельная концентрация смысла, там важна каждая запятая. Следовательно,
когда наши "умники" совокупились (после изгнания из рая), то тем самым совершили
типичный инцест. Который, к слову сказать, и завершил, довершил, закрепил ихнее
грехопадение, чтобы в Эдем гарантированно не могли вернуться достойные отпрыски
этих грязных извращенцев (разумеется, пока они не станут клонировать друг
дружку, да в наглую голышом ходить, типа сбрасывая "тяжкое наследие":) Ведь всё
это вроде бы очевидно?

И обещание Божие Еве, что "в болезни будешь рожать детей" (Быт., 3, 16) -
является наказанием за этот первый инцест, за неверный, "животный" способ
зачатия. И, одновременно - косвенным доказательством, что возможен и иной тип
размножения.

Однако историческое богословие не может справиться даже с такой элементарной

задачей, и честно продолжает считать, что первый инцест на Земле совершили
только дети Адама и Евы. . . Точно так же впритык не желает оно замечать, каким
способом должны были непорочно рождаться у них дети (то есть без секса), хотя
ответ должен был родиться в любой нормальной голове, знакомой с Евангелием. Не
может оно путно объяснить и смысла элементарнейшей притчи о неверном управителе
- важнейшей "программы" земного существования как самого христианства, так и
всего человечества, и многое, многое другое. .
Погнали дальше. Классическое богословие так и не создало самой главной своей
части - учения о человеческой личности. А то, что считают в богословии такой
концепцией - на самом деле, хилая, лишённая ядра, искусственная компиляция из
нескольких отрывочных, и даже не до конца сформулированных положений. В. Лосский
пишет: "Я же лично должен признаться в том, что до сих пор не встречал в
святоотеческом богословии того, что можно было бы назвать разработанным учением
о личности человеческой, тогда как учение о

Лицах или Ипостасях Божественных

изложено чрезвычайно чётко (сб. "По образу и подобию", ИСВБ, 1995, стр. 106). А

как можно жить и творить (и, кстати, спасаться), не зная, _ч_т_о_ живёт, и

_ч_т_о_ спасается? Ведь очевидно, что без целостного учения о личности вся

сотериология мигом разваливается на сотни мелких запретов и ветхих

законоположений. И вот, вернулись мы к закону, к пище мягкой, но все трусливо

делают вид, что этого не произошло. Христианство начинает двигаться вспять.

И вообще: не имея нормального богословского фундамента, на что тогда

приходится "нанизывать" все последующие рациональные познания? На магию и

язычество? За этим дело не станет. . . Между прочим, ещё в Эдеме Бог для того и

приводит к Адаму зверей, чтобы "видеть, как он назовёт их (Быт., 2, 19) - в

первую очередь для того, чтобы Адам не стал в своей "чистой духовности"

настоящим фанатиком.

Однако христианство, отрицая опыт иудаизма, "вместе с водой выплеснуло и

ребёнка", ударившись в эту самую "чистую духовность". Результат сказывается

налицо уже веку к 10, когда научные познания двинулись в сторону сначала магии,

а затем - к "голой", фрондирующей рациональности. На Западе богословие, начав с

бесплодной схоластики, перешло к не менее бесплодному жонглированию понятиями в

современных философских системах, а от них - к обоснованию идеи гедонизма и

посильного, удобного благотворения; на христианском Востоке - полностью

выродилось в обоснование идеи "спасения". А ведь кажется, как просто и сейчас

создать богословское учение о личности, имея вторую топику Фрейда. Просто

поставить страх смерти вместо сексуальности, и всё. . .

В основе всех психических функций человека лежит в первую очередь страх

смерти. Что же до всяких там либидинозных проявлений, то они являются

производными от этого страха, они занимают только следующий "психический этаж".

И это так хотя бы потому, что именно размножение преодолевает "чин смерти"

данного вида. Кстати: многие парочки, присутствовавшие в прошлые века при
смертной казни, испытывали потом непреодолимое желание заняться сексом. Даже
нумера арендовали с видом на площадь с виселицей - комнаты с кроватью,
разумеется. Угадайте, почему?

Так вот, от этого страха перед смертью легко перейти к душе, к духу, к
сознанию; к их связям между собой. И при этом взгляде на предмет выяснится очень
много нового и интересного.

Всё это позволило бы нам понять и заново переосмыслить также и особенности
человеческой психики. А так у нас у всех - каша в голове. Правильно понятое
христианство вообще все науки расставило бы по своим местам. А заодно, кстати, и
западный психоанализ, где всё поставлено с ног на голову. Например - не
существует "комплекса кастрации". Мужчина и женщина - "половинки" единого
творческого целого. И каждая, в отрыве от другой, ощущает себя как неполную,
незаконченную, несовершенную, на что-то важное не способную. Натурально, когда

суть человеческой психики низводится до размножения, а все его духовные

проявления - к вытесненной сексуальности, то и нормальная нехватка "половинки"

интерпретируется как "кастрация". А потом, после такого провозглашения, и

воспринимается именно так. Сводить творческий полёт человека до сублимации

либидо, а человеческий дух - до символического фаллоса. . . Вот сижу и думаю:

какие бы ещё написать "99 признаков", чтобы эти идеи туда засунуть?

К слову сказать, В. Лосский был неправ, законченного учения о Лицах Троицы

тоже как такового нет. Ибо взаимодействие Ипостасей Троицы между собою и с

тварным миром рассматриваются в статике, но не в динамике, не в развитии. А

ежели нет генезиса, то что это будет за учение? Наши богословы не озаботились

даже такой "мелочью", как вопрос о том, каковы были "функции" каждой Ипостаси

Троицы в процессе творения мира. А ведь всё лежит прямо-таки на поверхности, всё

видно невооружённым глазом: откуда и с Какой Ипостасью связан антропный принцип

строения Вселенной, Кто его реализовывал, и от Кого этот "реализатор" исходил,

"ношашеся верху воды", то есть, на самом деле - проницая собою стремительно

развивавшуюся первоматерию. И исходил, и "ношашеся" - и это всё одновременно, ну

неужели вы этого не видите?

А отсюда куда как легко понять, что и не о воде вовсе повествует древний

автор, но о неструктурированной ещё материи. . . И названа она "водою", ибо,

подобно тому как вода не имеет формы, так и наша первоматерия не имела ещё

чёткого деления на базовые и прочие всякие элементы. И вообще речь идёт не о

творении земли и воды собственно, но о самых первых моментах, о начальном этапе

существования Вселенной. Нетрудно понять и то, что структурируется первоматерия

во вполне понятном направлении - как грамотно пишет А.К. Толстой, "лучи любви

кругом лия, к Нему вернуться жаждет снова". Здесь внутренние потребности

энергии, материи, зов Духа и самостоятельный эволюционный процесс сливаются

воедино. Ещё сливаются. . . Вот уже где начина-

ется разрыв между наукой и
богословием, хотя на самом-то деле его и нет. . .
И, далее, нетрудно видеть, что создаёт Бог вовсе "не небо и землю", в прямом
смысле слова, но _и_н_о_е_ по отношению к Самому Себе. То Он был один - а теперь
уже есть _и_н_о_е_. То, что было Одно, было Единое, теперь как бы раздвоилось на
Бога и _и_н_о_е_, и тут же начало мучиться, и самое мучение это и стало "точкой
роста" всего мироздания в целом. А в нём, опять же, возникла своя "выделенная
точка" - человек, и "мучение" от этой "разорванности" всё передалось ему,
сконцентрировалось в нём.
Итак, возникло иное, "земля", благодаря которой именуется Бог теперь "небом".
Теперь именуется. Нет, не так. "Небом" именуется, становится та "виртуальная
область", _г_д_е_ Бог. Иное-земля как бы в благодарность, как бы в ответ
порождает заново "Небо". Ибо Небо это теперь уже другое. Речь идёт не о названии
стихий, но о возникшем противопоставлении, с его внутренней, онтологической
мукой, с его ожиданием "откровения сынов

Божиих". Просто тогда не было ещё

Гегеля с его великолепным арсеналом, вот и пришлось говорить: "земля и небо". Но

кому нужно, тогда понимали. Теперь - нет.

Кстати: иное - то есть бабское. Вторичное всегда есть _б_а_б_а_, и оно это

ощущает, и мучительно, нетерпеливо жаждет занять место первого. Второе всегда

стремится вытеснить первого. "Мужик"-Бог создаёт себе "женщину", творение.

"Премудрость созда себе дом. . ." И вот, начинает наше творение стремиться

по-бабски доминировать и над Творцом - грехопадение, распятие, и всё такое. . .

Ибо на взгляд _в_т_о_р_о_г_о_, _б_а_б_ы, существует лишь физическое, но не

метафизическое. _Б_а_б_с_т_в_о_- _е_с_т_ь_ _о_щ_у_щ_е_н_и_е_ _с_е_б_я_ _ф_и_з_и_ч_е_с_к_и_м_ _ц_е_н_т_р_о_м_ _м_и_р_а_. Для бабы не существуют иные

ценности, более высокого порядка. Для бабы мир лишь грубо физичен. И развиваться

он может одним только размножением, для которого следует приискать подходящего

самца. А другого бабства на свете и нет. . .

Но на самом деле всё наоборот. Духовный план

развития радикально отличается
от развития для нас очевидного, физического. Первичен не эволюционный процесс с
его вульгарным размножением. Первичен Бог с Его творческим Духом. Первичен и
созданный по образу и подобию мужчина с его делом - которое может, а значит и
должно продолжить процесс сотворения мира. Бердяев прав, говоря что творчество -
продолжение творения. Процесс ещё не закончен, ибо зачем тогда Бог приводил к
Адаму зверей? Мужчина никогда не должен забывать, ради чего он существует - во
имя этого смелого творческого полёта, во имя своего дела. И для того, чтобы
продлить это дело, чтобы продлить в нём смертного себя, мужчина заводит себе
ребёнка. А для физического рождения его находит себе помощницу, женщину, которая
реализует этот процесс. Почему женщины и не фигурируют в тех главах. . .
Женщина _п_о_м_о_г_а_е_т_ мужчине не только в его деле, но и в возможности
его продлить. Впрочем, и в деле самОм тоже помогает: "Тот, кто называл себя
мастером, работал, а она, запустив в волосы

тонкие с остро отточенными ногтями
пальцы, перечитывала написанное. . . Она сулила славу, она подгоняла его, и вот
тут-то стала называть мастером" (М.Булгаков, "Мастер и Маргарита"). Как видим,
некогда Адам (Мастер) именует Еву (Маргариту) "женой", тем самым подчиняя её и
себе, и своим ценностям, но Маргарита (Ева) потом, как бы в ответ, именует его
(Адама) "Мастером", тем самым придавая его работе некую весомость, как бы
возвращая его обратно в мир ценностей божественных, и вообще - увенчивая его
творчество, признавая его имеющим и духовную, и - одновременно - житейскую,
бытийную ценность. Вспомним и шапочку с буквой "М". Подобный головной убор (типа
кокарда у военных), если не ошибаюсь, есть признак принадлежности чему-то
высшему себя. И венчает им Мастера именно Маргарита, то есть Ева. Подлинная
любовь женщины восстанавливает утраченный статус мужского творчества, а это
последнее - что очень хорошо показано в булгаковском романе - утраченный статус
мировой гармонии: "Кто-то отпускал на свобо-

ду мастера, как сам он только что
отпустил им созданного героя. . ."
Согласитесь, если бы булгаковский Мастер строчил свой сколь угодно гениальный
роман, сидя в подвале один-одинёшенек, то было бы в этом нечто неубедительное,
чуть ли даже несерьёзное? Даже в голливудских фильмах супер-героя сопровождает
красавица, хотя чаще всего без неё вполне можно было бы обойтись. Но только
_ч_т_о_ будут стоить тогда все его подвиги? Как видим, это глубоко
взаимосвязанные вещи - бытие мира, грехопадение, творчество, любовь. . .
Женщина _в_е_н_ч_а_е_т_ творчество мужчины. Она вдохновляет, переживая за
него. Она не даёт мужским мозгам засохнуть в сухих, безжизненных абстракциях.
Она возвращает нас к реальности. Через полчаса она уже придёт, и сразу получит
свой поцелуй, и, пока ей помогают раздеваться, и даже ещё с порога, будет
гундосить обиженным голосом: "Опять они ругали тебя на том христианском форуме.
Ведь они же не дочитали! Завтра я пойду и зарегистрируюсь, и всем им скажу, что

ничего они не понимают, и вообще все они дураки", - и, продолжая бурчать,

пошлёпает на кухню подъедать свой любимый мёд. . .

Теперь вернёмся вновь к проблеме единства в Евангелии. Мы знаем уже, что

самым первым своим чудом Иисус "намекнул" на новый тип взаимоотношений

"муж-жена". Этот "диполь" был элементарной клеточкой любого единства вообще, и,

одновременно, возврат к тому подлинно-продуктивному, творческому единству,

которое было между Адамом и Евой в Эдеме, и с которого всё и началось. С

разрушения этого единства между мужчиной и женщиной, между Богом и людьми, между

людьми и миром всего материального, началось наше грехопадение.

Иисус возвещает единство как необходимую предпосылку творческой деятельности

христиан. Ну конечно, вы всё это знаете. Но просто для полноты изложения

процитирую, как выглядит "главная задача", поставленная перед христианской

цивилизацией, по учению Максима Исповедника:

"Основное разделение, в котором коренится вся реальность тварного бытия, это
противопоставление Бога совокупности тварного мира, разделение на тварное и
нетварное.
Затем тварная природа разделяется на небесную и земную, на умозрительное и
чувственное. В мире чувственном небо отделяется от земли. На ее поверхности
выделен рай. Наконец, обитающий в раю человек разделяется на два пола: мужской и
женский.
Адам должен был превзойти эти разделения сознательным деланием, соединить в
себе всю совокупность тварного космоса и вместе с ним достигнуть обожения. . . .
Он должен был . . . соединить рай с остальным земным космосом: нося рай всегда в
себе, он превратил бы в рай всю землю. . . . Его дух и само его тело
восторжествовали бы над пространством, соединив всю совокупность чувственного
мира: землю с небесной ее твердью. На следующем этапе он должен был проникнуть в
небесный космос, жить жизнью ангелов, усвоить их разумение и соединить в себе

мир умозрительный с миром чувственным. И наконец, космический Адам, безвозвратно

отдав всего себя Богу, передал бы Ему все Его творение и получил бы от Него во

взаимности и любви - по благодати - все, чем Бог обладает по природе; так, в

преодолении первичного разделения на тварное и нетварное совершилось бы обожение

человека и через него - всего космоса" (подробнее об этом см. Migne, PG, v.

90-91).

Занятно, что дальнейшие рассуждения как самого Максима, так и всего

христианского мира примерно следующие: "всё это было, конечно, классно, но

теперь, раз пришёл Христос, мы, конечно, не будем заниматься "торжеством над

пространством", и вообще всем этим утомительным фуфлом, а станем жить

по-христиански, соблюдая все положенные обряды, чтобы спастись". Вообще, когда

занимаешься этой проблемой, то создаётся ощущение, что до пришествия Христа были

нормальные люди, ещё способные как-то думать и что-то решать; после Его

пришествия - те "ёжики", кто в это дело реально

"врубился", уже не могут отвести
от Иисуса своих глаз. Прямо как от наркотика. Ну обо всём забыли, прямо как в
своё время Адам. И я всё думаю: ну насмотрелись, насмотрелись уже. Может,
наконец, глаза-то отведут? Может, надумают чем-то реальным заняться? Ведь
столько дел накопилось. . .
Главная задача была поставлена перед Адамом; но ведь теперь она переходит к
нам. Пришествие Спасителя - лишь звено в этой единой цепи существования
Вселенной. И единство всех христиан в этаком "совокупном Адаме" было необходимо
хотя бы для того, чтобы понять всё это и реализовать. Ну хоть открыть книжонку
Максима Конфессора - и прочесть, и "почесать репу". . . Кстати, парень помер у
нас, на Кавказе. Руку ещё отрубили ему. . . Интересно: были ли в 7 веке
исламские террористы?
Похоже, человечество выполнит поставленную задачу - но без Христа, _в_н_е_
Его. Только вот почему-то Шарден не упомянул, что для реализации этой задачи
придётся ещё всех мертвецов воскресить - типа,

"и сама тварь освобождена будет
от рабства тлению в свободу славы детей Божиих". Иначе хрен объединишь все
небеса и, преодолев самое время, достигнешь актуальной вечности. Вот это-то и
будет последней Вавилонской башней - достижение "точки омега" Тейяра де Шардена,
где "небо скрылось, свившись как свиток". Пространство и время объединятся в
маленькую-премаленькую точку, а для тех вечных существ внутри неё это всё будет
выглядеть в точности как огромный и единый мир, а для нас - как воскресение и
объединение окончательное. А так как совершено оно будет нашими собственными
руками, без Бога и даже против Бога, то хучь она и точка, и ей внутри будет
хорошо, но для внешнего наблюдателя - самый что ни на есть Большой Взрыв. И
опять всё по-новой: рай, Ева, Каин с этой дебильной западной цивилизацией,
хитро*опый Восток. . . И даже Кот Бегемот со своими "99 признаками". . . Скучно
на этом свете, господа!

Возвращение той идеологии, где в центре стоит физическое развитие, физическое

размножение и физическое деторождение толкает мир обратно к кабану. Она ставит
всё с ног на голову. Мужчина оказывается потерян в этом мире бабских ценностей;
он утрачивает своё изначальное мужское "я"; он смутно чувствует лишь, что всё
обстоит как-то не так, что он призван к чему-то более высокому - но сиюминутные
житейские проблемы, но классическая мужская лень, но потребность в женском теле,
но общественная идеология не дают ему углубиться в себя настолько, чтобы это
осознать. И все вокруг говорят ему: хочешь иметь женщину - заработай на неё. Ты
прежде всего должен зарабатывать. И мужчина с присущей ему щедростью и смелостью
продаёт свою первичность, своё первородство, свою свободу, своё творческое
призвание и даже образ Божий за чечевичную похлёбку классического "гнездового
брака". А пробовал он найти. . .

Почему-то профессиональные богословы не торопились создавать концепции, где
обобщающий взгляд на мир, проблема мужского призвания и "бабский вопрос" были бы
увязаны в единое и универсальное целое. Нор-

мальному мужчине непонятно, почему и каким образом личные его проблемы с женщинами уходят на богословскую глубину. И точно также богословам непонятно, как связана их дисциплина с реальной наукой, с реальной жизнью, с реальным бабством. . . Почему-то все эти проблемы никогда не объединялись в одной человеческой голове.

А ведь именно две эти вещи - учение о личности и космология - и являются необходимым связующим звеном между богословием и рациональным знанием. Перекинь этот мостик - и "энергетика" богословия, внутренние силы христианской духовности потекут прямо в науку. А через неё - и во всё человечество вообще. И снова наше христианство вернёт себе статус "паровоза". И обратно, получит от рациональности ох как необходимую ему "заземлённость". Наука должна была оказаться "бабой" по отношению к духовности. Да нет, до этого не дойдёт. . . Вот и существует классическое богословие как в какой закупоренной бочке - а вместе с ним и самое христианство. И вообще - чем они там, в этой бочке, все занимаются? Членом груши

околачивают?

Б_а_б_с_т_в_о_ извратило и смысл церковного причастия. Нетрудно видеть, что

историческое церковное понимание причащения как "средства спасения" в корне

противоречит самому духу учения Христова. Иисус не призывал постоянно помышлять

о спасении и "работать" исключительно в этом направлении. Он призывал смело и

добросовестно реализовывать свои способности - достаточно вспомнить притчу о

закопанных талантах.

Более того. Он говорил (цитирую по более адекватному, церковно-славянскому,

переводу): "Иже аще взыщет душу свою спасти, погубит ю; и иже аще погубит ю,

живит ю" (Лк, 17, 33). В греческом оригинале идёт: "Ос эан дзетесе тен психен

перипойесесфай. . . " - можете удостовериться сами. Ведь прямо как чуял Иисус,

откуда угрожает основная опасность для сохранения единства христиан. Причастие и

спасение оказалось новым запретным плодом, который, не моргнув и глазом,

"слопало" христианство. Даже и не заметило. По крайней мере, нынешнее понимание

причастия окончательно развратило человечество и полностью отрезало ему
возможность вести хоть сколько-нибудь христианский образ жизни. Всё наше
восточное христианство по сути дела свелось к одному причащению.
Чтобы понять реальный смысл причастия, достаточно вспомнить, что Тайная
Вечеря, на которой и было впервые оно осуществлено, "служилась" для избранных
учеников Христа, которые _у_ж_е_ _в_з_я_л_и_ _с_в_о_й_ _к_р_е_с_т_ и пошли
вослед за Ним. Обратите внимание, что сталось с теми, кто в ту ночь причащался
со Христом: все до единого приняли мученическую кончину (апостола Иоанна
закопали живьём). И слова о необходимости причастия Иисус адресовал им и именно
им, этим двенадцати. Для них, идущих на верную смерть, причастие имело вид
клятвы воина, получения партбилета перед боем, и даже того, что ныне разумеют
под словом "подписка". Правомерно ли применять эти слова к простому
самодовольному обывателю?
"Также и чашу после вечери, говоря: Сия чаша

есть Новый Завет в Моей крови"

(Лк. 22, 20). Ну конечно, не взявши свой крест, не возлюбив Бога и своего

ближнего - невозможно было спастись. А ещё не отказавшись от своего имущества:

"Удобнее верблюду пройти через игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие

Божие (Лк. 18, 25), не отвергнувшись от себя (Лк. 9, 23). Более того: Христос не

позволил пошедшему за Ним даже похоронить своего отца, даже попрощаться с

домашними! (Лк. 10, 59-60). Именно таковым и было уготовано Царствие Божие.

Итак: причащались со Христом те, кто уже взял свой крест, кто отказался от

имущества, от постоянного пристанища. Они причащаются потому, что отказались от

всего - кроме, разумеется, Самого Христа. И причастие как бы "закрепляло" этот

отказ. Причащаясь тогда, на Вечере, со Христом, последователь давал своего рода

"подписку об отказе" от себя и мира. А уже потом, в результате соответствующего

образа жизни, он попадал в Царствие Божие. Но уж никак не в результате самого

причастия как такового! В сокращённом виде

эта схема выглядела так: "причастие

-> крест (то есть некая деятельность) -> спасение".

Скажу более: из притчи о добром самарянине (Лк. 10, 30 - 35) вытекает, что

само по себе исполнение долга любви к ближнему важнее, чем любые ритуалы, так

как "человек выше субботы". А это значит, любовь выше причастия. На это возразят

фразой Христа: "Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его,

то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь

вечную (Ин. 53 - 54). Ну разумеется! Поскольку человек _у_ж_е_ _в_з_я_л_ крест и

пошёл _з_а_ _Х_р_и_с_т_о_м_. Но ведь это касается тех, кто уже крест взял, кто

уже пошёл! А если взял и не пошёл - то имеет ли он право быть приглашенным на

вечерю Агнца?

Здесь было бы уместно привести одну евангельскую притчу: "У одного человека

было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: "сын! Пойди сегодня работай в

винограднике моём". Но он сказал в ответ: "не хочу"; а после, раскаявшись,

пошёл. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: "иду,

государь"; и не пошёл. Который из двух выполнил волю отца?" (Мф., 21, 25 - 31).

Если человек объявляет себя христианином, но ничего христианского при этом не

делает - то выполняет ли он волю Бога? Далее Иисус продолжает: "Ядущий мою Плоть

и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём (Ин. 56). Вот человек исполняет

заповеди - и, натурально, пребывает во Христе. А если он при этом не

причащается? Да ведь всё равно пребывает! Ибо, когда ученики рассказали Христу о

некоем человеке, который совершает _ч_у_д_е_с_а_ именем Христа, "а с ними не

ходит", то Иисус, напротив, не позволил ученикам запрещать это (Лк. 10, 50). При

этом Христос вовсе не стал говорить: так, срочно тащите парня ко мне, надо его

причастить, выяснить, как у него там с "filioque", а то духовность его от

дьявола, да и вообще без трапезы на Вечере чувак не спасётся. . . И о том, что

причастие само по себе преодолевает "чин" нашего "падшего естества" Христос

нигде ни разу не упоминал. А вот про необходимость относиться к другим

соответствующим образом - говорил неоднократно.

Кроме того, возникает ещё один резонный вопрос: а как же причащались

отшельники в пустыне? Как решали эту проблему невидимые людям духовные

светильники, подвиг которых протекал в уединенных пещерах, лесах? Почему-то нас

заверяют: их, мол, причащали ангелы. А всех остальных, очевидно, нет. Ну что за

произвол? И кто знает это наверняка? Толпы глупых бабок? Реакционные попы?

Итак, в сокращённом виде эта схема выглядела так: "причастие - крест -

Царствие Божие". Ну или "крест - причастие - Царствие Божие", что ровным счётом

то же самое. Однако со временем эта схема упростилась, как говаривал шолоховский

дед Щукарь, "до невозможностев". Нам говорят, что причащаться нужно

_о_б_я_з_а_т_е_л_ь_н_о_. А вот брать на себя какие-либо подвиги - всего лишь

_ж_е_л_а_т_е_л_ь_н_о_. То есть из единой, целостной "схемы" благополучно

выкинули среднее звено. В результате мы имеем: "причастие -> Царствие". Просто и
удобно.

Это _б_а_б_с_к_о_м_у_ человечеству было удобно забыть о всяких крестных
подвигах, и оставить причастие как успокаивающий душу регулярный обряд.

Возможно, кстати, причащаться нужно было вообще один раз в жизни - ведь Христос
устроил только одну Тайную Вечерю, а не "служил" её каждую субботу, хотя вроде
бы, все возможности для этого имелись. А может, разумел Он и какой-то другой ещё
смысл, неведомый автору, пишущему, вообще-то, о бабстве. . .

Но во всяком случае, вряд ли "рисовал" Он ту картину, когда в храм приходят
как в лавку, выменивая причастие на формальное перечисление грехов под
епитрахилью, а потом, умиротворённые, самодовольные и самоуспокоенные, топают
домой, чтобы жить себе-поживать, да добра наживать. Да ещё и физиономию делают
при этом смиренную и одухотворённую. Ещё и посмеются над теми, кто не
причащается, и не делает такой физиономии!

А теперь вопрос на засыпку: кто у нас
более всего любит самоуспокоение? Кто готов на всё, чтобы ощущать себя хорошим?

Вы догадались правильно. И без меня. Ну вы даёте!

Вообще-то текст наш о бабах и бабстве, и я хотел лишь бегло показать ту
глубину, на которую простирается проблема. Так вот, давайте вернёмся обратно к
Еве - с ней ещё не кончено. Натурально, всякий клон (для простоты назовём его
"младшим") смутно чувствует собственную вторичность, то есть _к_а_к_ _б_ы_
ущербность, а следовательно постоянно должен пытаться доказать всем (и в первую
очередь самому себе), что он вполне полноценный субъект. Однако любому
"младшему", чтобы ощутить себя наравне со "старшим", нужно доказать, что первый
не просто равен второму, но даже его и превосходит. По мнению Гоголя,
провинциальные русские дворянки всем своим обликом хотели показать, что это даже
не Париж, но выше Парижа. Иными словами, чтобы чувствовать себя нормальным,
нашему "экземпляру" непременно нужно пре-

взойти "оригинал", не иначе. Достигаются подобные цели, как правило, самыми простыми, внешними средствами - других чаще всего и нет.

С этим ничего не поделаешь - таков уж функциональный "расклад" в нашем мире.

Старшинство, первородство, даётся всегда даром, собственно, оно и есть дар (чаще всего - Божий). А вот с "младшестью" всё не так просто. Ей следует либо сознавать свою "вторичность", принять её, и, покорившись судьбе, найти свою уникальную "нишу", своё место в мире, став незаменимым помощником и функциональным дополнением для "старшего". В этом случае на место "старшего" младший не претендует, и постепенно они становятся одно целое.

"Младший" может, кроме того, попробовать занять законное место "старшего", вытеснить его, и возможно, даже уничтожить. А можно и полностью сосредоточиться на доказательстве того, что "младший" - не только не хуже старшего, но и даже его и превосходит. В идеале следует даже подчинить "старшего" себе, превратив

его, таким образом, в "младшего". Последнее - как раз и есть "универсальная
схематика грехопадения" в нашем мире.

Кроме того, если "младшему" не удаётся достичь результата в целом, то можно
пытаться "взять реванш" и по мелочам. . . А можно - и физическим подчинением,
навязыванием своей системы ценностей, регулярным унижением "оригинала", и так
далее, и тому подобное. В главе "Философия бабства" будет более подробно
показано, что, например, само стремление найти "необыкновенного" мужчину, как ни
странно, также свидетельствует о некоей "онтологической ущербности" женщины
(обратите внимание: не влюбиться, и потому считать необыкновенным свой
"предмет", но искать именно "необыкновенность", чтобы потом типа влюбиться).

Постоянно ощущая некую внутреннюю "слабинку", наши дамы пытаются компенсировать
её завышенными ожиданиями, завышенными претензиями, завышенными требованиями. .
.

Но вернёмся на мгновение к тому самому библейскому ребру. Оно ведь является

частью тела, не правда ли? Библия же не говорит о целом организме, она не говорит о "голове Адама", но именно о ребре. Ну что стоило Богу взять исходный материал и "вылепить" Еву, так сказать, целиком? Так вот: упрямый факт "изготовления" нашей "клонихи" из части "оригинала" ведёт к тому, что это предопределяет самые онтологические её свойства. Это накладывает специфический отпечаток на самое её мировосприятие. Мышление Евы становится теперь как бы частичным, фрагментированным: оно не умеет охватывать проблему в целом, любит фиксироваться на всевозможных несущественных мелочах, делает из мухи слона, заморачивается по пустякам. . . Это неизбежная особенность существа, "изготовленного" из части целого, существа вторичного и потому слабого.

Догадались уже, к чему я клоню?

Однако давайте про себя отметим, как красиво всё это сделано, как изящно устроен наш мир: "старший" занимается целым, глобальными проблемами, на мелочи ему размениваться лень. Достаточно произве-

сти из него "младшего", используя как
бы частицу - как "старший" обретает незаменимого помощника, обладающего
уникальным, обострённым восприятием частностей и мелочей. Тем самым
необходимость заморачиваться по пустякам со "старшего" полностью снимается, его
ресурсы освобождаются для самого высокого полёта. Мужчинам сам Бог велел быть
творческими существами.

Да, Ева ужас как мелочна. Но тем самым она спасает Адама от излишней, мужской
его увлеченности "глобальными проблемами мироздания". Когда видишь картину мира
в целом, когда слишком зацикливаешься на ней, то частенько начинаешь
пренебрегать важными деталями. Настолько важными, что можешь вообще оторваться
от "почвы", то есть удариться в безжизненно-сухие, неживые абстракции. Да и
сам-то рискуешь стать этаким сухарём. В конечном счёте всё это ведёт и к
вырождению личности "старшего". Вот вам конкретный, практический вывод, зачем
была нужна Адаму Ева: чтобы не засох он, не зачерствел в своих глобальных

проблемах, в своих мужских абстракциях. Чтобы не утратил некоторой здоровой,

живительной и жизненной связи с "почвой", с землёй. Ибо в этом случае его

ожидает духовное вырождение.

Ева должна была слегка, в необходимой лишь степени, "заземлять" Адама,

оживлять его духовную жизнь - слишком духовную. Собственно, на древнееврейском

Ева ("Хава") и означает "живящая". А потому в Библии фигурирует именно ребро -

оно прикрывает жизненно важные органы.

Ева нужна была, чтобы парень не расслаблялся. Щука в реке для того, чтобы

карась не дремал. Опять же - почему, собственно, перволюдям не быть созданы по

тому же самому принципу, что и всё живое? И как иначе смогли бы они выполнить

поставленную задачу - связать (духовно и эволюционно) мир ангельский, духовный,

и плотской? Опять же - пришлось реализовать и всё необходимое для возможного

грехопадения - дабы была свобода и в эту сторону.

Женщина, с её приземлённостью и мелочностью, бывает духовно необходима

мужчине. И гармония между ними была лишь в Эдеме - там вообще не было никаких
проблем, а стало быть, и проблема "вторичности" Евы не стояла для неё
радикально. Но потом всё изменилось. Всё стало плохо - меньше комфорта, меньше
жратвы. . . Самый стиль жизни ведь изменился. Опять же: родился ребёнок - этот,
как его. . . грёбанный Каин, который впоследствии "замочил" собственного братца
- причём конкретно-сортирно, "на глушняк". Короче, все проблемы полезли наружу,
нашей "сладкой парочке" пришлось всё это разгребать. . . Ну и потому (а может, и
вследствие этого), уже после грехопадения, Ева явственно ощутила, что она -
всего лишь "клон" и начала всячески самоутверждаться. История учит, что со
временем ей удаётся это всё лучше и лучше. . . В конце этой работы будет немного
рассказано, как возможно этому процессу противостоять.

Натурально, вы считаете бредом все эти байки про Адама, Еву, про грехопадение
и ребро. Тем не менее, признайтесь себе, что этот (пусть литературный) образ

ребра более всего объясняет традиционный бабский характер. Произойди из ребра

Адам, как-то оно всё не очень бы состыковывалось. В конце-концов, нас интересует

психика женщины, конструктивные с нею отношения. В конце-концов, какая разница,

в каких образах всё это интерпретировать? Главное, чтобы всё было понятно.

Главное, чтобы оно "работало". Если угодно, то можно понимать первые главы

Библии как удобную метафору, как некую идеальную модель, от которой следует

отталкиваться - от такого восприятия не меняется ровным счётом ничего.

Кстати, Бог, изгоняя из рая Адама и Еву, говорит этой последней, что Адам

"будет господствовать над тобою" (Быт. 3, 16). Специально ведь наставлял-то! И

не Адама, но Еву! Ведь чуял, чем единственно можно противостоять

_б_а_б_с_т_в_у_. Чуял, чем дело кончится! Этим своим напутствием, Бог, очевидно,

устанавливает иную модель взаимоотношений в "новых исторических условиях".

Мироздание вообще так устроено, что "младший", по-видимости выполняя

вторичные функции, ограничивается ролью помощника, на самом деле является

незаменимым _д_о_п_о_л_н_е_н_и_е_м_ для "старшего". И в этом смысле для

"старшего" "младший" - как ни странно, ровня, они полностью равночестны. Не

следует воспринимать нашего "помощника" как существо второго сорта, стоящее на

более низкой иерархической ступени. "Старший" и "младший" - суть одно. Они

достойны друг друга. Онтологически среди них нет ни "главного", ни

"второстепенного". Это лишь функционально один из них первый, а другой - второй.

Ребята, я хочу донести до вас одну важную мысль. Это лишь на первый взгляд

существуют "старший" и "младший". Первый вовсе не лучше второго, это нужно

хорошо понять. "Старший" не есть господин "младшего", их взаимоотношения не

только иерархические. Да, чисто функционально "старший" руководит "младшим". Но

на самом деле они равны. "Вертикаль" существует одновременно с "горизонталью",

они обе "работают" друг в друге.

Бог не является "господином мира". Да, Он -

"старший", но сотворённая

Вселенная равна Ему, они как бы равночестны друг другу. Вот этого простого факта

реакционные церковники вам никогда не расскажут. Они просто не знают.

Ранее Ева была просто помощницей Адаму, необходимым его дополнением и вообще

самой что ни на есть "половинкой"; теперь этот последний оказывается, должен

оказаться, её господином. И это не могло быть иначе в то ветхое время. Отношения

"господин-раб" являются именно ветхой моделью взаимоотношений.

Структура мироздания после грехопадения изменилась: человек оказался вовлечён

в мир, где играют по правилам детерминизма, где физически более сильный всегда

прав. В этом "мире-после" более слабый, "младший" _д_о_л_ж_е_н_ находится в

положении подчинённого. "Старшему" теперь приходится господствовать над

"младшим", так как в противном случае этот последний вконец "опухнет", и начнёт

стараться занять чужое законное место.

Человек в падшем мире, в той реальности, что восторжествовала после изгнания

из рая, опустился до уровня животного. Независимо от своей воли, он становится

теперь игралищем собственных страстей, он не всегда контролирует сам себя.

Оказавшись в ситуации "войны всех против всех" более слабый - по законам того

мира - просто вынужден стремиться "наверх", в сторону, скажем так, "бунта против

законного начальства". И в том падшем мире старшие, стоящие выше по иерархии,

обязаны контролировать нижестоящих, они должны не спускать с них глаз. Вот что

подразумевают слова Бога "и он будет господствовать над тобою". Произнося их,

Бог обращается одновременно к Адаму и Еве, тем самым подчиняя Еву более сильному

- тому, у кого есть подлинное первородство.

В отличие от нас, слова Бога - не простые колебания воздуха. Они не только не

являются выражением сиюминутных эмоций, не только предполагают полную

ответственность за однажды сказанное, но ко всему ещё и являются _д_е_л_о_м_.

Когда Бог говорит: "да будет свет" (Быт. 1, 3), то свет возникает, появляется из

ничего. Каждым своим словом Бог творит - по-

тому, что и Сам Он есть Слово, "въ
начале бе Слово, и Слово бе къ Богу, и Бог бе слово" (Ин., 1, 1). В некотором
смысле можно сказать, что Бог и слово есть одно. А потому, когда Бог говорит
"Адам будет господствовать" - то этими словами Он как бы подчиняет Еву Адаму,
устанавливает между ними правильную - и причём довольно жесткую - иерархию. И в
той ситуации никакие иные отношения между Адамом и Евою были невозможны.

В той ситуации, говорю я. Человечество было наказано, его как бы "поставили в
угол". Но наказано оно было на определённый срок. Что пользы педагогу, если
наказываемый так и останется стоять в углу? Какой прок от вечного там стояния?

Любой воспитатель обо всём этом знает, и в нужное время он говорит: ты можешь
выйти, я тебя простил. Займись своим настоящим делом.

Рано или поздно, человечество должно было выйти из этого зверского состояния
"bellum omnes contra omnes". Ему вновь нужно быть стать человечным, вернуться к
прежней модели взаимоотношений. Но теперь

вернуться _в_с_е_м_ _в_м_е_с_т_е_. Уже нет одной только парочки деятелей - в результате их размножения возникает человеческий род. И всё человечество в целом должно теперь вернуться к прежней, совершенной модели взаимоотношений. Эта модель должна была, очевидно, преобразоваться в новую, уже в иную, христианскую эпоху.

Давайте окинем взглядом всю эту умопомрачительную диалектику: сначала была совершенная модель взаимоотношений "двух половинок" в Эдеме; после изгнания из рая Адам был обязан господствовать над Евой, они вынуждены "плодиться и размножаться". Наконец, всё человечество в целом вновь возвращается к прежней модели, но уже на новом витке своего развития. Читатель уже догадался, что возврат этот был связан с Иисусом Христом.

Своё первое появление на, так сказать, "общественной сцене" Сын Божий осуществляет именно на браке. Здесь же совершает Он и самое первое из Своих чудес - превращение воды в вино. Спрашивается: почему именно таким было первое

чудо Сына Божия? Как, например, могут истолковать такого рода вещи алкоголики
последующих веков? А нормальные люди, наши современники - те так вообще могут
подумать, что Христос попросту "поигрывает" своими "чудодейственными мускулами",
опробует, так сказать, свои сверх-способности. . . Что за каприз, в самом деле?
Существует "эффект края", и самое первое запоминается и воспринимается куда
лучше, чем всё остальное. Почему бы Христу на первый раз не совершить что-нибудь
поэффектнее? Например, вылечить вконец расслабленного, или вообще воскресить
труп какого-нить там дохлого мертвеца? Причём сделать это при большом стечении
народа, а не на свадьбе, где круг зрителей-то поневоле ограничен, собравшийся
народ помышляет совершенно о другом, все до единого навеселе (из Евангелия ясно,
что вино приносили не один раз), да и половина присутствующих, как пить дать,
уже уткнулись мордами в салат? Ну кому какое дело, что сосуды с водой, стоящие
где-то в тёмном сыром чулане, как-то там превратились в вино? Иисус же не стоял

на возвышении с поднятыми вверх руками, не стучал ложечкой по рюмке: "Так,

господа, прошу внимания. Сейчас эта ключевая вода Божией волей превратится в Don

Perignon двадцатилетней выдержки с чёрной лентой", не возносил Он и молитвы

громовым голосом. . . Он просто послал за водой - а притащили уже вино. Кроме

двоих-троих свидетелей никто ничего и не заметил. Натурально, спиртное тут же

начали пить. . .

Более того. Даже распорядитель пира, которому приволокли сосуды с этим вином,

был не в курсе, откуда оно взялось. Короче, с точки зрения грамотного пиара

можно (и стоило бы) обставить первое чудо куда эффектнее. А тут - какое-то

непонятное винище. . . Это для будущих восторженных фанатов Христа произойдёт

великое чудо. Уверяю вас: присутствующие на том пиру по пьяни вообще ничего не

заметили.

Среди христиан принято истолковывать этот эпизод в том смысле, что Иисус как

бы почтил своим визитом брачующихся, и тем самым освятил такое земное

установление, как брак - дабы все не ринулись в монахи, считая, что это куда

"спасительнее". Между тем, всё обстоит несколько иначе.

Вода, превращаясь в вино, как бы обретает новое качество. Подобным образом

должны были бы обрести отныне новое качество и взаимоотношения "жена-муж".

Вочеловечивание Бога возвращает людей к прежнему состоянию "как в Эдеме" (то

есть даёт им такую возможность). Подобным же образом и Своим чудом Христос

возвращает брачующихся к той самой, эдемской модели взаимоотношений "делатель -

помощница". Но "делатель" уже не является господином "помощника". Отныне они -

суть одно. Одно творческое целое, существование которого подчинено высшей,

единой для обоих цели.

Иначе - для чего было Христу совершать первое чудо именно здесь? Очевидно,

что это как-то коррелирует с проблематикой взаимоотношений мужчины и женщины

(так как брак, что ни говори, в первую очередь связан с ней, и очень странно,

что Феофилакт Болгарский этого впритык не

замечает). Ибо та форма, в которой
взаимо-относятся между собою женщина и мужчина - принципиально важна (так как
чудо - самое первое) для Творца в плане Его миро-строительства. Сюда, наверное,
стоит также добавить цитату одного неизвестного широким массам, но уже
цитировавшегося в этой работе персонажа: "Я подумала: "А чем самым главным
отличаются друг от друга вино и вода?" И пришла к выводу, что вода - это просто
божественное творение, а вино - это дело рук человеческих (в каком-то смысле)...
И тогда получается, что превращая воду в вино, Христос тем самым возвращает
человечеству функцию преобразования Вселенной ... которая была у него
(человека-Адама) в Эдемовом раю и была утеряна после грехопадения. А брак
подчеркивает, что функция эта должна была осуществляться мужчиной и женщиной -
двумя. . ."
Для современного христианства брак - лишь попущение по человеческой немощи.
Все любят цитировать апостола Павла: "Лучше вступить в брак, нежели разжигаться"

(1 Кор., 7, 9). Брак оценивается христианами в смысле, во-первых, гнушения
сексом. Духовники говорят опытным, с многолетним опытом христианам, что
"соединяться" можно только ради рождения детей (вам они никогда этого не скажут,
дабы не отпугнуть от церкви). А во-вторых, брак нужен и для совместного
достижения спасения в загробной жизни. Никакой иной позитивной окраски он
практически не несёт. Брак в принципе не рассматривается как новое качество
жизни, деятельности и творчества - ибо две соединившиеся половинки сделают,
наверное, куда больше, чем одна. . . И это потому, что сама земная жизнь не
имеет для христиан никакой позитивной, творческой окраски - та же самая
подготовка к смерти, к загробной жизни, вот и всё. Осознание
деятельно-творческого призвания мужчины (и всего человечества) и отношение к
женщине - на самом деле, жёстко взаимосвязанные вещи.

Христу вовсе не обязательно было выражать всё в притчах да проповедях:

поступки, даже мельчайшие действия Его достаточно концептуальны. Зачем было
вводить этот момент в Евангелие? На то оно и "благовествование", что каждая
притча, каждый поступок, эпизод, и даже каждый отдельный момент в нём о чём-то
благовествует. Богу ничто не мешало насобирать кучу волхвов, которые соорудили
бы полное собрание своих сочинений, детально разложив всё по полочкам. Ничего не
стоило Ему оживить десяток-другой мертвецов, чтобы произвести среди
необразованных иудеев полный фурор. Но предпочитает Он более лаконичный путь,
оставляющий нам выбор - в жизни, в действии, в понимании, в интерпретации, в
служении. . .

Присутствующие на том браке даже не заметили произведённого чуда. Но это так
потому, что совершалось оно вовсе не для них. Оно - концептуальный эпизод в
Евангелии, оно призвано благовествовать всем последующим поколениям: ребята,
знайте: вас простили, и вывели из того позорного угла. Вы можете снова вернуться
к своим делам. Делайте то, к чему призваны - а

помощница у вас всегда будет.

Отныне вы с нею - одно. Смысл первого чуда вовсе не в том, чтобы его все сразу

же заметили.

Но вот, развитие земного служения Иисуса делает полный круг, и самым

последним чудом Его оказывается превращение вина в Христову Кровь, причащаясь

которой, индивид признаёт готовность следовать за Христом, взяв свой крест (Мк.

10, 21).

Христос начинает с того, что восстанавливает отношения мужчины и женщины в

прежнем их достоинстве; заканчивает тем, что восстанавливает в прежнем

достоинстве отношения между Богом и человеком. И это так потому, что мужчина и

женщина - единое творческое целое, точно так же, как Бог и человек. Обе схемы по

сути изоморфны, и не только взаимосвязаны, но и как бы "работают" одна в другой.

И если чудо превращения воды в вино знаменует собой возврат человека к

прежней идеальной модели супружеских отношений, то превращение вина в Кровь

обозначает новое качество взаимоотношений

человека и Бога. "Взаимное творчество", как выразился бы Николай Бердяев.

Брак - это крест, который берёт жена, идя за мужем по тернистому его пути;

причастие - крест, который берёт муж, последуя за Христом; наш неблагодарный и трусливый мир - крест, который, сотворяя его, приял Бог-Отец. . .

Мир - неблагодарный и трусливый, ибо, начав с жульнической попытки перволюдей, минуя длительный исторический процесс, сразу перепрыгнуть в "боги" - путём вкушения запретного плода, человечество кончило тем, что восхотело достичь спасения непосредственно, путём регулярного вкушения общедоступного теперь причастия и соблюдения условных и надуманных традиций и ритуалов. . . И при этом даже не осознав, что совершает точно такое же жульничество, что продолжает поедать точно такой же запретный плод! . . И это вместо того, чтобы честно и добросовестно делать _т_о_ _с_а_м_о_е_ _д_е_л_о_, и только его, смело предоставив при этом Богу судить - обо всём

остальном, всех остальных. Настоящее грехопадение человечества - не только в подчинении его чисто женским целям размножения да обогащения, но и в чисто женской интерпретации причастия - как освящённого опытом предков обязательного обряда, успокаивающего душу сознанием того, что "всё сделано правильно". Лишающего смелости, воли, трезвого сознания, самоанализа, самокритики. . .

Как бы попроще всё это - всю происшедшую трансформацию христианского человечества - объяснить? Вот пример (в настоящий момент) самый нам близкий.

Некий автор работает над своим текстом, стараясь наиболее полно отразить в нём свои идеи и опыт. Да хоть бы даже ваш покорный слуга - я тоже работаю, и тоже стараюсь отразить. Набрасывая эти строки в блокнотике, я уже 2 часа катаюсь по кольцевой линии метро. Дома текст как-то не идёт, ну нету охоты продолжать им заниматься. Приходится прибегать к мерам искусственным.

Ещё потом мне предстоит его редактировать, подчищать стиль, переносить с

места на место целые куски из этой главы, что-то удалять (мы сейчас не будем
дискутировать на тему, нужен ли текст вообще; будем исходить из того, что я
всего лишь им занимаюсь). И всё указанное придётся делать для того, чтобы текст
лучше воспринимался, чтобы он был доходчивым и убедительным. Приятно, когда в
отзывах пишут: "я разослал ссылку всем своим друзьям". Итак, чтобы ссылку
рассылали друзьям ещё чаще, вашему автору нужно быть не только интересным, но и
добросовестным. Хочется чтобы как можно большее количество людей нашли в этой
работе ответы на свои вопросы.

Удобочитаемому тексту как-то проще стать популярнее. Если сейчас кое-кто
использует его в рекламных целях (доходит даже до того, что начало его названия
фигурирует в META keywords некоторых сайтов), то потом, наверное, стали бы
вывешивать в виде баннеров. Я всё это пишу не для того, чтобы похвалиться, но с
вполне определённой целью.

Смотрите. Хороший, нужный читателям текст, над которым много работали,

привлекает внимание множества читателей. Итак, "схема жизнедеятельности" текста

такова: долгая работа над текстом -> популярность -> баннеры.

Но можно было бы пойти и по другому пути. На некотором начальном этапе вообще

забросить работу над текстом, на пару сотен баксов закупить баннеры с

каким-нибудь эффектным рекламным слоганом, и первое место во всех рейтингах

обеспечено. А что? Ведь о недоконченности текста и корявости изложения в баннере

не сказано ничего. . .

Теперь представим себе как бы двух Котов-Бегемотов в личном общении.

Предположим, что вы оказались в купе поезда с "Котом номер 1". Разговор зашёл о

какой-то вашей личной проблеме - допустим, вы не можете выбрать себе тарифный

план и сотового оператора. Первый Кот начинает разговаривать с вами о разных

сотовых компаниях, приводит мнения своих знакомых, ссылается на свой горький

опыт - в общем, говорит о деле, сосредотачивается именно на нём, обсуждает

всяческие нюансы. . . Короче, общается с собе-

седником, пытаясь войти в суть
дела, стараясь помочь ему в конкретной ситуации.

Теперь вы в купе с другим Бегемотом. Кот "номер два" с первого момента
встречи начинает выяснять: "А вы мой текст "99 признаков" читали? Ну, что
скажете? Понравилось?" И если собеседник не читал его текст, или текст ему не
понравился, то (второй) Кот начинает общаться как бы через силу, смотрит на вас
подозрительно, и всё время пытается понять: да как же так? Такой супер-крутой
текст, и не понравился? Между прочим, именно поэтому так называемые "встречи с
автором" заключают в себе нечто тошнотворное. Равно как и "встречи авторов" -
таких-то и оттуда-то.

Но вернёмся к нашим Бегемотам. "Номер два" даже при обсуждении тарифных
планов постоянно сбивается на проблемы своего текста, и всё время пытается
доказать вам, что текст его хороший, он самый лучший, просто это вы чего-то там
недопоняли. . . Это, типа, ваша проблема. Сами виноваты, что вы такой недотёпа.

Ну какие там ещё тарифные планы? Вам нужно думать о другом, у вас всё очень

плохо, раз вы не смогли оценить крутой бегемотов текст. И вообще, раз вам не

понравился правильный текст, то и вообще вы - какой-то неправильный. Ведь

самому-то Бегемоту-2 ясно, что текст очень хороший.

А теперь ответьте мне на вопрос: с каким из двух Бегемотов вам было бы легче

общаться?

И в общении, и даже в личных отношениях, христиане повторяют ошибку "второго

Бегемота". С самого начала встречи они начинают выяснять: "А вы с моей верою

знакомы? Ну, что скажете? Правда, святая вера?" И если собеседник не знаком с

этой верой, или она ему не нравится, то с ним начинают общаться через силу,

смотрят на него подозрительно, и всё время общения пытаются понять: да ты,

случаем, не враг ли моей вере? Как же так? Такая супер-крутая религия, а ты

уверовал?

В общении даже на самые отвлечённые темы, христианин, подобно "Бегемоту-2",

постоянно сбивается на проблемы своей веры и всё время пытается доказать вам,

что религия его хорошая, она самая лучшая и самая святая, просто это вы чего-то

там недопоняли. . . Это, типа, только ваша проблема. Сами виноваты, что вы такой

недотёпа. И вообще, раз вы не стали христианином, то сами вы - неправильный.

Ведь самому-то христианину ясно, что христианство - самая лучшая, самая

спасительная религия.

Объясните мне теперь: в чём принципиальная разница между "вторым Бегемотом" и

христианином? Да точно ли есть она?

Общаясь с "воцерковленным христианином", вы обязательно почувствуете, что вас

как бы делают виноватым. Если же собеседник - интеллигентный верующий, то

описанный оттенок отношения будет едва уловим. Но он всё равно будет. И в этом

случае вам будет тяжело общаться.

Сами христиане объясняют эту "силу тяжести" либо немощью человеческой

природы, либо недостаточной "продвинутостью" христианина на пути к достижению

духовного совершенства. Мол, у него нет доста-

точно опыта, он не стал ещё
подлинным христианином. Типа, не преодолел "чин падшего естества". И что вообще
дело - не в самом христианстве, а в недостоинстве отдельных христиан.

Смею утверждать, что проблема кроется как раз в христианстве. В христианстве
исторически-приземлённом, как его интерпретировали приобщающиеся к нему народы.

Смею утверждать, что корень проблемы - в извращённой логике, когда именно
спасение становится в основу мировоззрения. Христианство в его исторической
форме - это "второй Бегемот", который бросил своё дело ещё в самом начале, не
доведя его до конца, а сам занялся одними баннерами. И две тысячи лет он ходит
по офисам, и требует, чтобы эту "альфа-версию" недоконченного продукта все
полюбили и стали использовать. В общении просто невозможен, при совместном
проживании - невыносим. Я сам лично был чем-то подобным. В смысле - не
"Бегемотом-2", но таким христианином. Я на своей шкуре знаю, что это такое. И
окружали меня в то время точно такие же

невыносимые люди.

Смею утверждать, что идеал христианина, "подразумеваемый" Христом, был

другим. Лёгким в общении. Привлекающим к себе других. Сосредоточенным на своём

деле, а не на спасении. Вот просто утверждаю, и всё. Хотите - верьте, не хотите

- не верьте.

Христианское сообщество пошло по второму, самому удобному пути. Вместо того,

чтобы корпеть над своим делом, всячески доводить его до ума, достигать в нём

успеха, христианство сразу же "занялось баннерами", то есть проблемой спасения и

причастием, как условием для этого.

Сначала должно было идти дело (или принятие какого-то важного решения -

заниматься тем или иным делом), потом причастие, а уже после всего, как

следствие этого - и (возможное) спасение. Христиане же поставили эту логику

вверх тормашками, и задались несвоевременным вопросом: что нужно _д_е_л_а_т_ь_,

_ч_т_о_б_ы_ _с_п_а_с_т_и_с_ь_? Нетрудно видеть, что сначала по их логике идёт

спасение. Затем, как условие этого - причастие.

А уже потом, в зависимости от этого, выбирается и собственное дело (или способ его выполнения), а равно и отношение к нему. Вот именно поэтому-то, в силу этой извращённой жизненной логики, и являются "убеждённые" христиане такими неприятными, тяжёлыми людьми, прямо как второй Бегемот в моём примере. В основе их мировоззрения лежит не собственное призвание, не дело, к которому лежит их душа, не самореализация, не желание помочь другим, но стремление к спасению. И желание того, чтобы другие тоже спаслись. Через призму этого последнего и осмысляют христиане мир, именно с этим немым вопросом обращаются они к первому встречному: типа, а какова твоя вера? Како спасаешься? Правильный ты, или нет? Подобное отношение, вот этот вызов, ожидание _э_т_о_г_о_ ответа, тяжёлой тучей висит над нами, когда мы разговариваем с церковными людьми. И подобная тяжёлая туча повисла над всей христианской цивилизацией. . . Верите ли: нас ведь никто не любит. Никто.

Когда в основе мировоззрения лежит не реали-

зация своих способностей в
каком-то деле, но сама по себе вера в спасение, любая иная религия оказывается
злом, с которым нужно бороться. Все люди тут же начинают делиться на имеющих
"правильную" и "неправильную" веру. Первые - сами "правильные", коль сумели
уверовать, вторые - "неправильные", заблуждающиеся. Типа больные, которых нужно
лечить. Или, иными словами, христианство, поставив проблему "правильности веры"
во главу угла, тут же начало делить всех на "своих" и "чужих".

Фокус душевного внимания христианина постепенно, исподволь (впрочем - может
быть, и с самого начала), переместился с того, чем нужно заниматься по жизни, со
своего дела - на то, что нужно делать, чтобы спастись. Всё началось с того, что
начали противостоять иудеям с их Ветхим Заветом. Поэтому начисто забыли об
Адаме, его призвании и роли, следовательно - и обо всём человечестве. Потом
стали думать о порочности и непорочности зачатия. . .

Модель сотворённой Богом Вселенной отлича-

ется исключительной
универсальностью, изоморфностью, и я бы сказал, гибкостью. Всё заранее
предусмотрено, на каждую возникшую проблему есть своё решение. Любая катастрофа
находит свой как бы "обходной вариант". Ну да, Адам согрешил и невозвратно пал.

Но после этого падения и вследствие этого падения от него происходит теперь всё
человечество. Именно к нему переходят те же самые "плановые задачи". В этом
смысле в плане Божьего миро-строительства ничего не изменилось. В сущности, не
всё равно, кто задачи решит - один пацан, или целая бригада?

Человеческому роду, этому совокупному Адаму, посылается лекарственное
средство для излечения, для того, чтобы встать на ноги и продолжать выполнение
поставленных задач. Этакое снадобье, преодолевающее тяжкое наследие первородного
греха. И теперь представьте себе, что человечество встаёт в позу, и заявляет: "А
не буду я ничего такого делать. Кайф от постоянного приобщения к лекарству
гораздо круче".

Иногда я думаю, что, в принципе, Евангелие не очень-то нужно. Вспомним
наказанного ребёнка, стоящего в углу: человечество было таким ребёнком до
пришествия Христова. Оно, как бы вместе с иудейским народом, стояло в углу, и
типа лило горькие слёзы: да когда же меня, наконец, простят? И вот, в тёмной
комнате, где стоят наказанные дети, появляется посланник от родителей, допустим
брат главы семейства, и говорит: "вас прощают".
Для понимающего (того самого, который "sapienti sat"), этой фразы было бы уже
достаточно. Ребёнка простили, можно снова вернуться в комнату с игрушками, где
свет и тепло, и снова начать играть. Более того: само появление в тёмной комнате
родного дяди уже есть символ прощения. Так что даже и фраза "тебя прощают" не
очень-то и нужна. В каком-то смысле Евангелие удваивает полезную информацию:
ребёнок - если он нормальный человек - вновь вернётся к своей игре. Конечно,
можно дополнительно рассказать ему, как и в какие игры следует играть, кого

взять в товарищи, и даже как относиться к ним в игре - что Евангелие и делает.

Но чисто теоретически ребёнок должен помнить, чем занимался до наказания, и к

чему должен возвратиться теперь. Однако человечество не было таким понимающим

ребёнком.

Сразу заметим, что детей было несколько. Как только к ним подошёл Посланник,

факт прощения осмыслили лишь некоторые. Даже не выслушав его до конца, дети в

полном упоении от того что их простили, бросились перед ним на колени, начав

горячо благодарить за спасение. На Посланника все смотрели с восторгом, но -

дети есть дети! - каждый стремился обратить Его внимание на самого себя.

Дети мигом позабыли, что были наказаны все вместе. Тут же пошли выяснения,

кто лучше стоял в углу, и кому достанется больше внимания этого чудесного

Избавителя. Они начали мерятся "рангами", прямо как современные пикаперы; каждый

из этих детей как бы захотел "запикапить" себе Христа. Дети отталкивали друг

друга в сторону, они предавались всевозмож-

ным выяснениям и ругались между собой.

Судя по всему, идти играть они уже не собирались.

И тогда Посланник заговорил. Ему пришлось заговорить. Он сказал им: дети, я

вывел вас из угла. Теперь вам предстоит вернуться обратно к вашим играм.

Пожалуйста, играйте дружно, все вместе, не ругайтесь и не ссорьтесь, чтобы с

вами вместе могли играть и другие, уже потом. Пусть вас объединяет идея, что вы

прощены. Вы все теперь - единое целое в этой вере. Расскажите об этом другим

детям. Если лично Я избавил лично вас от наказания, и лично вывел из угла, то из

этого не следует, что вы лучше тех, кто просто обо мне где-то услышал. И даже не

лучше тех, кто не поверил в эту Новость, и остался стоять в углу. Вы все теперь

- единое целое. Один - за всех, и все - за одного. Среди вас нету худших и

лучших. Главное - чтобы вы любили родителей, простивших вас, чтобы вы были

едины, не считая себя лучше других, и вернулись к своей игре.

И вот я всё думал: как же так случилось, что

этот триединый "месседж"

Посланника: любовь к родителям, единство и возврат к "игре", оказался

похеренным? Чёрт возьми, когда? Почему уже через какие-то 150 лет Квинт Септимий

Тертуллиан - один из самых крутых тогдашних богословов - заявляет: "Если бы

Израиль каждый день мыл все свои части тела, он бы никогда не стал чистым"? И

почему в начале 3 столетия римский епископ Ипполит, ученик самого св. Иринея

Лионского (имя которого все знающие люди произносят с придыханием, прямо как

Бегемот слова "Круизер BMW K 1200 LT") - почему в своём памфлете "Против евреев"

он пишет, что за свои грехи они должны быть закабалены навсегда? Ведь вроде бы

тем самым авторы противопоставляют себя иудеям, и даже считают себя лучше их?

Суть примера - вовсе не в евреях, я не собираюсь оправдывать их или осуждать.

Суть в том, что обвиняя в распятии одних евреев, и снимая ответственность с

самого себя, то тем самым автоматически противопоставляют себя им. "Эффект

прощения" полностью нейтрализуется.

Странное дело! Во всём христианство стремится к символическому толкованию.

Например, один "день" Ветхого Завета не равен астрономическому дню. Голубь - не

просто голубь, вода - не совсем вода. И так далее. Однако когда речь заходит о

грехе иудейского народа, то всякое духовное зрение христиан мигом пропадает, и

сменяется самым что ни на есть вульгарно-реалистическим. Уже произнеся фразу

"виноваты только они" - христианин перестаёт быть таковым. Противопоставляя себя

иудеям, а вслед за этим и кому-то другому - мы разделяем христианство, нарушаем

внутреннюю его цельность. Идея единства всего со всем - это "скелет"

христианства, без которого нельзя. Но здоровый человек имеет скелет, и даже его

не замечает.

Такое отношение - "а вот вас, за ваш грех, надо..; так вам и надо..." - это,

в конечном счёте, чистое язычество: "зуб за зуб, око за око". Христианским

отношением было бы не одно только прощение врагов, но и сознание того, что мы

распяли Христа вместе с иудеями. Вместе и

раскаиваться. И даже нам подобает
раскаиваться больше - коль скоро нам больше дано (сознание божественности
Иисуса). Всё остальное - язычество. Бабство.
Уникальность иудаизма в том, что он нёс в себе единственно верное понимание
человечеством Бога и самого себя. В этом смысле в древнем иудейском народе
персонифицировалось всё человечество вообще. В Адаме согрешил не только он, но и
мы все. На нас всех лежит его грех. С Адамом мы все были исторгнуты из Эдема. В
иудейской вере мы все несли в себе потрясающую картину мира.
И вот, наконец, среди иудеев же (Он не мог появиться в рамках какой-либо иной
парадигмы) является Христос, Посланник от Бога, Который сообщает о прощении нам
всем, и при этом добавляет: "Главное - чтобы вы любили своих родителей (то есть
Бога), чтобы вы были едины, не считая себя лучше других, и вернулись к своей
игре (то есть занялись тем, что делал некогда Адам)".
Коль скоро в иудейском народе персонифицировалось всё человечество, то мы все

распинали Христа, а не одни только иудеи. Это общий грех всех людей, не говоря
уже о том, что на месте евреев Христа распял бы любой народ, в том числе и
русский. У нас всегда умели (и умеют) травить талантливых людей...

Почему же случилось так, что мы все, услышав эту весть: "вас прощают",
грохнулись на колени, да так и остались в этой позе перед Посланником? Почему мы
не вернулись к первоначальной "своей игре"? Почему каждый народ стал считать
себя лучше других? Почему все христиане "не играют вместе"? Ну только что Бога
любят, да и то все по-разному.

И вообще: почему этот "триединый месседжа" не взяли целиком? Почему из него
использовали только небольшую часть? Лишь взятое в целом христианство является
"закваскою", "лекарством", а некоторая часть его действует прямо противоположным
образом - подобно вакцине. Взяв лишь часть христианства, мы получили на самом
деле вакцину от него. Почему мы этого не заметили? Почему не поняли сразу
значения "триединого месседжа"? Как так мо-

жет быть, в самом деле: Бегемот понял,

а Тертуллиан - нет? Где та роковая "точка перегиба", до которой было правильное

учение Христа, а после пошло сплошное язычество под видом христианского

вероучения? Почему произошёл этот роковой переход? И, похоже, я понял, почему.

Ученики и последователи Христа "спеклись" на самой простой и очевидной вещи.

Иисус осуждал иудеев, не желающих в Него уверовать, однако Он жил среди них,

проповедовал и лечил. Ну конечно, Христос, как Сын Божий, мог позволить себе

"роскошь" дистанцироваться от закоснелых иудеев: проповедывать им, в чём-то их

обвинять. . . Но сам факт пребывания Христа среди них был мощным аргументом,

который ученикам следовало как-то осознать и, возможно, даже вербализовать.

Худо-бедно апостолы могли вместить в себя тотальное неприятие Христа как

Посланника большинством иудейского клира и простого народа. Худо-бедно ученики

могли ходить за Ним, слушать и пребывать постоянно во враждебном окружении. А

вот распятие любимого Учителя вместить они

не могли.

И потому не смогли они сделать самого главного: в чём-то дистанцироваться от

Христа, не копировать полностью Его поведения. Бытие Христа среди неверных

иудеев должно было передаться последователям Его в превращённой форме - как

прощение иудеев за распятие Христа.

Иисус заранее знал, что Его распнут - и тем не менее, до конца пребывал среди

будущих палачей. Подобным образом и наследники Его дела должны были простить

этих палачей и чувствовать себя с ними как одно целое. "Что позволено Юпитеру -

того нельзя быку". Христос самим бытием простил Своих палачей; ученики Его

должны были простить их не ихним бытием (поскольку оно не очень-то и

божественно), но сознательным действием. Именно в этом не должны были они

уподобляться Христу. А вот этого-то они и не смогли. Ученики расценили распятие

Христа как то, что Сына Божия Самого "поставили в угол". Сам факт распятия

оказался водоразделом между "правильными" и "неправильными", "своими" и

"чужими". Да так и остался навсегда. Вот она, где собака-то зарыта!

Ученики Христа, увидев Его мучающимся, распятым, купились на это, как

школьники. Ну как после этого не возненавидишь ортодоксальных иудеев? И всё,

Гитлер капут - те, кто распинали и кто занял сторону палачей, оказались

"плохими", все остальные (в первую очередь, сами ученики) - "хорошими". И пошла

писать губерния...

Обратим внимание на полную аналогию: Адам уподобляется Богу, и позволяет себе

роскошь расслабиться, забыть о земном. В результате этого происходит

грехопадение - сначала Евы, потом и самого Адама.

Первые ученики Христа позволяют себе роскошь уподобиться Ему и начать точно

так же противопоставлять себя "злым иудеям". Это и было запретным плодом,

который сожрали нерадивые ученики. Не принявшие Христа иудеи были первым

"пробным камнем", которым испытывали их веру: крепка ли она? Насколько она

глубока? Сумеют ли лучшие ученики Христа

преодолеть это великое искушение и
простить палачей их Учителя? Смогут ли преодолеть соблазн противопоставить себя
всем остальным? Не сумели...
Если бы этих "упертых иудеев" не было, их надо было бы выдумать. Ибо без них
вера ближайших Христовых учеников была бы не настоящей. Ну что это за вера,
которая не преодолевает серьёзные испытания?
Разумеется, иудеи с самого начала не демонстрировали
джентльменски-либерального отношения к христианам: эти последние были для них
всего-навсего фанатичными и неуправляемыми еретиками. Дальнейшее, полагаю, в
объяснении не нуждается. Однако и в этих условиях христиане не должны были
конфронтировать с ними. И всё же случилось так, что христиане приняли навязанные
им правила игры: ах, вы так? Ну тогда мы вот как! Вы нас не любите?! А мы
написаем вам в сапог...
Идея всеобщего единства с самого начала не существовала в христианстве. И в
поучениях, и даже самим фактом Своего при-

шествия Христос создал парадигму нового отношения к инакомыслящим. Однако ученики Его эту парадигму не усвоили и не поддержали. Возможно, что если бы первые христиане взглянули на иудеев иначе, не как на врагов, то всё было бы по другому.

Поддавшись этому первому искушению, христианство стало переносить подобное отношение на всех - язычников, буддистов, мусульман. В результате все иноверцы оказались "плохими", "нечистыми". Тем самым христианство преобразовалось в ширму, прикрытие. Оно стало христианством на словах.

Совершив этот первый свой выбор, христианство раз и навсегда установило модель отношений со всем человечеством. Оно утратило свою универсальность. Но последствия сказались и на самом христианстве: соответствующее отношение затем было перенесено и на самих себя. Начались склоки и выяснения, чьё христианство более правильно. Уже в 57 году апостол Павел пишет: "...сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят:

"я Павлов"; "я Аполлосов"; "а я Христов" (1 Кор., 1, 11). Начав с разделения себя с иноверными, христианство дошло до разделения самого себя, это был процесс взаимосвязанный.

Локомотив христианства как бы перевёл стрелки и тяжело двинулся по другому пути. Как-то сразу забылся этот первоначальный "порыв освобождения", то опьяняющее ощущение начала нового великого пути, радость детей, которых простили и выпустили из угла. Восторжествовало, если можно так выразиться, "эволюционно-приходское" понимание христианства: мы регулярно причащаемся, а вследствие этого постепенно преодолеваем "наследие Адама". Мы. Те, кто ходит в храмы.

Тертуллиан заблуждался потому, что получил в наследство готовую систему, с уже сформированным отношением к "чужим". Он (Тертуллиан) существует в уже давно сложившейся парадигме языческого отношения к не-христианам. Две сотни лет христиане считали иудеев, да и прочих "неверных" своими врагами. Так полагали

даже сами апостолы Христа. Тысячелетия человечество жило по животному принципу

"свой-чужой". Ну как бы Тертуллиан себя противопоставил всему этому? Как бы

сумел над этим подняться? Он что, самый умный? Умнее их всех?

Такое под силу было лишь Богочеловеку.

Чтобы противопоставить себя всем, чтобы взглянуть на общепринятое свежим,

отстранённым, новым взглядом, вовсе не обязательно быть умнее других. Для этого

достаточно иметь обычный здравый смысл, наглость, и много-премного цинизма. Ну и

желание разобраться в проблеме, разумеется - не боясь всевозможной критики. И не

размышляя о том, заплатят тебе за

эту работу, или нет...

Иисус не случайно "назначил" тем самым "скелетом", на котором всё должно было

держаться, самого жалкого и слабовольного среди апостолов. Именно Пётр предал

своего Учителя и трижды отрёкся от него.

Коль скоро Пётр проявил себя полным ничтожеством, ничем не лучше остальных

иудеев-палачей, то тем самым Христос показывает нам, что Церковь не должна

отделять себя от иудеев - поскольку "краеугольный камень" этой Церкви оказался
жалким предателем.

Христос заранее знал об этом факте, сообщая Петру на Тайной Вечере: "в эту
ночь... трижды отречёшься от Меня" (Ин., 26, 35), и тем не менее трижды же
назначил его "вожаком стаи", причём самым что ни на есть прямым текстом: "Паси
овцы Моя" (Ин., 21, 15 - 17). Почему? Иисус "надеялся", что слабовольный Пётр
будет незаметным, но необходимым "скелетом" Церкви, а преемники его унаследуют
эту смиренную позицию. Не унаследовали...

Сейчас вы спросите: а причём здесь бабство? То есть как, причём? Да ведь это
и есть та языческая парадигма, в которой делят на "своих" и "чужих". Это
парадигма, в которой мы живём с вами и посейчас. Нам предложили принять другую,
мужскую парадигму - нам с вами: мне, вам, читатель, и ученикам Христа. А мы все
вместе от неё отказались...

Ветхий Завет поменялся у нас местами с Новым. Однако Новый Завет без Ветхого
не имеет _н_и_к_а_к_о_й_ ценности. Первый

даёт способ жизни; второй - смысл.

Вместо этого имеем мы нечто противоположное: способ жизни христианина

определяется теперь как бы Ветхим Заветом, то есть кучей догматов,

законоположений и заповедей, а целью жизни стал Завет Новый - то есть спасение

любою ценой. То, что все это поставлено с ног на голову, никто не желает понять.

То, что всё это связано со всеобщим (и мужским, и женским) _б_а_б_с_т_в_о_м_ и

предопределено этим последним - тоже.

Коснусь и ещё одного небольшого аспекта бабства в христианстве. Одной из

определяющих эмоций христианина является умиление. Всё время слышишь: "умиленный

плач", "умиленное состояние", "молился с умилением". Но что есть умиление?

Существует чувство любви, определять которое здесь не след. Это может быть

всё что угодно: любовь матери к ребёнку, мужчины к женщине, патриота к своему

Отечеству. . . Однажды, уже "под занавес" моей семейной жизни, довелось мне

узреть, как тесть, неплохой, в общем-то, мужик, нянчит моего ребёнка. На лице

его было умиление неприкрытое. И тут меня как громом поразило: а почему говорят:

"дети до венца, а внуки до конца?" Почему любовь к детям так сильно отличается

от любви к внукам? Потому что та ответственность, которая содержится в любви к

детям, делает эту любовь - как бы это сказать? - более суровой, что ли. . . Тем

самым любовь приобретает совершенно иное, более деятельное качество. Она не даёт

человеку расслабиться, как бы держит его всё время настороже, заставляет

напрягать мозги и волю.

Любовь же деда-бабки к внукам такой ответственности не предусматривает. Но из

этого не следует вовсе, что это более "чистая любовь". Напротив, это любовь

совершенно "холостая", из которой ничего не следует, не вытекает и не рождается.

Это, скорее любовь к собственной любви, своего рода "любовь штрих". Эдакий

"эмоциональный онанизм", когда тешишь одни только собственные чувства.

Дополнительно это подтверждается ещё и тем, что совершенно посторонние бабки

умиляются даже на чужого ребёнка. Стало

быть, родственные чувства тут как бы и не при чём. В общем, в конце-концов, ваш автор пришёл к выводу, что умиление - крайне дрянное, типично бабское чувство, которое полностью погружает человека в собственные переживания, делая его каким-то расслабленным, бессознательным и безвольным. Ему хочется лишь повторять и повторять опыт этого умиления, и ничего более. К чему ведёт такой опыт? Лишь к развитию эмоциональной слезливости.

Занятно, что в храмах лишь приветствуется всё, связанное с умилением. И даже почитается достоинством. Взгляните на физиономии прихожан - особенно после причастия. Сосредоточенные воины Христовы, готовые идти на крест, что ни говори.

. . А может это всё-таки просто слезливые бабы?

Не один только, но много раз совершало человечество своё грехопадение.

Первый - при вкушении перволюдьми запретного плода. Из-за их нетерпеливого желания стать "богами" немедленно, "перескочив" длительный исторический процесс самосовершенствования, со-творчества, со-

трудничания с Богом-Творцом.

Психологический смысл первородного греха, его, так сказать, тяжкое наследие в

нашей психике - вот в этой генетически наследуемой нетерпеливости. Грехопадение

было латентной, неосознаваемой, нетерпеливой попыткой "скинуть Бога с корабля

современности".

Второй раз - при распятии Сына Божьего. По меньшей мере наивно полагать, что

в крестной смерти Христа повинен один только еврейский народ. В этом повинно

было решительно всё человечество. Все мы несём на себе этот грех. Вы, вы. Я.

Третий, как ни парадоксально, был снова связан со вкушением. Причастие не

должно было служить к пущему духовному успокоению. Оно должно было закреплять,

подтверждать то, что человек взял свой крест и последовал за Христом. В

причащении "просто" - вновь прослеживается то же самое нетерпеливое желание

попасть сразу "в дамки", что и у первых людей, минуя утомительный путь

самореализации, полный ошибок и риска (угадайте с одного раза, кто у нас более

всего не любит ошибаться и рисковать). То есть мы имеем не полную схему

"причастие - крест - Царствие Божие", но кастрированный её вариант: "причастие -

Царствие Божие", удовлетворяющий одних только _б_а_б_. Или обабившихся мужиков,

что то же самое, если не хуже. Поскольку, цитируя великолепную книгу свящ. Я.

Шипова, "С баб, наверное, и на Страшном Суде ничего не спросят. Ну что с них

спрашивать? Чуда в перьях. . . Похоже, за всё придётся отвечать нам"

("Отказываться не в праве").

Четвёртое грехопадение оказалось связано с восприятием Христа Его

последователями. В данном случае человечество в точности повторило грех Адама -

не тот, когда он послушался своей подруги и "сточил" запретный плод. Это, как мы

знаем, было лишь физическим следствием греха более важного, духовного - полной

зацикленности на Боге, на духовных ценностях. Полное пренебрежении тварным,

"падшим" миром, выразившимся в пренебрежении Евой.

Христиане с самого начала точно также зацик-

лились на персоне Христа и
связанных с Ним благодатью и спасением. Они "подсели" на Его облике, как
подсаживаются на наркотик (одновременно с этим "подсели" они и на благодати и
причастии). Повторяю ещё раз: грех Адама в этом случае повторен был с
максимальной точностью. Но самое интересное, что этого никто так и не заметил.

Никто, изволите видеть, не восхотел взглянуть на христианство под этим углом
зрения.

В некотором смысле, фигура Христа тоже была своего рода "запретным плодом",
этаким "яблоком искушения" для человечества. Бог, посылая нам единородного
Своего Сына, не только нас спасал, демонстрировал Свою любовь, выполнял какие-то
там обеты, что-то там восстанавливал в прежнем достоинстве. . . Он ещё нас всех
и конкретно искушал: а как воспримут Его Сына все эти маленькие человечки?

Смогут ли понять правильно? Станут ли, наконец, настоящими деятелями на Его
ниве?

Христианский мир не должен был полностью

сосредотачиваться на Христе. Иисус -
это не цель, но средство. Любовь к Нему не должна вытеснять представление о
нашем общем деле, о нашем земном призвании, о наших способностях, о наших
космических задачах - преодолении пространственной и временной ограниченности, и
всё такое. Эти последние никто не отменял; всё равно, рано или поздно они
встанут на повестке дня нашего земного существования. Человечество никогда не
смирится со смертностью, и будет пытаться её преодолеть, расширяя рамки своего
физического существования. Однако суть в том, что задачи эти будут _т_е_п_е_р_ь_
решены _б_е_з_ Христа и как бы _в_н_е_ Него. Именно эта зацикленность на Христе,
благодати и спасении и предопределила дальнейший ход человеческой истории -
когда человечество объединится уже не во Христе; когда начнёт строить новую
вавилонскую башню. Стремление к спасению "в чистом виде" неизбежно приуготовляет
Апокалипсис.

А христиане, которые должны были указать нам генеральную перспективу развития

всего человечества, так и будут бесплодно пялиться на своего Спасителя, наивно
полагая, что это - самое главное в жизни.

Грехопадение пятое было при разделении Церкви на католическую и православную.

Между прочим, шло оно по той же самой "схеме", что и грехопадение Адама. Есть
подозрение, что Адам умудрился заповедать нам наиболее общую, универсальную
схему любого грехопадения вообще. . .

Папа Римский точно так же "зациклился" на своей деятельности, забыв о вещах
второстепенных. И здесь ведь то же самое нетерпение! Ну да, находясь в Риме
проповедовать христианство было куда удобнее: огромное население, отличные
средства коммуникации, тьма последователей, поддержка могущественного
государства и его спецслужб. . . Однако почему-то забыл Папа обо всей остальной
империи, которая тем временем терзалась завистью, которая в некотором роде тоже
беседовала со "змеем искушения". Здесь вновь виновато и бабство православия, и
мужской эгоизм Запада. . .

"Если дом разделится сам в себе, не может усто-

ять дом тот". Ну да,

давным-давно "разделился" он сам в себе - а никто и ухом не повёл. В результате

мы давным-давно существуем в мире выдуманного, виртуального христианства,

которое служит не превращению людей в сильных, смелых, честных и мужественных

деятелей на ниве Божией, но в слезливых, постоянно умиляющихся, немощных и

трусливых _б_а_б_, исповедывающих эту веру лишь на словах, а самих прекрасно

обделывающих свои мирские делишки. Мы забыли, про*рали изначальный замысел

Творца этого мира. Это мы, именно мы, каждый из нас - обрекли наш мир на

мучительный финал. Но всё это, изволите видеть, пофигу и рядовым обывателям, и

церковной иерархии, и профессиональным богословам Востока и Запада. Разве что

один Кот Бегемот и беспокоится об этом - в тексте о знакомствах с женщинами. . .

Пришлось, видите ли, сюда запихивать. А иначе - кто об этом узнает?

Шестой эпизод имел место при жалком и нетерпеливом желании объединить Церкви

путём механического воссоединения их руко-

водящих иерархий - вместо глубокого и подлинного раскаяния в том, что не хранили единство с самого начала, вместо длительной кропотливой работы по осознанному и целенаправленному выстраиванию нового единства: на этот раз - культур, традиций, экономик, политики, нравственности. . . Подлинное духовное единство может быть достигнуто либо этим путём, либо - мгновенно, но за счёт глобальных катаклизмов (то есть - новой мировой войны).

Вот странные люди! На фундаментах восточного и западного христианства уже выстроены здания совершенно различных цивилизаций. Пропасть, разделяющая два этих вида человеческого бытия с каждым столетием всё более углубляется.

Собственно, уже сейчас является она непреодолимой. А эти умники хотят объединить одни фундаменты, не объединяя самые здания. Как будто не читали они "Ромео и Джульетту" Шекспира. Должны же тогда представлять, за счёт чего и каким только путём примиряются давние враги.

Между тем, сам факт "распада" христианства (а

вместе с ним - и всего
христианского общества, христианских цивилизаций) на деятельную и созерцательные
ветви позволяет нам построить наиболее эффективную, максимально продуктивную и
даже наиболее выгодную для обоих модель ихнего взаимодействия. Более того - это
позволило бы и России определиться со своим местом в мире. И предопределить
развитие этого мира в том направлении, которое - чёрт его знает, как это
выразить? - всем нужно, что ли. . .

А именно: не существует единой, магистральной линии мирового развития,
эталоном которой является Запад. Мы вовсе не должны повторять во всём его путь.

Запад и Восток должны объединиться в своего рода "брачный союз", научиться быть
взаимодополняющими друг для друга. А от нелепой доктрины "догнать и перегнать"
страдают не только догоняющие, но, как ни странно, и те, кто идёт среди лидеров.

Ибо они не имеют настоящей духовной поддержки. Им, знаете ли, тоже нужен
надёжный "тыл".

Мужчина и женщина, существующие по от-

дельности, неизбежно деградируют и вырождаются. Однако всё существующее изоморфно. Оно также подчинено универсальной схеме "мужское - женское". Например, религия и рациональность.

Одно без другого непременно загнётся. Так вот: Запад - мужчина, он создаёт. Ну так России нужно научиться быть женщиной - и чувствовать, и понимать, и, самое важное - наставлять. Ведь Запад, подобно Адаму, тоже слишком сильно зациклился на своём промышленном и прочем всяком развитии. Они уже офигели там все со своим убогим "ничего личного". И Запад тоже начал пренебрегать своею "Евой" - со всеми последствиями, указанными выше. Это точно такой же прообраз эгоизма Адама и последующего грехопадения - и его, и Евы. . . А стало быть, и Ева-Россия, мир восточного христианства в целом, тоже вступил уже в общение с неким "змеем". . . Смотрите, в какую интересную эпоху мы живем: по сути дела, на наших глазах совершается новое, грандиозное грехопадение. А ведь другой истории у человечества - окромя целой череды

грехопадений - и нет. . .

Человечество всегда делилось на женскую и мужскую, на деятельную и

традиционную, на западную и восточную составляющие. Это ведь ещё с Каина и Авеля

повелось. И Каин "глушит" Авеля по той же самой причине. Ибо в действительности

именно Каин был среди братьев "психологической тёткой". . .

Занятно то, что в современном мире христиане снова хотят достичь высокой (и

потому весьма отдалённой) цели не длительной и кропотливой работой, но одним

решительным "революционным скачком", так сказать малой кровью - путём

формального и узко-духовного объединения Церквей. Более того. Никто не задаётся

вполне логичным вопросом: а во имя чего объединяться-то? Во имя самого

объединения как такового, во имя абстрактной идеи христианского единства -

потому что Христос типа некогда сказал, что..? Такое объединение неизбежно

окажется формальным, искусственным и вообще нежизнеспособным. Объединяться

вместе можно только во имя некоей цели, ле-

жащей _в_н_е_ такого объединения.

Например, люди объединяются в семью во имя продолжения рода. То есть во имя

детей, которые не есть родители. Любое объединение должно преследовать некую

позитивную цель; из него должно что-то родиться. На худой конец, объединиться

можно ради борьбы с общим врагом.

Более того. Цель такого объединения должна быть единой, понятной и

общепризнанной. Разумею цель существования христианства вообще, цель

существования человечества. И стремление к спасению индивидуумов такой идеей

быть никак не может. Так как нормальное чутьё нормальных людей (прежде всего -

мужчин) говорит им, что спасение - это, конечно, хорошо, но это не самое

главное.

Ну что это за объединение во имя самого себя? Ну что это за объединение во

имя всеобщего спасения?

И почему-то во всём этом прослеживается одна и та же схема: сначала

нетерпеливость в своём подвиге, затем по-мужски эгоистичная зацикленность только

на нём, потом - ответный "прецедент" очередного губительного бабства. Между тем,

Иисус Христос говорил: ". . . Приносят плод в терпении" (Лк. 8, 15). И ещё:

"Терпением вашим спасайте души ваши" (Лк. 21, 19) Эту концептуальную вещь, точно

так же, как и проблему единства, почему-то просмотрело по-бабски нетерпеливое

человечество.

Занятно, что в первом случае грехопадения во всём происшедшем христианство

обвинило Еву, во втором - иудеев, третьего вообще не заметило, четвёртое

"навесило" на Римского папу (или, что то же самое, на восточных "схизматиков").

Пятого - так попросту вообще не осознаёт. И никогда, ни при каких

обстоятельствах не признавало оно виновным самого себя. Слушайте, но когда же,

наконец, кончится это бабство?

В мире всё глубоко взаимосвязано: Адам и Ева, Запад и Восток, мужское и

женское, рациональное и духовное, бабство и наш родной эгоизм. . . И все эти

схемы полностью изоморфны, все они "работают" одна в другой, и каждая из них

взаимосвязана со всеми.

Наконец, шестое грехопадение совершила сама Христова Церковь в процессе
своего развития и становления. Речь здесь идёт о проблеме, поднятой в "Легенде о
Великом Инквизиторе" Достоевского - с тою лишь разницей, что автор "Легенды" не
вполне корректно сформулировал проблему. Ну так сделаем это за него.

Церковь _к_а_к_ _б_ы_ выбирала между двумя парадигмами существования. Первая
- прямое и безусловное последованием Христу, то есть жизнь, связанная в первую
очередь с пренебрежением материальными благами, служением людям и трансляцией в
обществе духовных ценностей (всё это, кстати, и сейчас вполне уместно). В этом
случае Церковь смогла бы сохранить в чистоте и непорочности изначальное учение
Христа, а самое главное - _п_о_н_и_м_а_н_и_е_, интерпретацию этого учения,
однако лишилась бы своей массовости, замкнувшись в узком и тесном мирке верных
своих последователей. Очевидно, что большинство людей поддерживать такой образ
жизни не в состоянии. Не берусь утверждать

наверняка, но скорее всего,

значительного влияния на жизнь общества Церковь в этом случае бы не оказывала.

Впрочем, чёрт его знает...

Вторая парадигма ставит во главу угла массовость веры. А какие, собственно,

потребности у широких масс? - хлеба да зрелищ... Замечу, что искушение хлебом -

то есть шире, материальными благами - было как раз _п_е_р_в_ы_м_ искушением

Христа в пустыне: "И приступил к нему искуситель и сказал: ... скажи, чтобы

камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: "не хлебом

одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4, 3)".

Нетрудно видеть, какую именно парадигму существования предлагает в этом месте

Евангелие.

Так вот: Церковь, в отличие от Христа, не выдержала даже самого первого

искушения. Пойдя по наиболее широкому и удобному пути, ей с самого начала

пришлось подстраивать свои догмы, интерпретации Евангелия и самую практику таким

образом, чтобы не отпугнуть от себя простых

людей, "миллионы, многочисленные,
как песок морской". Церковь захотела "и рыбку съесть, и..." В борьбе против
мужества, духовности и одиночества победила массовость и меркантильность.

Мужество было снова побеждено бабством.

В результате получилось так, что, приходя ныне в церковь, приходится
принимать те "правила игры", которые там приняты и которые выстраивались два
тысячелетия. Та самая упомянутая христианская деятельность (пренебрежением
материальными благами, служением людям и трансляцией в обществе духовных
ценностей) внутри церкви, в конечном счёте, неприемлема - нас сразу же загоняют
в определённые рамки "духовной жизни", авторитетно заявляя, что "спасение иначе
невозможно".

Нам с самого начала _в_н_у_ш_а_ю_т_, что христианская жизнь очень даже
совместима со всевозможным накоплением материальных благ. Что не следует
возлагать на себя "вериги неудобоносимые", а нужно исполнять то, что возможно,
что сейчас нам по силам. Наше справедливое

сомнение во всём этом тут же
отметается хотя бы ссылками на мнения святых, которые никогда установленного в
церкви порядка не критиковали. Нам говорят, что если бы церковь была
"неправильной", учила неверно, так как её тут же покинула бы благодать. И
прочее, прочее, прочее. И наш критический дух, наше самостоятельное мышление
постепенно улетучивается. Улетучивается наша мужественность, понимаете?
Однако занятно, что та упомянутая самостоятельная христианская деятельность
теперь, _к_о_г_д_а_ _с_у_щ_е_с_т_в_у_е_т_ _ц_е_р_к_о_в_ь_, невозможна также и
вне этой последней - иначе прослывёшь раскольником (и это, между прочим,
совершенно справедливо). Церкви ничего не остаётся, как бороться (по мере
возможностей) со всеми иными формами духовной жизни. Примеры Пьера Вальда и
Франциска Ассизского в этом смысле весьма показательны (вернее то, что сделали с
их последователями). В результате получаем, что полноценное следование Христу
невозможно ни внутри церкви, ни вне её.

Но самое грустное, что церковь уже никогда не изменится. Она навсегда
останется баба бабой. Если, разумеется, не изменимся все мы. Если нам не надоест
наше перманентное бабство.

Не один раз, но трижды стоял перед человечеством выбор, кем стать: мужчиною
или женщиной. Бабой или мужиком.

Сначала - ещё в раю, когда _в_с_ё_ человечество, а не Адам только, выбирало
между трудом, терпением и творчеством - и дешёвым "историческим скачком".

Затем - в эпоху Христа. Здесь мы с вами выбирали между животным миром, и
вновь обретённой духовной свободой. Никто не мешал тогда вернуться к прежней,
творческой системе ценностей.

И, наконец, третий раз. Но мальчик, читающий сейчас эти строки, такой ведь
умный, не правда ли? Пусть он поразмыслит об этом сам. Скажу сразу - для
правильного ответа достаточно иметь всего лишь Библию в руках. Да ещё смотреть
на лица людей в метро. И ничего более.

Угадайте-ка: в какую сторону пошло человечество?

Однако наиболее интересное ожидает нас в самом конце. Осознав существующие
проблемы, ответив на тот самый вопрос "кто виноват?", человечество _в_с_е_г_д_а_
задавалось вопросом "что делать?". И, как правило, тут же и делало. Например,
если Мартин Лютер обнаружил какие-то проблемы у католиков, то сразу же призвал
вернуться к чистоте древней Церкви - разумеется, путём грубых и топорных реформ.
А если В. Соловьёв начал переживать по поводу разделения Церкви, то тут же
решал, что, мол, им нужно непременно объединиться. Пошёл, сдуру принял
католичество, начал вращаться в соответствующих кругах. . . И вообще: как только
человек понимал, что что-то не так, то всегда считал своим долгом начать это
исправлять. И делал это всегда внешними, механическими средствами.
Так вот: осмелюсь утверждать, что вот это потакание своим сиюминутным
переживаниям, это героическое желание всё изменить, сделать так, чтобы было
хорошо, этот краткий путь _в_н_е_ш_н_и_х_ усовершенствований, "революционных

преобразований" и "коренных реформ" - и есть подлинное бабство человека.

Героическое - в действительности есть бабское. Это _б_а_б_а_ жаждет внешних

перемен, чтобы продолжать оставаться спокойной внутри, что "всё хорошо и всё

идёт так, как надо". Нетрудно видеть, что в этом смысле, всякое внешнее действие

- есть лишь удобное средство успокоить самого себя, договориться со своей душою,

совестью, сознанием. Мол, сделал то, что должно, изменил то, что надо, ощутил

себя настоящим мужиком, воином - и спи спокойно, продолжай быть всем довольным.

Типа, почивай (как в своё время Его ученики; как Адам, когда Ева. . , и т.д.).

Стремление совершенствовать внешнее изобличает нежелание изменять внутреннее, то

есть самого себя, собственное своё сознание, свою систему ценностей. Вот это-то

и есть настоящая духовная слабость. Она не позволяет покаяться, она не позволяет

осознать самого себя. Ибо познание себя и покаяние - одно и то же. Собственно,

речь тут идёт о __т_и_п_и_ч_н_о_ _б_а_б_с_к_о_м_ переносе своей вины на нечто

другое.

И здесь мы подходим к центральному пункту этого изложения (вообще-то странно,

что вы продолжаете читать:) Ибо эта бабская переадресация вины - о ком бы речь

ни шла: о всём человечестве, о "бабской" составляющей нашей души, или о женском

бабстве непосредственно - в действительности основывается на ещё более глубокой

вещи. На перманентном желании (и потребности) чувствовать себя _х_о_р_о_ш_е_й_.

Всегда и при любых обстоятельствах. Придумывая любые лазейки, чтобы себя

оправдать. Или, что ещё хуже, признавая себя виноватым (плохим) на словах, всё

равно оставаться с глубинным ощущением своей упокоительной "хорошести".

_Б_а_б_с_т_в_о_ и покаяние, _б_а_б_с_т_в_о_ и связанное с покаянием сознание

своих проблем, своей слабости и немощи, своей вины, да и сознание просто -

_в_е_щ_и_ _в_з_а_и_м_о_и_с_к_л_ю_ч_а_ю_щ_и_е_. Где есть _б_а_б_с_т_в_о_, там

покаяния, трезвой самооценки и мучительного осознания своих недостатков уже нет.

Как нет и просто сознания. Как нет богословия.

Как нет христианства. Как нет
ответственности. И до тех пор, пока не научимся мы быть мужчинами, ничего этого
не будет - а в основе человеческого общества будет лишь одно тупое,
бессмысленное и безысходное размножение, которое есть прерогатива женщин. А мы
так этого и не осознаём. . .
Но спрашивается: а способствует ли сложившаяся ситуация такому осознанию
мужчинами описанной здесь проблемы? Ситуация в Церкви, в обществе, в семье? О
том, чтобы женщина была помощницей мужчины и твёрдо осознавала своё место в
мире, речи теперь вообще не идёт. Речь идёт о мужчинах. . . Мужчины оказались
поставлены в ситуацию, когда для осознания всего изложенного нужно прилагать
некие сверх-усилия.
_Б_а_б_с_т_в_о_ _с_в_я_з_а_н_о_ _с_ _н_е_т_е_р_п_е_л_и_в_о_с_т_ь_ю_. Именно
из этого человеческого, а на самом деле - животного свойства, и вытекает
страстная жажда внешних преобразований да перемен. Вот с чем ещё связано это
нежелание менять своё сознание, культивиро-

вать строгое до суровости отношение к
самому себе и, в конечном счёте, становиться человеком. _Б_а_б_с_т_в_о_ во всех
его формах, во всех проявлениях, у всех, им обладающих - есть животность. Такая
непосредственная животность, не осознающая саму себя, не умеющая себя судить,
чистенькая такая, аккуратненькая. . .
Однако есть ещё и мужской путь, противостоящий "бабской революционности",
этому внешнему героизму малолеток: ничего не меняя, просто _о_с_о_з_н_а_т_ь_
происшедшее. Научиться внутреннему мужеству; научиться судить самих себя.
Почувствовать себя ответственным за то, что было сделано предшественниками. И
жить с этим чувством осознания своей ответственности и своей вины. И бороться -
как с пошлым соблазном внешне всё изменить, всё улучшить, всё реформировать, так
и с нашим тотальным желанием себя оправдать. Ибо само по себе глубокое, твёрдое
осознание проблемы уже кардинально всё меняет. Собственно, оно и есть уже
решение. Маркс говорил, что сама идея становится революционной силой, когда

овладевает массами.

Это смешно: не отличать христианства сущностного от исторического его

воплощения. Но ещё смешнее пытаться вновь и вновь реформировать его, пытаться

вернуться вспять. "Никогда не бывает так, как было". Итак: не меняя ничего,

нужно всего лишь изменить самого себя, изменить своё отношение к проблеме.

По-настоящему мужской путь - это путь внутренний, путь созерцательный, путь

мучительного осознания собственной ответственности и вины. И на это-то никто и

не оказывается способен. . . Все хотят чувствовать себя голливудскими героями,

порождая всё новые и новые расколы да реформы. Вот последнее слово:

_в_п_о_л_н_е_ _д_о_с_т_а_т_о_ч_н_о_ _н_е_ _д_е_л_а_т_ь_ _н_и_ч_е_г_о_. Просто

всё осознать. Познать самих себя. Но на это никто и не оказывается способен.

Вот этим принципом не только христианство и человечество в целом, но даже и

отдельные люди никогда не руководствовались. И упомянутое _б_а_б_с_т_в_о_ уже

завело нас в колоссальные дебри; мы заблуди-

лись в неумении понять сами себя,

окружающий мир, Бога. . . Мы живём в мире иллюзий, в мире вымышленном. В мире

мифов, где мы придумали себя сами, чтобы постоянно чувствовать себя хорошими. Мы

плетём вокруг себя сказку, лишь подкрепляющую хорошее наше мнение о самих себе.

Ну чем, спрашивается, это не бабство?

.

Я знаю, вам неинтересно всё это читать. Тогда просто суммирую все мои

рассуждения. _В_о_ _в_с_ё_м_ _в_и_н_о_в_а_т_ы_ _м_ы_. И в грехопадении Люцифера.

И в грехопадении Адама. И в распятии Христа. И в разделении Церкви на две

половинки. И в полной деградации христианства. И в христианском "трансвестизме"

Церкви. И в тотальном обабивании женщин. И в господстве их над нами. Но мы,

христианские мужи, оказались настолько _б_а_б_ы_, что искренне продолжаем

считать, что сами тут ни при чём. Это другие во всём виноваты, а мы-то ведь -

хорошие. . . К нам всё это совсем не относится! Не правда ли, какой прекрасный

покаянный дух?! Какая глубина самосознания.

. . И ужас в том, что никто, совсем
никто, не понимает этого! Все себя по-бабски оправдывают.

Это было написано для тех двух-трёх человек, которые найдут этот отрывок по
ключевым словам, и, возможно, поймут. . .

Чёрт, да ведь о христианстве я так и не рассказал. Так вот, христианство в
его изначальном, первозданном, самом чистом, так сказать, "небесном" виде - это
религия пожертвования детьми. Как бы подчинения их чему-то высшему. Или, смягчая
это рассуждение - некоторой вторичности материнства от ценностей высших, мужских
(разумеется, если у данного мужчины, данных мужчин или у данного общества они
вообще являются таковыми). Авраам был готов принести в жертву единственного
своего сына (тоже, кстати, во имя неких высших ценностей) - и Бог производит от
него народ, в котором воплощается Ипостась Его, Бога. Да, впрочем, и Сам Бог
также жертвует Своим Сыном, и тоже во имя той ценности, которую иные не считают
вовсе высшей - во имя этого мира, во имя его полноценного развития. Собственно,

уже этих двух библейских примеров достаточно для того, чтобы понять:

христианство призывает нас к ценностям более высокого порядка, чем простое

потребление, технический и всякий прочий прогресс, и тривиальное деторождение.

Оно учит видеть истинное место деторождения во всей системе наших жизненных

координат. Так вот: место это - не первое.

Ну да, Бог говорит Адаму и его жене: "плодитесь, размножайтесь". Однако нигде

Он прямо не заявляет, что это самое важное. Нас снова как бы проверяют, ставят

перед выбором: а ну-ка, посмотрим, по какому пути вы, ребята, пойдёте. . . От

нас самих требуется "допетрить", что дела обстоят скорее наоборот, и Библия нам

это доказывает. И доказывает вся человеческая история - народ, полностью

отдавшийся семейной жизни, заботе о потомстве, стремительно вырождается, он

оказывается бесплодным в духовном отношении, он создаёт себе тьму надуманных и

условных ограничений. . .

И потом: а каким способом первые люди должны были размножаться там, в Эдеме?

Разве пример Нового Завета не ясно это показывает? И почём знать, быть может
размножение должно было оказаться ещё одним испытанием для перволюдей - на
предмет их, так сказать, духовной устойчивости? Разве не испытывал Бог Авраама?

Христианство - это пренебрежение благополучием, сытостью и "уверенностью в
завтрашнем дне". Те, кто читал Евангелие, и сами в этом убедились. Однако
посмотрите, с какой целью идут женщины в храм. У одной - изменяет муж, у другой
болеют дети, у третьей проблемы с финансами. . . И все они стоят и слёзно
молятся у очередной чудотворной иконы - типа, чтобы всё у них стало хорошо.

Помилуйте, да ведь смысл-то христианства не в том, чтобы все было хорошо! Его
смысл в стремлении к улучшению себя, своего сознания, своего отношения к любым
житейским проблемам. Молиться у иконы об увеличении дохода - чистейшее
язычество. И вот, изначально, уже от природы самодовольные тётки толпою прут в
храмы, где учат их быть ещё более самодовольными. А вслед за ними топаем и мы...

Христианство - это совсем другая, мужская религия. Нынешний вариант - это

адаптация его к бабам, и способ приспособления к ним же мужиков. Это форма, в

которой совершается наше заземление.

С чего мы там начали? А, вспомнил, что главное в учении Христа - это

качественно иное отношение к другим, это изменение себя, своего сознания. Это

работа над собой. Это полное переключение на иную, вне-материальную систему

ценностей. И в церкви нам говорят: да-да, всё это, конечно, надо. А вот для

того, чтобы это хорошо получилось, необходимо соблюдать то-то и исполнять то-то.

Иначе ничего не получится. Мы, церковь, имеем двух-тысячелетнюю практику на сей

счёт... у нас тысячи святых и подвижников благочестия... мироточение икон...

благодатный огонь в Иерусалиме... у нас Таинства, преображающие человека

изнутри. Дальше начинается изумительный, веками отработанный пи-ар.

И мы верим ему. Почему бы и нет? Мы люди серьёзные, пришли сюда не в бирюльки

играть. Мы готовы делать то, что с такою убеж-

дённостью заявляют более опытные
люди. Мы видим, что они сами искренне в это верят. Мы начинаем делать то, что
нам говорят.
И не замечаем, что то самое отношение к другим, наша волевая и сознательная к
этому
устремлённость оказывается _в_т_о_р_и_ч_н_о_й_, подчинённой по отношению к
обряду. И поверьте, не имеет никакого значения "крутизна" такого обряда, пусть
это будет хоть метафизическое приобщение к Тому самому Христу (Причастие). Нам и
в голову не приходит, что вторичным должен быть как раз обряд. О фразах Христа
непосредственно на сей счёт мы как-то уже не вспоминаем.
В результате (коль скоро обряд и впрямь "крутой", оспаривать его мы не будем)
человек постепенно начинает сосредотачиваться на неукоснительной правильности
его соблюдения: ну как же, если где-то ошибёшься, то не достигнешь изначальной
цели. Правильные, безукоризненные фразы нас лишь дополнительно гипнотизируют:
типа, если будешь исповедывать грехи без

должного внимания, без подлинного раскаяния, то не очистишь душу. И если будешь молиться формально. И если не выпьешь утром святой воды. И если будешь креститься не теми пальцами и не в том направлении...

Наше сознание не только переключается на соблюдении правильности обрядов - вся натура, всё наше существо постепенно всем этим "зомбируется". Полностью меняется наше отношение к миру, и к другим. Человек начинает жить как бы в другом мире, на другой планете. То самое отношение к другим, ради которого всё и затевалось, становится теперь для человека вторичным. Он начинает мерить других по тому, насколько правильно и точно они соблюдают обряд. То есть - так же, как он, или нет. Он же так старался! Он-то знает себя, насколько был добросовестен!

И вот, если они делают что-то иначе, он начинает их ненавидеть. Совершенно незаметно он становится _э_т_а_л_о_н_о_м_ _д_л_я_ _с_а_м_о_г_о_ _с_е_б_я_.

Человек с его обрядами становится центром Вселенной.

Всё, круг замкнулся: мы вернулись в животный мир, но уже на новой высоте. А

разница-то? Волк тоже считает, что прав он, а не овцы. Если он голоден, то он

более прав, чем другие волки. А наш христианин начинает считать себя более

правым, чем его единоверцы: он более правильно молится, чем они. Он исповедуется

каждую неделю, а они - раз в месяц. У него духовник лучше. У него более

"намоленный" храм. Он вообще ездит на службу в древний монастырь, известный

своими старцами. Там вообще знаменное пение! У них певчие знают крюковое

письмо!!! И он ездит туда на "опеле", а они - на "бэхах" и "мерсах". Значит он

более прав, чем оппоненты. Зайдите-ка на любой христианский форум...

И если вам будут говорить, что описанный процесс единичен, что это проявление

недостатков (слабостей) отдельных людей - не верьте. Это - единый, отработанный

тысячелетиями механизм. Это как раз и есть система, и те самые подвижники

благочестия, святые, благодатный огонь, пресуществление на евхаристии - все они

существуют вопреки, а не благодаря ей.

То же самое наблюдаем и в международных делах. Русская Церковь Заграницей

считает себя "благодатнее" Московской Патриархии, она типа не запятнала себя

сотрудничеством с КГБ. Московская Патриархия считает себя "благодатнее" Церкви

Греческой, так как эта последняя подписала унию с католиками. Греки считают себя

"благодатнее", чем русские, так как у них более правильный древний обряд, да и

вообще русская метрополия от них безгодно откололась и самочинно объявила себя

патриархией. Иерусалимская Церковь считает себя "благодатнее" Греческой, так как

с Иерусалима всё, собственно, и началось (типа, географически они ближе к

Христу). Ну и так далее... Какое, к чёрту, единство? И вообще - при чём тут

благодать?

"И глазами смотреть будете, но не увидите..." (Мф. 13, 14). И вот, все

смотрят на это положение дел, и не видят. Они все загипнотизированы благодатью и

ритуалами. Они все прошли через описанный процесс. Они все сначала хотели как

лучше, а получилось как всегда.

Но в чём же корень? В том, что обряд и отношение поменялись местами. Ну чего

вы там молчите? Если я неправ - скажите мне об этом!

Я не призываю к реформированию, всё это уже было. Я говорю об

общецивилизационных изменениях. Я говорю о трансформации человеческой природы, и

как она теперь изменяет христианство.

Все мы живём в этом процессе, вот там о начался, там он продолжается, тем-то

он закончится. Я хочу, чтобы мы все в этом ориентировались, чтобы понимали, что

происходит, только и всего.

Однако продолжим. Любовь к другим оказывается теперь красивой декларацией,

она также сведена до уровня обряда. Вы никогда не видели, как непосредственно

перед Великим Постом православные просят друг у друга прощения? И уходят потом

из храма типа все такие чистые, просветлённые... Но вы не заметили, с какими

лицами они целовались. Даже те священники, которые издавна ненавидели друг

друга. Скрепя сердце, с тщательно подделанной

улыбкой... А я - видел.

Попробую объяснить всё это иначе. Когда-то у большинства из нас возникает

желание понять, что такое христианство. Присущее нам некое общее "чутьё истины"

говорит о том, что во всём этом что-то такое есть - и дельное, и важное, и

серьёзное (присущее нам - то есть мужчинам; у женщин есть только "чутьё

хорошего"). Мы приходим в храм и начинаем присматриваться к тому, что там

делают: крестятся в определённые моменты службы, кланяются, исповедываются,

причащаются. . . Всё это нужно - объясняют нам - чтобы спасти свою душу, очистив

её от всевозможных грехов. Чем лучше исполняешь всё требуемое здесь, в храме,

тем лучше загробное существование твоей души. Но мужская интуиция говорит, что

во всём этом храмовом благочестии есть что-то не то, что суть - не во всех этих

многочисленных ритуальных действиях, да и само желание спастись неуловимо отдаёт

чем-то бабским. Эта потребность в утешении, в уверенности, что и после смерти

всё будет хорошо, эта успокоенность ритуала-

ми, то есть христианство Великого

Инквизитора Достоевского (http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0110.shtml,

глава V) - есть не наша мужская вера, но нечто, приспособленное к запросам

изначально (духовно) слабых существ. Это не что иное, как

"христианство-для-женщин".

Далее, мы находим себе грамотного, очень опытного наставника-духовника,

который через много-много лет послушания ему, привьёт нам сознание, что

христианство - это высокий духовный опыт, это жизненный подвиг, это неустанный

труд по возделыванию и очищению собственной души и развитию духа, по

отслеживанию в себе мельчайших проявлений пошлых страстишек, что это - на самом

высоком уровне - "умная" молитва, непрестанно совершаемая в нашем сердце. И всё

это - во имя преодоления в себе некоей изначальной порочности, всё это также для

очищения души и последующего индивидуального спасения. Конечно, всё это очень

круто, но опять же - неуловимо отдаёт чем-то трусливо-бабским.

И, наконец, нам говорят, что христианство изначально - это глобальный проект
по объединению всех людей в единое конструктивное целое. Это качественная
перестройка всех отношений - личных, политических, экономических - с целью
объединения всего человечества в единый живой, осмысленный и мыслящий,
творческий и чувствующий организм, это преодоление земной ограниченности
человеческого рода, это прежде всего умение найти самого себя, своё призвание и
суметь соотнести его с задачами этого единого целого, это не только работа над
собой, но и постоянный творческий поиск. Христианство - это не свечки в храме,
не верба, и не иконки, висящие на приборной доске автомобиля, но нечто большее -
модель иной, преобразованной Вселенной, это модель отношений людей друг к другу
и к природе в целом, это цель жизни и всего человечества и нас самих. Тут мы
чувствуем, что это и есть настоящее, мужское христианство.

Но увы! - выглядит всё это слишком абстрактно. И потому совершенно непонятно,

как применить эти красивые словеса к нашей индивидуальной личности - в отличие,

скажем, от вполне реальных свечек, просфорок и причастия. Из этой абстрактности,

кстати, очень легко скатиться в подростково-протестантсткое отрицание всего

исторического христианства вообще.

Ну так вот и нужно заняться этим "сведением" общего, абстрактного,

идеального, и своего, конкретного. Только тогда мы и поймём смысл христианства.

Только в этом и может заключаться христианство наше, мужское. С другой стороны,

цельное христианство может слагаться и как результирующая из мужского и женского

его понимания - почему бы и нет? Разумеется, каждый выбирает "в меру своей

испорченности". Но ведь воцерковляющимся христианам никто никогда мужского

понимания не предлагал. Им предлагали вербочки, просфорочки и святую водичку. Им

предлагали христианство, изначально подходящее лишь для женщин.

Совсем не обязательно огульно отвергать то, что было накоплено человечеством

за 2 тысячи лет. Но почему бы нам, мужикам,

не заявить о себе, почему бы нам не
отыскать в христианстве наше - общее, творческое, мужское? "Жизнь, имеющая иной,
более высокий смысл, чем просто вращение среди радостей тленного мира. . . Тот,
кто чувствует себя целиком обязанным земле, никогда не будет до конца счастлив"
(В.Шубарт).

Мне скажут, что представленный образ "мужского" христианства - нежизнен, это
религия сильных духом одиночек. Мол, нужно не забывать и о потребностях широких
масс, об их слабости, потребности в утешении, и всё такое. Но двухтысячелетний
опыт "удовлетворения" в первую очередь их плебейских религиозных нужд уже,
считай, провалился. Почему бы не попробовать какой-то другой вариант?

Упаси Бог, автор вовсе не против счастливой семейной жизни и не против детей.

Кот обожает своего Котёнка, старается заботиться о нём, понимать его и общаться
как можно больше. И автор вовсе не против самого потребления, и, подобно всем
смертным, также предаётся всяким утопически-гедонистским мечтаниям - о таком

хорошеньком макси-скутере, типа Suzuki Burgman, чтобы оттягиваться после работы

над текстами, о гараже на охраняемой стоянке, и даже о Thorens"е с тонармом SME

3012. . . Я отнюдь не призываю кем-то там и чем-то там во имя непонятно чего

жертвовать, совершать какие-то невозможные подвиги, следовать за Христом, брать

какие-то ещё кресты. . . Ну разумеется, нет. Каждый живёт так, как ему хочется.

Просто, не делая всего этого, не стоит называть себя христианином. Это не есть

христианство. Это - бабство.

Это злейшая ересь - считать, что богатство, и вообще обеспеченная, сытая

жизнь совместима с учением Христа. Это вещи взаимоисключающие (МФ. 6, 24). Как

невозможно быть одновременно мужчиной и женщиной, так невозможно одновременно

существовать в двух системах ценностей - женской и мужской. Одна из них

неизбежно подчинит себе другую. И даже нетрудно предположить, какая именно: та,

что "прочно стоит на ногах" (то есть женская) начнёт со временем доминировать

над мужской. И не нужно себя по-бабски уте-

шать: мол, я и храм регулярно посещаю,
и неплохие деньги зарабатываю. Так вот: можно не посещать. Самодовольство и
самоуверенность, появляющиеся в душе от этих "неплохих денег" полностью
нейтрализуют любой христианский порыв.

Ну разумеется, если наш "добытчик" спросит обо всём этом в церкви, ему
заявят: уж лучше зарабатывать и посещать храм, чем вообще не делать этого.

Угадайте, почему ответят так? А вот и не угадали: потому что церковь (в отличие
от христианства) - и есть баба. А она, как известно, считает что всё совместимо
со всем. Вообще-то нельзя, но если очень хочется, то можно.

Христианская Церковь в её православном варианте превращает человека в бабу
потому, что ставит как деторождение, так и достижение святости выше, чем любое
настоящее мужское дело, которое оказывается теперь, как минимум, второстепенным.

Вот вам самый показательный, можно сказать, классический пример из нашей
истории.

Последний российский император был слабо-

вольным, малообразованным, зависимым
и упрямым человеком. "Безвольный, малодушный царь", - констатировала Богданович
А. В. ("Три последних самодержца". М., 1990, с. 120). "Хитрый, двуличный,
трусливый государь", - так охарактеризовал Николая II председатель второй
Государственной думы Ф. Головин. "У Николая нет ни одного порока, - записал 27
ноября 1916 г. Палеолог, - но у него наихудший для самодержавного монарха
недостаток: отсутствие личности. Он всегда подчиняется" (Палеолог М. "Царская
Россия накануне революции". М., 1991, с. 126). Министр финансов писал о нём: "
Царь... не имел царского характера... Нужно заметить, что наш государь Николай
II имеет женский характер. Кем-то было сделано замечание, что только по игре
природы незадолго до рождения он был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от
женщины. . . Этот лозунг - "хочу, а потому так должно быть" - проявлялся во всех
действиях этого слабого правителя, который только вследствие слабости делал все
то, что характеризовало его царствование"

(Витте С.Ю. "Избранные воспоминания",
М., 1991).

А вот что думала о нём сама царица, Александра Федоровна. 13 декабря 1916 г.

она писала ему: "Как легко ты можешь поколебаться и менять решения, и чего стоит

заставить тебя держаться своего мнения... Как бы я желала влить свою волю в твои

жилы... Я страдаю за тебя, как за нежного, мягкосердечного ребенка, которому

нужно руководство". Домашний учитель цесаревича Алексея француз Пьер Жильяр,

находившийся при семье Романовых в течении 13 лет, вспоминал: "Задача, которая

выпала на его долю, была слишком тяжела, она превышала его силы. Он сам это

чувствовал. Это и было причиной его слабости по отношению к государыне. Поэтому

он в конце концов стал все более подчиняться ее влиянию" (Жильяр П. Император

Николай II и его семья, М., 1991, с. 135).

Далее Жильяр сообщал о "всегда больной" царице, "подавленной своим

могуществом, осаждаемой страхом, чувствующей, что над ней тяготеет ужасный рок.

. . Болезненные наклонности Александра Федо-

ровна получила по наследству от
матери... Душевное беспокойство, постоянная грусть, неясная тоска, смены
возбуждения и уныния, навязчивая мысль о невидимом и потустороннем, суеверное
легковерие - все эти симптомы, которые кладут такой поразительный отпечаток на
личность императрицы... Покорность, которой Александра Федоровна подчиняется
влиянию Распутина, не менее замечательна" (там же).

Итак, последний русский государь по собственной воле оказался под каблуком у
своей жены, немецкой принцессы - истеричной, вздорной дуры с
интеллигентски-восторженным типом религиозности. Эта дура, в силу своих
заморочек, постоянно находила самые извращённые объекты для поклонения, для
приложения душевных своих сил - достаточно вспомнить пример того же Распутина.

Император же не смог ничего ей противопоставить, он слушался жену во всём. Как
результат - случайные, невежественные люди диктовали свою волю всей России.

Бывший министр иностранных дел С. Сазонов

вспоминал: "Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным". Царская семья, сам институт власти, наконец, оказались полностью профанированы в массовом сознании. Или, выражаясь иначе, фигура царя перестала быть объединяющим началом, этакой "функциональной точкой" для фокусировки идеологических сил. Выражаясь проще, в обабившегося царя просто перестали верить. А ведь какие-то идиоты почти наверняка скажут, что "империя погибла из-за бабы".

Но ведь за всё отвечал именно мужчина, царь. В результате также и его неумелых и неумных действий развалилось не только могущественное, стремительно развивающееся государство, погибли не только миллионы людей, но и он сам, и жена, и почти все его дети. Однако как всё изложенное, так и профессиональная некомпетентность монарха, не были приняты во внимание Церковью - что весьма показательно. Поскольку император с семьёю были расстреляны, то есть "приняли мученический венец", то и были благополучно

причислены к лику святых.

Сакрализовали его за мученичество, но не за дело. Можно, конечно, допустить, что личность императора надломилось под тяжелой ношей - гибнущей империей. Однако в православии общим местом является утверждение, что Бог никогда не посылает испытаний, превышающих наши силы.

Если до предела упростить схему происходящих тогда событий, то мы увидим, что Николай II, в конечном счёте, выбирал между своим ребёнком и целой империей. Он мог бы поступить, как Авраам, то есть, в данном случае, рискнув здоровьем ребёнка, отлучить Распутина от престола, поставить на место психопатку-жену, и навести порядок в государстве. Силы и средства для этого у него были. Но выбрал он почему-то ребёнка и жену. Кстати: где в это время была "вторая ветвь власти"?

Куда смотрела? Так почему же такую "тряпку" причислили к лику святых?

Но как теперь мы назовём тех умников, которые скажут, что "великая империя погибла из-за бабы"? Почему же из-за неё? А царь, выходит, тут не при чём? И

вообще: почему, собственно, империю называют "великой"? Да она была полностью
бабской, в ней доминировали типично женские ценности, и в этом смысле царь лишь
аккумулировал в себе соответствующие её черты. Есть у англичан великолепная
поговорка - "каждый народ имеет того правителя, которого заслуживает". Общество,
пропитанное бабством отлично "отзеркалилось" в обабившемся правителе. А всё
бабское, не подчинённое мужскому, обречено на постепенное вымирание. . . И
революцию 1917 года следует понимать именно как скачок страны в другую
крайность. Общество в то время "устало" от мещанства, оно нуждалось в крутом
реформировании. Не только общество, но и экономика тоже.

Между прочим, самого Сталина уважают даже не за "сильную руку", но в первую
очередь потому, что в обществе при его правлении мужские ценности доминировали.

Сталин сумел лишь прочувствовать их, и дать им новое развитие. Именно этот
момент чувствуют многочисленные его приверженцы. В экономике мужской тип

означает приоритетное развитие тяжёлой и военной промышленности, производство
средств производства; женский - ориентация на лёгкую промышленность, выпускающую
потребительские товары.

С уважением произнося имя "Сталин", мужчина имеет в виду не неуклюжий
командный тип экономики, не миллионы невинных, сидящих по лагерям, не чёрт знает
какой рост ВВП, и не ту самую "сильную руку", но, в первую очередь, систему
ценностей, близкую каждому мужчине, и персонифицированную в личности Сталина.

Ребята, давайте называть вещи своими именами: дело не в "сильной руке", но в
мужских ценностях.

Сталин сумел сделать то, с чем не справился Николай. Даже и в семейной жизни
первый повёл себя отлично от второго: власть, могущество государства, позитивный
образ вождя были для Сталина важнее "тихого семейного счастья". Конечно, Сталин
немало наломал дров (как, кстати, и Пётр I). Ну так, полагаете, стремительный
перевод такой огромной страны на другую, мужскую систему ценностей, может

обходиться без жертв?

Следующий "переворот" у нас произошёл, кажется, при Горбачёве... Не напомните

ли мне, какими были его отношения с женой? Такие, как у Сталина, или как у

Николая II? Ведь третьей модели, как известно, нет...

И ещё один вопрос: почему рядовой патриотический обыватель даже не в

состоянии адекватно оценить фигуру последнего императора? И один из моих друзей,

жуткий патриот, страшно напрягается, когда Кот загибает ему очередное

рассуждение о Николае II. Что им всем мешает понять?

А мешает нам всем поверхностность. Такая бабская поверхностность, любящая

внешний блеск богатства, власти, славы, почестей, мишуры. . .

Мужчина должен уметь как бы пожертвовать ребёнком, поставив интересы своего

дела выше интересов семейных, выше продолжения своего рода. Кто-то _д_о_л_ж_е_н_

уметь сделать это - так как женщина на такое решительно неспособна. И это,

кстати, нормально, так и должно быть.

Идеология, учащая нас, что "дети - превыше всего" не только превращает мужчин
в слизняков, но является, по сути, лживой и, в конечном счёте - губительной для
человеческого рода. Блин, на какие я тут масштабы замахнулся. . .
В любой взаимосвязанной, органичной системе, при ослаблении одного элемента,
его функции берут на себя другие, приобретая тем самым свойственные нашему
"неудачнику" черты. Прочухали уже, к чему я клоню? Если мы, мужчины, духовно
ослабли, то наши функции понемногу начинают выполнять женщины. И дело не в том,
что "времена нынче такие, что женщины испортились". Это мы, мужчины, оказались
не на высоте задач, поставленных перед нами временем. Феминизм тоже породили мы.
Это в первую очередь мы в нём виноваты - подобно тому, как Адам виноват в
грехопадении Евы. Нам, видите ли, спокойнее по старинке просто зарабатывать
денежки. Но сейчас этого уже мало.
И бороться с тем феминизмом нужно не одной критикой бабства, но
культивированием в себе подлинного муже-

ства - когда умеют думать и понимать,

делать и отвечать, а не кулаками махать, да просто "обеспечивать семью".

Американские мужики неплохо умеют зарабатывать, научились больше 100 лет назад,

- ну и где у них семьи? Где у них нормальные женщины? Бороться нужно с

собственной, мужской инфантильностью, а не с бабством. Ну всё: сук, на котором

сидел Кот и строчил этот текст, отпилен:)

* * *

Не знакомьтесь с убеждёнными христианками. Дуры они все. И мировоззрение у

них дурацкое. И вообще - нынешние христиане (кстати, других никогда и не было)

имеют классически-манихейское мировоззрение. То есть мы возвращаемся к пункту,

где знакомимся с сектанткой.

Впрочем, нет правил без исключений. Однажды позвонила мне девушка (18/158/55,

Рак, обалденный голос, учится в медучилище, любит мужиков постарше). С первой же

секунды общения оба почувствовали, что решительно созданы друг для друга.

Понимание, эмпатия были просто супер. Далее был почти час настоящего блаженства

для ума и сердца. Сразу возникло ощущение, что мы всем подходили друг другу.

И тут вдруг она сообщила, что православная. Типа, имеет духовника, ходит в

храм. . . Я громко, в голос, застонал. Она удивилась - в чём дело? Ответил ей,

что наши отношения всё равно невозможны. Настоящий союз может быть основан лишь

на полном взаимопонимании, а я занимаюсь по жизни тем, что православные никогда

не примут. "Чем же?" - спросила она. И тут же добавила до боли знакомое: "И кто

Вас благословил?". Я честно рассказал, заранее зная, что мне ответят (это

говорят Коту решительно все православные). Именно это она и изрекла. И добавила

грустным голосом: "Извините, я не могу больше разговаривать с Вами" (увы!

церковный устав запрещает им даже трапезничать совместно с такими людьми).

На том и расстались. . .